Венера Менье

Научи меня любить

18+

Верена Менье

Научи меня любить

«Автор»
2026

Менье В.

Научи меня любить / В. Менье — «Автор», 2026

Ему нужно сдать сессию. Ей — научиться любить.Леон Ренар привык, что ему всё сходит с рук. Сын мэра и звезда вечеринок — до того дня, когда отец ставит ультиматум, декан даёт срок до понедельника, а друзья отказываются прикрывать. Единственной, кто ещё может его вытащить, оказывается Эва Бюри — тихая отличница в очках с толстыми стёклами, которая не раз выручала его перед дедлайнами и ни разу не посмотрела ему в глаза.Эва соглашается помочь. Но взамен просит о странном: научить её тому, в чём Леон разбирается лучше всех в городе. Флирту. Свиданиям. Близости. По пунктам, как в учебном плане, — без обязательств, без чувств и только до апреля.Урок за уроком — взгляды, запахи, слова, прикосновения — граница между учителем и ученицей становится всё тоньше. Только Леон до сих пор не понимает, кого на самом деле учит, а Эва не собирается ему об этом рассказывать.Неторопливая история о том, как двое учатся тому, чему не учат ни в одном университете, — видеть друг друга.

© Менье В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Солнечный лис 5
Глава 2. Мелкая 14
Глава 3. Обстоятельства непреодолимой силы 20
Глава 4. Бар "Счастливый конец" 31
Глава 5. Деловое предложение 38
Глава 6. Залог 44
Глава 7. Красные попугаи 53
Глава 8. Госпожа Изюм 62
Глава 9. Алло, мам... 70
Глава 10. Флирт – это бой 76
Глава 11. Соль и лимон 82
Глава 12. Всё включено 88
Глава 13. Приемлемо 97
Глава 14. Госпожа Изюм разрешает 108
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Верена Менье
Научи меня любить

Глава 1. Солнечный лис

В конце октября океан у Кастельмара был ещё по-летнему приветливым, только ветер с воды стал холоднее и всё чаще заставлял прохожих кутаться в кофты и шарфы. Город тянулся вдоль берега светлой полосой: старый порт с рыжими кранами, мосты, башни делового квартала, проспекты, уходящие вверх, к подножию гор, чьи вершины терялись в утренней дымке.

Над набережной широкими террасами поднимались белые корпуса Университета святого Эстера, утопающего в зелени и розовых цветах олеандра. Окна большой аудитории факультета государственного управления выходили прямо на воду. Жалюзи были подняты, и студенты ловили последние тёплые лучи перед сезоном дождей. Океан за стеклом сиял так, словно лично издевался над Леоном Ренаром. Парень сидел на предпоследнем ряду, положив локти на парту и закрыв веснушчатое лицо ладонью. В Кастельмаре было слишком много солнца для того, чтобы умирать от похмелья.

— Ты не опоздал. Я впечатлён. — Даниэль Маро опустился на своё место через проход, начав доставать из сумки ноутбук, папки с распечатками и учебник с торчащими из него закладками.

— Отстань, Дани.

— Ты выглядишь так, будто тебя выбросило на берег после кораблекрушения, — голос Миры Сольер был до неприличия звонким. Девушка приземлилась на соседнее место от Леона и, достав из сумки зеркальце, начала внимательно осматривать макияж и копну каштановых кудрей.

— Даже с похмелья ты симпатичнее половины факультета, — с притворной досадой вздохнула она, не отрываясь от зеркальца. — Это несправедливо.

— Спасибо, Мир, — Леон даже не посмотрел на подругу. Голова раскалывалась, и любой громкий звук отдавался тупой болью в висках. — Ты просто мастер комплиментов.

Мира захлопнула зеркальце и достала ноутбук, на экране которого тут же засветился вступительный слайд презентации.

— Комплименты будут после пары. Если сдашь.

— Тогда хотя бы потише. Иначе я умру ещё до того, как меня убьёт Кайер.

Перед Леоном на парту опустился стаканчик с кофе и бутылка минеральной воды. Леон убрал ладони и посмотрел на своего спасителя. Алекс Фруа был его лучшим другом со школьной скамьи, но сейчас во взгляде его тёмных глаз не читалось ничего, кроме раздражающего Леона осуждения. С тех пор как его лучший друг съехался с подругой их детства, Алекс стремительно начал перенимать дурную привычку Элизы к нравоучениям. И всё же кофе и минералка были как нельзя кстати.

— Спасибо.

Алекс хмыкнул и коротко кивнул в сторону своей девушки, которая уже яростно разбирала свои вещи рядом ниже.

— Держись, — шепнул Алекс и отошёл к своему месту.

Этого только не хватало. Элиза Сангре не умела скрывать свои эмоции, и было видно, что ещё чуть-чуть и начнётся извержение вулкана. Леон глотнул кофе. Напиток явно был из автомата в холле. Алекс, засранец, мог бы купить и чего получше. Кофе был отвратительным: слишком кислым, слишком жжёным, слишком горячим, и не делал ничего из того, что обещал своим существованием.

Но кофе был меньшей из его проблем. Элиза со звонким хлопком выложила последнюю папку и повернулась так резко, что красные волосы хлестнули севшего рядом с ней Алекса по плечу. Сангре окинула Леона гневным взглядом старшей сестры, которой в очередной раз приходится объяснять нерадивому брату до безобразия простые истины.

— Леон.

— Что?

— Ты хотя бы помнишь, что сегодня защита промежуточных работ?

Вопрос прозвучал на всю аудиторию. К Леону начали поворачиваться любопытные взгляды, не говоря о том, что кроме Элизы его сверлил пристальный взгляд Даниэля, а Мира смотрела на него с таким весельем, будто у него изо рта сейчас полетят мыльные пузыри. Он что, клоун на арене цирка? Только Алекс не повернулся, внимательно рассматривая свои распечатки. Мог бы и поддержать друга.

— Конечно помню. — Леон постарался выдержать взгляд красноволосой «сестрицы».

— Тогда где твоя презентация? — Элиза прищурилась.

Леон лениво отпил кофе, поморщившись, когда горячий напиток обжёг нёбо, и открыл ноутбук. На первом слайде красовался Кастельмар с высоты птичьего полёта. Ниже стоял заголовок: «Социальная политика современного мегаполиса: вызовы и перспективы». Дальше шёл пустой слайд. Мира заглянула в экран и чуть не расхохоталась. Даниэль только обречённо вздохнул. Леон снова закрыл глаза.

— В процессе.

— В процессе чего? — спросила Элиза. — Саморазрушения?

— Элиза, пожалуйста. Не сейчас.

— А когда?

— М-м… — невнятно пробормотал Леон, не открывая глаз.

Мира хотела что-то сказать, но осеклась, кивнув Элизе на двери аудитории. Сангре повернулась и тут же села за парту. В аудитории за пару секунд смолк шум разговоров. Леон открыл глаза. На пороге стоял Адриан Кайер, в университетских кулуарах — Кайер-сенсей. Прозвище прилипло к нему много лет назад, и уже никто не помнил, откуда оно взялось. Невысокий, сухопарый, в гавайской рубашке с попугаями и с беспорядочно взъерошенными седыми волосами, он выглядел так, будто по ошибке свернул в аудиторию вместо пляжа. Несмотря на его расслабленный вид, все знали: Кайер-сенсей замечал всё, а особенно тех, кто надеялся остаться незамеченным. Его взгляд остановился на Леоне ровно на секунду, и Леон перестал крутить стаканчик с кофе.

— Утро… — сказал профессор.

— Доброе, — нестройно ответила аудитория.

— Надеюсь, оно действительно доброе. Сегодня мы закончим блок по городской социальной политике и заслушаем ваши промежуточные проекты. Напомню: вы не пересказываете теорию, вы предлагаете модель, которая может работать в реальном городе. — Он положил папку на стол.

— В таком городе, как Кастельмар: с неравным доступом к образованию, растущей арендой жилья, перегруженной транспортной системой, дорогими центральными районами и окраинами, которые существуют будто отдельно от всего остального.

Всё это Леон уже слышал много раз, и не только на лекциях. Мэр Кастельмара Элерон Ренар мог говорить часами о любимом городе во время субботних семейных ужинов. И Леону порядком наскучило слушать о равных возможностях, доступной среде и будущем Кастельмара. Благо его мать, Инес Сагас-Ренар, наследница империи Сагас, чьи отели стояли от побережья Кастельмара до далёких средиземноморских портов, больше своего дела любила только свою семью, поэтому на время ужина откладывала телефон и ловила каждое слово мужа, будто не слышала в жизни ничего интереснее. Леону оставалось лишь присутствовать. Хотя порой

отец говорил так увлечённо, что его захватывал отцовский пыл, и он даже пытался представить, каково это — гореть идеей и желанием сделать такой огромный и сложный город, как Кастельмар, лучше. Но стоило ему выйти из столовой поместья Ренар, как его захватывали куда более интересные мысли, чем доступный общественный транспорт или стоимость аренды жилья.

— Начнём, — вырвал его из размышлений Кайер-сенсей. — Господин Маро.

Презентация Даниэля была собрана идеально: графики, цифры, карты, сравнение районов и краткий, но понятный вывод. Городская программа льготной аренды должна учитывать уровень дохода и доступ к инфраструктуре, а регистрация по месту жительства тут мало что решает. Кайер задал несколько вопросов. Даниэль ответил на каждый.

Потом выступила Мира — о молодёжной занятости в прибрежных районах. Потом Элиза — о поддержке семей с детьми в районах новой застройки. Потом Алекс, который, к удивлению Леона, очень увлечённо рассказывал о своей теме и не попытался сделать вид, что ему всё равно.

Леон слушал вполуха, стараясь не смотреть на пустой файл перед собой. Он не сомневался, что Кайер оставит его на закуску. Это было плохо, особенно потому, что Кайер-сенсей сегодня явно пребывал в том настроении, когда доброжелательность может закончиться за один неверный ответ.

— Госпожа БюрИ, — сказал профессор.

С первого ряда поднялась девушка: длинная чёрная коса, очки в толстой оправе, серый свитер. Шёл третий год их совместной учёбы, но замечал Эву Леон, только когда её вызывали отвечать. Для лучшей студентки курса она была на удивление незаметной, будто тень, которая появляется, лишь когда её позовут к доске. Она могла бы раздражать всезнайством, безупречными оценками, стремлением быть лучшей во всём. Но в ней, казалось, не было ни капли честолюбия и амбициозности. Только почти болезненная необходимость в знаниях. Эва не ходила на вечеринки, не задерживалась после пар в кофейне напротив главного корпуса, не появлялась на университетских благотворительных вечерах и не попадала в истории, которыми потом неделю жил весь факультет.

На первом курсе кто-то пустил слух, что Эва поступила по гранту для талантливых студентов из небогатых семей. И что ей лично благоволит ректор университета госпожа Верт. Для университета, в котором обучение стоило в месяц как маленькая яхта, это был повод и для сплетен, и для высокомерных взглядов со стороны.

Однажды на первом курсе им с Элизой даже пришлось заступиться за Эву. Она была тогда совсем нелюдимой: приехала в Кастельмар откуда-то из провинции, поступила на год раньше сверстников и казалась испуганной девчонкой, случайно попавшей на чужой праздник. Вздрагивала, когда к ней обращались, отвечала односложно и первой уходила из аудитории, прижимая к груди папку с конспектами, которые писала чуть ли не дословно за профессорами, чем вызывала насмешки многих однокурсников. Несколько девушек однажды спрятали эту папку перед важным семинаром, а потом устроили целое представление в коридоре, заявив во всеуслышание, что «таким, как она, надо учиться в сельской библиотеке, а не делать вид, будто они здесь свои». Одна из них спросила, не потеряла ли Эва свою папку вместе с приглашением в приличное общество. Леон тогда оказался рядом случайно — шёл с Элизой из кофейни и услышал последние слова. У него не было высокоморальных принципов, но он терпеть не мог, когда люди унижали других ради забавы.

— Верните папку, — сказал Леон, остановившись около Эвы.

Девушки сначала рассмеялись. Одна из них тут же решила воспользоваться моментом: подошла к Леону почти вплотную, кокетливо поправила волосы и промурлыкала, что такому, как он, не стоит тратить время на серых мышек. Леона передёрнуло.

— Мне не нравятся те, кому для смелости нужна целая стая. Верните папку. Иначе придётся спросить у Кайер-сенсея, как он относится к тому, что перед его семинаром у одной из его любимых студенток пропали конспекты.

Девушка обиделась, но папка быстро нашлась в мусорной корзине у лестницы, засыпанной пустыми стаканчиками из кофейни. Леон достал её, стряхнул с обложки кофейную гущу и протянул Эве. Она тогда едва сумела выговорить «спасибо». Щёки у неё горели, пальцы дрожали, но она не плакала и не опускала глаза. Особой чуткостью Леон не отличался, но это запомнил: ему не понравилось, что она пыталась держаться так, будто ничего не произошло.

С тех пор Элиза и Мира взяли Эву «под крыло», не позволяя кому-либо открыто цепляться к ней. Леон так и не понял, правда ли они испытывали к Эве симпатию или им просто нравилось, что у них есть подопечная, которую можно защищать от несправедливости и тем самым зарабатывать плюсики в карму.

Леон давно не вспоминал про тот случай, да и он редко вспоминал про Эву кроме случаев, когда до сдачи очередной работы оставался день или два, а его собственный проект существовал только в виде фантазий. И тогда он частенько обращался к Эве. Она никогда не отказывала ему. Стоило подойти к ней с усталым видом, признаться, что он «всё запустил», и чуть виновато улыбнуться — и она доставала свои конспекты, присылала ссылки, объясняла материал или помогала собрать структуру доклада.

— Моя тема — «Социальная политика современного мегаполиса: доступ к возможностям как основа городской устойчивости», — сказала Эва.

Девичий голос прозвучал тихо, но ровно. Леон пришёл в себя и понял, что похмелье странно на него действовало: он и не подозревал, что в его голове столько мыслей об Эве БюрИ. Она повернулась к аудитории.

— Обычно социальную политику обсуждают как систему выплат и льгот, — продолжила Эва. — Но для большого города важнее другой вопрос: зависит ли качество использования возможностями города его жителями от района проживания, уровня дохода семьи и наличия личных связей.

На экране появилась карта Кастельмара. Центральная часть города была отмечена золотистым цветом: университеты, клиники, культурные площадки, офисы, транспортные узлы. Дальше шли более тёмные районы — старые кварталы, окраины у промышленной зоны, поселения у горной дороги.

— Если талантливая школьница из Южного порта тратит два часа на дорогу до лицея, куда поступила благодаря своим высоким умственным качествам, она в любом случае проигрывает тем, кто может учиться в разы хуже, но при этом живёт рядом с лицеем. Два часа дороги лишают её дополнительного времени на учёбу, отдых, дополнительные занятия…

Эва говорила без бумажки, и с каждой фразой её голос звучал увереннее, будто она забыла, что на неё смотрят тридцать человек. Жестикулировала она мало, зато смотрела прямо на слушателей и ни разу не опустила глаз.

Леон поймал себя на том, что слушает. Эва, которую он привык замечать лишь краем глаза, выходя отвечать, будто оживала. В такие минуты она становилась похожей на его отца: горящий, уверенный взгляд, увлечённая речь и абсолютная вера в то, что мир можно сделать лучше.

Она говорила о доступной городской среде, стипендиях, психологической помощи в учебных заведениях, транспортных льготах, муниципальных стажировках и городских программах для молодых специалистов. Она не призывала «раздавать деньги всем», как, вероятно, ожидали бы от студентки её социального статуса. Напротив, она строила модель так, будто уже работала в мэрии и знала, сколько в ней отделов, согласований и людей, которым проще сказать «это невозможно», чем искать решение.

— Последний пункт, — сказала Эва, переключая слайд. — Открытая система стажировок в муниципальных учреждениях.

— Поясните. — Кайер поднял брови.

— Сейчас многие студенты считают, что попасть на стажировку в мэрию можно только через рекомендации, родственников или факультетские связи. Это создаёт недоверие и делает саму программу закрытой. Я предлагаю единый конкурс: анонимная оценка письменных работ на первом этапе, затем публичная защита проектов и обязательная обратная связь для всех участников.

В аудитории кто-то негромко усмехнулся. Леон даже не стал оборачиваться: вероятно, кто-то из тех, кто действительно считал связи единственным способом попасть куда угодно.

— Вы всерьёз полагаете, что система может быть полностью анонимной? — спросил Кайер.

— Полностью — нет, — ответила Эва. — Но достаточно прозрачной, чтобы личное знакомство не было главным преимуществом. И достаточно открытой, чтобы у города появлялись сотрудники, которые знают не только центральные кварталы и отчёты департаментов.

— Хорошо, госпожа БюрИ, — помолчав несколько секунд, сказал Кайер. — Очень хорошо. Ваша работа пока одна из самых цельных: вы видите систему целиком. Пожалуйста, пришлите мне развёрнутый вариант к пятнице. Я хочу внимательнее изучить его и, возможно, обсудить с профессором Верт.

Эва замерла на мгновение. Потом кивнула.

— Хорошо, профессор.

Она вернулась на своё место, опустив глаза. И только тогда Леон заметил: пальцы у неё едва заметно дрожали. «Значит, всё-таки волнуется», — подумал он.

— Господин Ренар, — сказал Кайер-сенсей, заглянув в список.

Кто-то хохотнул в тишине аудитории. Леон медленно поднялся.

— Добрый день, профессор.

— У вас есть презентация?

Леон кинул взгляд на свой ноутбук. Кастельмар с высоты птичьего полёта всё ещё сиял на первом слайде своей бесполезной красотой.

— В некотором смысле.

— В каком именно?

— Я хотел сделать упор на устное выступление.

С заднего ряда кто-то фыркнул. Мира закрыла лицо рукой. Элиза уставилась в потолок так, будто просила высшие силы о терпении. Кайер молчал. Пришлось продолжать.

— Социальная политика большого города должна учитывать…

Он сделал паузу. В голове было пусто, как на его слайде.

— …множество факторов, — закончил он.

Кайер-сенсей снял очки и медленно протёр их салфеткой. Потом снова посмотрел на Леона.

— Господин Ренар, мы уже обсуждали вашу работу.

— Да, профессор.

— Мы обсуждали её в сентябре. Затем в начале октября. И неделю назад, когда вы обещали, что подготовите хотя бы основу.

— Понимаете, вчера…

— Нет, — перебил его Кайер. Голос остался спокойным, но стал жёстче. — Я не хочу понимать, что было вчера. Меня интересует, что будет дальше.

Краем глаза Леон увидел, как Алекс медленно повернул к нему голову. Во взгляде друга ясно читалось: «Ты попал». Мира рядом с Леоном съехала вниз на стуле, будто любым способом пыталась не попасть в поле зрения профессора.

— Вы способный студент, — продолжил Кайер. — И именно поэтому мне надоело наблюдать, как вы используете способности исключительно для того, чтобы придумать, как вывернуться. Ваша фамилия не даёт вам права приходить неподготовленным. Деньги ваших родителей не напишут за вас работу. И мэрия, вопреки вашим представлениям, не является продолжением гостиной в доме Ренаров.

Последняя фраза ударила точнее, чем хотелось бы. Леон перестал улыбаться и покраснел в цвет собственных веснушек прежде, чем успел придумать ответ.

— До понедельника вы сдаёте полноценный проект, — сказал профессор. — Не набор общих слов, не четыре страницы, написанные ночью, и не работу, собранную чужими руками. Если вы снова придёте без результата, я буду вынужден поставить вопрос о вашем отстранении от курса.

— Понял, — коротко сказал Леон.

— Очень надеюсь. Все свободны.

Леон сел, открыл бутылку минералки и махом её осушил. Аудитория быстро наполнилась шумом: закрывались ноутбуки, отодвигались стулья, кто-то обсуждал презентации, кто-то уже договаривался о ланче. За окнами ярко светило солнце, и казалось почти оскорбительным, что мир продолжал быть таким хорошим.

Леон закинул рюкзак на плечо, вышел в коридор и догнал остальных.

— Дани.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Ты собирался попросить меня помочь с проектом.

— Всего на пару часов.

— Нет.

— Ты же всё равно умеешь это делать быстрее всех.

— Леон, — Даниэль остановился и повернулся к нему, — я три раза помогал тебе с заданиями в прошлом учебном году.

— Два.

— Три. И каждый раз ты обещал, что это последний.

— Ну, теперь точно последний.

— Знаешь, что самое утомительное? — Даниэль устало провёл рукой по волосам. — Если бы ты был тупым, я бы даже пожалел тебя. Но проблема в том, что ты постоянно ждёшь, что кто-то придёт и вытащит тебя из огня. Алекс, я, Элиза, твои родители. Кто угодно.

— Очень воодушевляющая речь.

— Рад, что воодушевил. Ответ всё равно «нет».

— Ладно. — Леон перевёл взгляд на Алекса. — Алекс…

— Нет, — сказал тот сразу.

— Мы же друзья.

— Именно поэтому я не собираюсь делать твою работу вместо тебя.

— Я не прошу сделать. Просто посмотреть структуру.

Алекс наконец остановился. Элиза тоже замедлила шаг, и вся компания невольно встала у окна, перегородив часть коридора.

— Леон, — сказал Алекс. — Твой отец вчера звонил моему отцу.

— И? — Леон нахмурился.

— И просил, чтобы я «оказал на тебя благотворное влияние».

— Сговорились вы сегодня, что ли? — Леон взъерошил светло-рыжие волосы и усмехнулся, хотя весело ему не было.

— Возможно, — спокойно ответил Алекс.

Леон повернулся к Элизе. Она стояла рядом с Мирой, скрестив руки на груди. Было понятно, что просить её — дохлый номер.

— Ты очень похожа на Кайера.

— Спасибо.

— Это не был комплимент.

— Я так не думаю.

— Может, в этот раз тебе правда стоит сделать всё самому? — Мира улыбнулась, чтобы смягчить напряжение.

— Ты тоже?

— Я люблю тебя как друга, Леон, — мягко сказала она. — Но мы с Даниэлем в пятницу уезжаем к его родителям. И нет, я не буду всю ночь редактировать твой текст в поезде.

— Вы уезжаете в пятницу?

— Мы говорили тебе.

— Когда?

— Вчера.

— Вчера было много информации.

— Судя по твоему виду, — сухо заметила Элиза, — слишком много.

Они снова двинулись по широкому коридору к главному холлу — все вместе. Друзья переключились на обсуждение вечернего похода в кино, но Леон шёл рядом молча, прокручивая варианты, которые могут помочь ему не зависнуть на все выходные с проектом.

Навстречу компании шла девушка с длинными светлыми волосами и стаканом смузи в руках. Увидев Леона, она просияла и замахала свободной рукой.

— Леон! Привет!

— Привет, — Леон ответил своей фирменной улыбкой Ренаров, которая ослепляла, но не значила ровным счётом ничего, кроме вежливости. Девушка ещё несколько шагов оглядывалась на него через плечо.

— Кто это? — спросил Алекс.

Леон попытался вспомнить. Вечеринка у бассейна в «Сагас Империал»? Яхта Ромеро? Или та, что ночью пела в караоке на набережной?

— Без понятия.

— Она назвала тебя по имени, — заметила Элиза.

— Я сын мэра. Все знают, как меня зовут.

Мира покачала головой, Даниэль хмыкнул, Элиза хотела что-то сказать, но Алекс остановил её, слегка сжав ладонь. Леон это заметил и был ему благодарен: очередной порции нравоучений за сегодня он бы не выдержал.

И тут Леон увидел Эву БюрИ. Она шла впереди, прижимая к груди сумку с ноутбуком и тетрадями. Она двигалась быстро, будто надеялась проскользнуть через коридор до того, как кто-то заметит её существование.

— Эва! — Леон замедлил шаг, но она не обернулась. — Эва, подожди, пожалуйста!

Эва остановилась и медленно повернулась. Сначала посмотрела на Элизу и Миру, затем неловко кивнула Алексу и Даниэлю. Лишь потом её взгляд остановился на Леоне.

— Да, Леон?

Она прижала сумку к животу обеими руками, плечи её чуть напряглись, взгляд снова скользнул с него на Элизу, потом к Мире, к окну. Она смотрела куда угодно, только не в лицо Леону. Он впервые заметил эту перемену так отчётливо. Перед всей аудиторией Эва говорила спокойно, уверенно и почти не заглядывала в заметки. В личном же общении всегда становилась робкой и нервной, будто боролась с желанием бросить едва начавшийся разговор и сбежать.

— Слушай, — сказал Леон, придав голосу немного грустных ноток. — У меня небольшая проблема с проектом.

— Я заметила, — ответила она.

Мира тихо фыркнула. Алекс отвернулся к окну, скрывая улыбку. Леон сделал вид, что ничего не произошло.

— Мне нужна помощь с материалами. Не написать за меня, нет. Просто объяснить, с чего начать. Может, показать структуру. Ты же всё равно уже разобралась.

Леон ожидал привычной реакции: неловкого согласия, растерянности, может быть, попытки сказать «я не уверена», но Эва неожиданно посмотрела прямо на него.

— Я уже помогала тебе, — вдруг сказала она. — Две недели назад. Перед семинаром по муниципальному бюджету.

Он попытался вспомнить. В голове всплыл коридор, Эва с распечатками, какие-то цифры, которые он тогда быстро переписал в тетрадь.

— А, да. Точно. Спасибо, кстати. Очень выручила.

— Ты обещал принести мне книгу.

— Книгу? — переспросил Леон.

— «Город и власть: институты управления в переходный период». Из вашей семейной библиотеки. Ты сказал, что у вас есть первое издание с комментариями профессора Арвина.

Теперь он вспомнил. Книга действительно была. Кажется, в кабинете отца. Он даже собирался поискать её на следующий день. А потом… потом было что-то другое. Вечеринка у Ромеро, поездка за город, чей-то день рождения. И книга исчезла из его памяти.

— Слушай, я правда собирался, — начал Леон. — Просто…

— Но не принёс.

— Да. Но я принесу. Сегодня. Завтра. Как только…

— Не надо.

Он осёкся. Эва перехватила сумку поудобнее. Голос у неё был всё таким же тихим, но теперь в нём не было ни тени робости.

— Я нашла другое издание. И работу уже сдала.

Леону стало странно. Он редко испытывал чувство вины. И даже когда понимал, что виноват, старался отодвинуть его в сторону, как тарелку с ненавистным брокколи в детстве. Но сейчас он был настолько удивлён отказом Эвы, что в груди расползлось едкое разочарование собой.

— Эва, ну я не специально.

— Я знаю.

— Тогда почему ты…

— Потому что я не хочу снова помогать человеку, который считает чужое время чем-то не имеющим ценность.

Элиза смотрела на Эву почти с восхищением, Мира — с удивлением. Даниэль уже откровенно улыбался. Алекс ничего не сказал, но Леон знал, что тот на стороне девушки.

— Ладно, — выдохнул Леон. — Справедливо.

— Удачи с проектом. — Эва кивнула.

Она прошла мимо него к женскому туалету в конце коридора, и дверь за ней закрылась. Леон ещё несколько секунд смотрел ей вслед.

— Ну, — наконец сказала Элиза. — Это было прекрасно.

— Замолчи.

— Нет. Ты впервые за долгое время услышал слово «нет» и не смог его заболтать.

— Я не пытался заболтать.

— Ты буквально начал фразу с «я правда собирался».

— Потому что я правда собирался.

— Леон, — вмешалась Мира, стараясь говорить мягко, — ты действительно забыл про книгу?

— Возможно, — помолчав, ответил он.

— Ты обещал человеку редкую книгу из домашней библиотеки для его работы и просто забыл?

— У меня много дел.

— Назови хотя бы три, — весело сказал Даниэль. — Очень интересно послушать.

Леон открыл рот. Закрыл.

— Ненавижу вас всех, — сказал он.

— Мы тебя тоже любим, — отозвалась Элиза.

Они вышли в главный холл, и тут Мира резко остановилась. Перед центральным входом было непривычно многолюдно. На широких ступенях, у клумб и вдоль стеклянной галереи стояли студенты; кто-то тянулся на носках, кто-то держал телефон над головой, пытаясь снять происходящее. К университетской толпе уже успели примешаться случайные прохожие с набережной — курьеры, туристы, несколько школьников в одинаковых тёмно-синих куртках.

Люди сгрудились вокруг трёх человек у фонтана.

— Это же «Вэгэбондс»! — Мира судорожно схватила Даниэля за рукав. — Боже мой! Это «Вэгэбондс»!

Глава 2. Мелкая

— Кто? — спросил Леон, и на него посмотрели как на сумасшедшего.

— «Вэгэбондс», Леон, — сказала Элиза. Голос у неё подскочил на полтона, и Леон за пятнадцать лет знакомства впервые услышал в нём что-то похожее на писк. — Найджел Гюго. Гай Морелли. Илай Хейз. — Она привстала на цыпочки и пошарила взглядом поверх голов. — А Кира нет.

— Какого Кира?

— Кира Хантера, Леон. Гитара и вокал. Их песни стоят у Миры на будильнике. — Элиза всё ещё искала его глазами. — У них в субботу стадион. Билеты кончились за двенадцать минут.

— Ты засекала?

— Я в этих двенадцати минутах участвовала. И проиграла.

Мира уже тащила Даниэля вниз по ступеням. Даниэль шёл за ней как на казнь, хотя и без особого сопротивления. Элиза с мольбой посмотрела на Алекса, тот протянул ей руку, и они начали спускаться. Алекс оглянулся на Леона и чуть приподнял бровь: «Идёшь?» Леон покачал головой и остался на верхней ступени.

Отсюда было видно достаточно, а лезть в толпу фанаток, готовых убить ради автографа на рюкзаке, он не собирался. К тому же Найджела Гюго он знал лично, и встреча с ним не входила в список вещей, которые могли бы скрасить этот день.

Пять лет назад, ещё работая заместителем мэра Кастельмара, отец Леона пробивал проект по реконструкции дороги через перевал, который должен был превратить старый горный серпантин в современную трассу и соединить Кастельмар со столицей. Леон напросился с отцом, чтобы посмотреть Центрополь, славящийся своей индустриальной мощью и технологиями. Но это оказалось не так увлекательно, как он думал. Деловой визит, официальный ужин в поместье Гюго и разговоры о новой дороге, которые тянулись до полуночи. Пятнадцатилетнему Леону было скучно до тошноты, и, когда хозяйский сын, на три года старше и на голову выше, предложил «размяться» в спортивном зале, Леон согласился, не дослушав.

Найджел уложил его на мат за сорок секунд. Леон встал. Найджел уложил его снова. Леон встал опять, с разбитой губой и твёрдым намерением скорее сдохнуть, чем остаться лежать. На шестой раз Найджел запыхался и сам протянул руку, сказав: «Думаю, достаточно». Друзьями они не стали. Но проверку на вшивость Леон прошёл: Найджел Гюго, которого в кругах золотой молодёжи столицы считали законодателем правил, признал его равным.

Но Леон запомнил только собственную слабость. Следующие два года прошли под знаком единоборств, которые в суровых горах Центрополя считались частью древней традиции, а среди солнца и песка Кастельмара выглядели странной блажью. Он подсадил на тренировки Алекса, а через два года снова поехал с отцом в Центрополь. В этот раз Найджелу пришлось тяжелее, но из пяти поединков три всё равно остались за ним. После они пару раз пересекались на приёмах и ограничивались вежливыми кивками. А ещё через год Найджел оставил семейный бизнес и укатил за границу. Поговаривали, что не обошлось без скандала. Чем конкретно занимался Гюго, Леон не интересовался.

Внизу Мира уже пыталась взять толпу штурмом. Сверху было хорошо видно, как работает фамилия. Сначала она и Даниэль упёрлись в спины фанаток и застряли. Потом подошли Элиза с Алексом, и Фруа подошёл к крупному парню в чёрной куртке с надписью «Охрана», сказал ему что-то, тот посмотрел на него, на рацию, снова на него и сделал шаг в сторону, а Алекс махнул одному из членов группы. Гай Морелли, длинный, кудрявый, в пёстрой рубашке, застёгнутой через пуговицу, заметил Алекса и вскинул руки, будто встретил одноклассника.

Мать Гая была родом с Юга. Кастельмар был большим городом, но весь его высший свет помещался в одной гостиной.

Через минуту Элиза уже болтала с Гаем, а Мира стояла рядом с Илаем Хейзом и, судя по её лицу, забыла собственное имя. Илай, неподвижный, в тёмном костюме восточного кроя с воротником-стойкой, смотрел на неё так, как смотрят на дождь за окном: меланхолично и откуда-то издалека. Он почти не говорил и, кажется, даже не моргал.

Найджел Гюго стоял чуть в стороне от своих. Высокий, бледный, в тёмной рубашке с расстёгнутым воротом, он выглядел так, будто заглянул на студенческий двор по дороге на светский приём. Чёрные волосы с холодным синеватым отливом, распущенные, спускались по спине почти до поясницы. Волосы были отличительной чертой Гюго, как и глаза. Редкого аметистового цвета, который придавал внешности Найджела что-то инопланетное. В Центрополе эту фамильную черту называли «печатью». Найджел не улыбался в камеры и не позировал, он просто стоял, и толпа сама держала вокруг него полметра пустоты. Леону показалось, что он высматривает кого-то конкретного в толпе.

— Прости.

Эва налетела на Леона, ойкнула и, робко извинившись, начала быстро спускаться по ступеням, намереваясь, видимо, проскользнуть к боковой калитке. Она шла по самому краю толпы, вдоль стеклянной галереи, вцепившись в ручку сумки. Эва двигалась так, будто обходила злую спящую собаку, которую не следовало будить. Уже спустившись наполовину, она бросила взгляд на фонтан, замерла и подняла руку в странном, нескладном жесте: ладонь дошла до плеча и остановилась, будто Эва хотела помахать, но в последний момент передумала. Пальцы сжались. Рука опустилась. И Эва уже собиралась исчезнуть за толпой, как Найджел повернул голову, будто его окликнул голос, слышный только ему.

— Мелкая! — разнёсся его голос по двору, перекрыв даже восторженные вскрики фанатов.

Толпа разом обернулась. Эва застыла на последних ступенях.

Найджел пошёл к ней прямо сквозь фанаток, которые расступались перед своим кумиром, словно морские воды. Гюго подошёл к Эве и, не говоря ни слова, сгрёб её в охапку и оторвал от земли. Очки у неё съехали вбок. Эва зажмурилась и что-то зашипела Найджелу в ухо. Тот рассмеялся и поставил её на место, но не отпустил, а, подхватив под руку, повёл в центр круга, к своим.

Леон понял, что спускается по ступеням, только когда наступил на разлитую кем-то липкую жидкость и чуть не поскользнулся на ступенях. Пока он спускался, Гай успел дважды обнять Эву, отступить, оглядеть её с ног до головы и обнять в третий раз, без умолку рассказывая ей что-то в макушку. Илай подошёл последним. Обниматься он не стал: сложил ладони перед грудью и коротко поклонился, как кланяются старому учителю. Эва ответила ему таким же поклоном, и по тому, как привычно у них это вышло, было понятно, что ритуалу много лет. Когда Леон подошёл, Эва уже стояла в кольце: справа Найджел, слева Гай, напротив Мира и Элиза с одинаково распахнутыми глазами. Даниэль выглядел так, будто получил новые данные для реферата и они никак не сходились с уже написанным материалом. Даже Алекс разглядывал Эву с нескрываемым интересом. В толпе тоже слышались вопросы и удивлённые возгласы.

— Эва, — медленно сказала Мира. — Вы… знакомы?

— Немного, — ответила Эва. — Совсем немного.

— Немного? — Найджел поднял брови.

— Моя бабушка, — быстро сказала Эва, — работала в одном доме. В горах. Где они… бывали летом. В деревне, где я выросла. Я часто помогала бабушке. При доме. Это было давно.

Леон отметил, что в паузах она проверяла лицо Найджела, как студент проверяет лицо экзаменатора, не зная до конца правильного ответа. Найджел открыл было рот, явно собираясь

возразить, но наткнулся на её взгляд, умоляющий и злой одновременно, и закрыл его. И тут же в его глазах заплясали весёлые чёртики.

— Она нам пекла пироги, — сообщил Найджел.

— Пироги? — Эва на секунду растерялась. — Да. Пироги.

— Ужасные, — уточнил Найджел. — У тебя совершенно нет таланта к выпечке.

— Что? — Эва, кажется, была возмущена.

— Да ладно, бро, — подхватил Гай, тут же поняв правила игры. — Пироги были очень даже ничего. С изюмом. И с гвоздикой. С целыми бутонами, как настоящие гвозди. Она говорила, это для иммунитета. А однажды Найджел нашёл в пироге пуговицу.

— Пуговицу? — Эва покраснела, то ли от смущения, то ли от злости.

— Видимо, пироги у тебя получаются хуже, чем проекты по социальной политике, — расхохоталась Элиза.

— Ну, строго говоря, это была запонка. Моя. Вторую до сих пор ищу. Думаю, не съел ли её случаем Кир. — Гай приложил ладонь к сердцу. — С тех пор, представляя, что могло случиться с моей запонкой внутри Кира, я не ем изюм. Мой психолог говорит, это травма.

— У тебя нет психолога, — сказал Найджел.

— Просто никто не выдерживает такого драматизма. — Гай театральным жестом приставил ладонь ко лбу.

— То есть вы дружите с детства? — Элиза перевела взгляд с Гая на Эву.

— Нет, — сказала Эва. — То есть да. Летом. Иногда.

— Она помогала нам познать математику, — неожиданно произнёс Илай. Помолчал и добавил: — Дроби. Как разделить один пирог на четверых, если есть его не хочет никто?

Все, кроме Эвы, оценили шутку.

— Да уж, непростая задача. На ноль желающих делить нельзя, — весело заметил Даниэль.

— Ответа мы так и не нашли. — Илай повернулся к Мире и сообщил это так серьёзно, будто доверял ей тайну. — При любом делении пирог оставался целым.

Мира засмеялась, правда смех вышел нервным. Элиза больше не смеялась. Она смотрела на руку Найджела, которая так и лежала у Эвы на плече. И, судя по Эве, это прикосновение было для неё привычным. Найджел будто охранял её от всего двора, и в эту картину плохо вписывались пироги с изюмом.

— Слушай, — сказал Найджел, разглядывая Эву сверху вниз, будто только сейчас как следует её увидел. — Это что, новый стиль? Ты же не пойдёшь в этом на концерт? Давай завтра проедемся по магазинам, а то если бы твой от…

— Найджел.

Она сказала это негромко. Но Леон за два с лишним года ни разу не слышал у неё такого голоса, ровного и короткого, таким отдают распоряжения. Найджел Гюго, человек, который за сорок секунд укладывал противников на мат и собирал стадионы за двенадцать минут, закрыл рот и поднял ладони.

— Молчу.

— Спасибо.

— Но свитер ужасный.

И тут Найджел наконец заметил Леона. Взгляд его стал чуть внимательнее и острее.

— Ренар.

— Гюго.

Они пожали руки. Рукопожатие вышло дольше и крепче, чем требовали приличия. Мира прижала ладони к щекам: её любимый музыкант знаком с её другом. Элиза, наоборот, прищурилась.

— Губа зажила? — спросил Найджел.

— Пять лет как.

— Жаль. Тебе шло.

— А что с твоей бровью, не остался шрам? — бросил в ответ Леон. — Говорят, они украшают мужчин.

Найджел едва заметно приподнял уголок губ. Видимо, у него это означало смех.

Эва смотрела на них, переводя взгляд с одного на другого. Пальцами она поправила очки на переносице, раз, потом ещё раз, хотя они и так сидели ровно. Леон поймал её взгляд, и Эва тут же опустила глаза. И Леон впервые подумал, что их университетская серая мышка совсем не так проста, как кажется.

Мотоцикл они услышали раньше, чем увидели. Низкий, раскатистый звук прокатился по набережной, отразился от белых стен корпусов и ударил в стеклянную галерею. Кто-то из охраны затараторил что-то в рацию. По дороге, отделявшей университетскую площадь от набережной, медленно, почти лениво ехал чёрный мотоцикл. Он свернул на площадь, объехал клумбу, остановился метрах в десяти от фонтана, и двигатель стих. Толпа взвыла.

Кир Хантер снял шлем. Каштановые волосы с парой красных прядей были забраны в хвост, в ухе блеснули сразу три серьги. Кожаная куртка, на запястье связка плетёных фенечек, правая рука от костяшек до закатанного рукава забита татуировками так, что живого места не осталось. Он повесил шлем на руль, слез с мотоцикла и пошёл к фонтану.

Фанатки тянули к нему телефоны, руки, блокноты. Одна девушка в первом ряду почти плакала. Кир шёл сквозь них, ни на кого не глядя, и Леон вдруг подумал, что уже знает, кого тот ищет глазами.

Хантер остановился прямо перед Эвой. Найджел рядом с ней едва заметно переступил с ноги на ногу.

— Привет, Высочество, — сказал Кир.

— Привет, — почти прошептала она.

Его взгляд медленно прошёлся по Эве сверху вниз, от косы до кроссовок и обратно.

— Ты выросла, — сказал Кир.

— Мне было семнадцать, когда мы виделись в последний раз. После семнадцати уже не растут.

— Тогда, получается, повзрослела, — сказал Кир и, помолчав, добавил: — Так даже лучше.

Он протянул руку и кончиком пальца поправил ей очки. Пальцы задержались у оправы на долю секунды дольше, чем нужно.

— Новые, — сказал он тихо. — Ещё толще предыдущих.

Леон стоял достаточно близко, чтобы услышать, и не понял, что в этих словах такого. Но Эва покраснела так, что пунцовыми стали даже уши. Она не ответила. Кажется, она вообще забыла, как говорить.

Толпа кричала, щёлкала камерами, толкалась, а эти двое будто остались одни. Леон повидал немало девичьих взглядов, но такого, как у Эвы, с надеждой и страхом одновременно, ещё не встречал.

— Это кто вообще? — громко спросили сзади. Голос был девичий, обиженный. — Она кто такая?

Мира и Элиза переглянулись. Леон знал этот взгляд: так они переглядывались на вечеринках, когда кто-то из гостей оказывался интереснее, чем выглядел с порога. «На разносчицу пирогов из горного дома так не смотрят», — было написано у обеих на лицах.

— Кир, — подал голос Найджел.

Просто имя. Но Гай, стоявший рядом, вдруг очень заинтересовался собственными ботинками, а Илай, кажется, впервые за весь разговор моргнул.

— Расслабься, Найдж. Я здороваюсь.

— Здоровайся с расстояния.

— Я на расстоянии. — Подмигнув Эве, Кир отступил на шаг назад и, наконец оторвав от неё взгляд, обвёл им круг. Взгляд скользнул по Мире с Даниэлем, по Элизе, по Алексу и остановился на Леоне. Кир прищурился и щёлкнул пальцами. — Погоди. Ренар? Центрополь, три года назад? Я тебя помню. Ты тогда больше лежал на мату, чем стоял.

— Дважды там лежал я, — неожиданно сказал Найджел.

— Ты признаёшь это вслух? — Кир с восторгом повернулся к нему. — При людях?

— Я никогда не отказываюсь от истины.

Кир закатил глаза на пафосные речи и снова развернулся к Леону.

— Ты знаменит, приятель, — Хантер широко улыбнулся ему. Улыбка вышла скорее хищная, чем приветливая. — У нас теперь есть присказка: когда кто-то рискует вывести Найджа из себя, мы говорим: «Не будь Ренаром».

Кровь бросилась Леону в лицо, но он заставил себя улыбнуться в ответ.

— Надо же. Не думал, что так запал вам в душу, — сказал он. — Интересно, ты сам хоть раз выходил против него на татами или только с виду такой брутальный?

Гай громко хрюкнул и сделал вид, что закашлялся. Кир улыбнулся ещё шире.

— Зачем? — Кир пожал плечами. — Я умею вещи поинтереснее, чем работать грушей для битья. — Он чуть склонил голову набок. — Это твой талант, не хочу отнимать у тебя кусок хлеба. Вода сегодня, кстати, тёплая, — Кир лениво глянул на фонтан у Леона за спиной. — Не тянет искупаться?

Из студенческой толпы послышались смешки. Эва нахмурилась. Леон шагнул вперёд. Но на его плече тут же оказалась рука Алекса, а Даниэль возник рядом раньше, чем последовал второй шаг.

— Леон, — негромко сказал Даниэль и едва заметно кивнул на телефоны вокруг. — Тебя снимают.

Леон знал своих друзей достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в них: если что-то начнётся, драться они будут втроём. Но ни ему, ни друзьям эта шумиха была ни к чему. Леон медленно выдохнул.

Вокруг снова закричали, кто-то протолкнулся вплотную, и прямо перед лицом Эвы возник телефон с включённой камерой. Чья-то рука держала его так близко, что почти задевала очки.

— Девушка! — крикнули из-за телефона. — Девушка, как вас зовут? Вы с ним встречаетесь?

Эва побледнела. Она испуганно отступила на шаг и упёрлась спиной в Найджела.

— Идём, — сказал Кир. Он перехватил Эву за руку, выдернул её из-под ладони Найджела и потащил сквозь толпу к мотоциклу. По дороге он, не глядя, забрал у неё сумку с ноутбуком и сунул её ближайшему охраннику. Эва не успела ни возразить, ни упереться.

— Кир! — крикнул Найджел ему в спину, и Гай рядом с ним усмехнулся.

— Это было неизбежно, — сказал Илай, провожая их взглядом. — Как весна после долгой зимы.

Кир не обернулся. Он снял с руля шлем и сунул его Эве в руки. Перед тем как надеть его, Эва оглянулась на Найджела и виновато улыбнулась, одними уголками губ. Очки пришлось снять и сунуть в карман, и на эту секунду Эва крепко, до морщинок, зажмурилась, будто испугалась. Шлем она надела неловко, со второй попытки, и только тогда открыла глаза. Кир сел на мотоцикл, завёл двигатель. Эва перекинула ногу через сиденье и замерла. Руки у неё на секунду повисли в воздухе, в нескольких сантиметрах от его спины. Пальцы растопырены, локти прижаты к бокам. Она будто собиралась прикоснуться к горячей плите. Секунда, может, чуть больше. Никто, кроме Леона, этого, кажется, не заметил: все смотрели на Кира. Потом она вцепилась пальцами в кожу куртки по бокам, не касаясь его самого.

Мотоцикл рыкнул, развернулся у клумбы, выскочил на дорогу и ушёл вдоль набережной. Охранник что-то кричал вслед. Фанатки визжали. Найджел смотрел туда, где только что был его гитарист, и челюсть у него была сжата так, что на скулах проступили желваки. Гай придвинулся к нему и что-то сказал вполголоса, почти в ухо. Леон расслышал только «смирись, бро». Найджел не ответил.

Он коротко кивнул охране, и вся троица двинулась к тёмному внедорожнику у края площади. Гай на ходу расписывался на рюкзаках, футболках и чьей-то загипсованной руке, Илай молча позволял себя фотографировать. Найджел шёл впереди, не сбавляя шага, и не глядя подписывал всё, что ему протягивали. Было видно, что он торопится.

— Леон, — сказала Элиза. Она стояла рядом, и голос у неё снова стал её собственным, без противного писка. — Что это было?

— Понятия не имею.

— Пироги, — задумчиво произнёс Даниэль. — С изюмом.

— Более глупой легенды я в жизни не слышала, — сказала Мира. Голос её звенел от восхищения. — Представляете, наша серая мышка что-то скрывает. Два года! У нас под самым носом.

Алекс промолчал. Только многозначительно посмотрел на Леона, потом на Найджела, потом снова на Леона, и Леон понял его без слов: Алекс тоже заметил, что между этими двумя куда больше, чем пироги с изюмом.

В кармане завибрировал телефон. Леон достал его, ожидая очередного сообщения в университетском чате или от кого-то из завсегдатаев клубов, но на экране было имя отца.

«Сегодня в восемь. Дома. Нам нужно поговорить. Не опаздывай».

Леон перечитал дважды. Плохой день. И, кажется, он скоро станет ещё хуже.

Глава 3. Обстоятельства непреодолимой силы

Родовое гнездо Ренаров стояло над океаном больше ста лет. Океан давно смирился с таким соседом и щадил его даже в самые сильные шторма: лишь изредка заливал брызгами террасу, нависшую над обрывом, или слизывал зонтики с семейного пляжа, куда из сада на заднем дворе вела узкая, побитая временем лестница. Хозяйка дома, Инес Сагас-Ренар, любила цветы, и в любое время года дом утопал в красках: по стенам карабкалась лиловая бугенвиллея, у террасы горели алые гибискусы, вдоль дорожек голубело плюмбаго, а в кадках у крыльца пестрела оранжево-жёлтая лантана. Старая роскошь, переплетённая с семейной историей, и дикая природа побережья Святой Серафимы восхищали всех, кто сюда приезжал. Всех, кроме Леона Ренара, который подкатил к воротам особняка на тёмно-синем «Порше» и не думал ни о чём, кроме предстоящего разговора. Догадки в голове сменяли одна другую, и ни одна ему не нравилась.

Леон заглушил мотор без пяти восемь, но вышел из машины, только когда на часах загорелось ровно 20:00. Опоздать он не мог, а прийти раньше было бы похоже на капитуляцию.

В холле пахло печёной рыбой и свежим хлебом. Из столовой доносился голос матери. Инес расхаживала по комнате и говорила по телефону на родном ей мирандском, быстро, резко и экспрессивно, и по её интонациям было ясно, что человеку на другом конце сейчас не позавидуешь. Огненно-рыжие волосы выбились из заколки и на каждом резком повороте вспыхивали в свете люстры. Увидев сына в дверях, она коротко бросила в трубку «потом», вернулась за стол и положила телефон экраном вниз рядом с тарелкой. Отец тоже сидел за столом с бумагами. Значит, обычных семейных посиделок, на которых телефоны выключали, а дела оставляли за дверью, сегодня не будет. Родители оторвались от своих дел ради разговора с ним. Это было плохо.

Отец поднял глаза от бумаг, кивнул сыну на стул напротив и снова углубился в чтение. Элерон Ренар умел красноречиво молчать.

— Привет, мам. — Леон наклонился и поцеловал мать в щёку. Инес подставила щёку, но не улыбнулась. — Пап.

— Садись, — сказал отец.

Леон сел. Горничная поставила перед ним тарелку с рыбой и налила воды. Леон бы не отказался от вина, но не рискнул озвучить свои мысли вслух. Отец дочитал страницу, перевернул её, дочитал следующую и только потом сложил бумаги в аккуратную стопку и отодвинул на край стола.

— Сегодня мне звонила Регина Верт, — сказал он.

Леон ждал чего угодно: разговора о вчерашней вечеринке у Ромеро, о счёте из бара в одном из клубов города, даже о фотографии, где он стоит на маленькой сцене и поёт в обнимку с двумя девицами очень странного вида. Возможно, это были даже не девицы, но об этом Леон предпочитал не думать. К вечеру фотография наверняка уже разошлась по городским пабликам. Имя ректора в этот список не входило. Верт он предпочитал видеть редко и желательно издалека. Её взгляд просвечивал человека не хуже рентгена, а прямолинейность и строгость заставляли обходить её стороной не только студентов, но и взрослых, уважаемых в городе мужчин.

— Она звонила как старый друг семьи, — продолжил отец тем же ровным голосом. — Поэтому пока что у тебя есть шанс. Но если всё будет идти так, как идёт, она тебя отчислит. Её не остановят ни наша фамилия, ни то, что мы с её покойным мужем вместе учились, ни то, что твоя мать каждый год оплачивает весенний бал.

— Она так и сказала? Про бал? — Леон знал, что это плохая попытка свести всё к шутке, но стоило попробовать.

— Сын, — Инес строго посмотрела на него.

— Я просто уточняю.

— Она сказала, что не станет делать для тебя исключений, — ответил Элерон. — Я ей верю. Верт за тридцать лет не сделала ни одного исключения, даже для собственного племянника. В госуправление ему дорога была закрыта. Теперь он неплохой ветеринар.

Леон взял вилку, покрутил её в пальцах и положил обратно. Под отцовским взглядом кусок в горло не лез.

— Слушай, это из-за Кайера? — сказал он. — Я знаю, сегодня вышло неудачно. Но он дал мне срок до понедельника. Я сделаю проект. Сяду завтра и сделаю. В выходные доделаю. В понедельник сдам.

— Дело не в Кайере, — сказал отец.

— А в чём?

Отец прикрыл глаза и провёл ладонью по светлым волосам. Инес отложила салфетку, и Леон знал этот жест с детства: значит, в прогнозе погоды на этот вечер замаячили гроза, град и шквальный ветер в одном флаконе.

— Ты сегодня чуть не подрался с гитаристом группы, на концерт которой собирается полгорода, — сказала она. — С парнем, который сам пробился наверх с самых низов и за которым ходят толпы фанаток! Ты хоть представляешь, какие были бы заголовки? «Сын мэра бросился на музыканта из народа»! Мне прислали видео семь человек. Семь, Леон. Половину из них я даже не знаю!

— Я не подрался.

— Ты шагнул на него как бык на тряпку! Хорошо, что Даниэль тебя остановил. Даниэлю я пришлю корзину фруктов.

— Мам, да там толком ничего и не было. То есть было, но это…

— И опять у этого чёртова фонтана! — Инес всплеснула руками и коротко выругалась по-мирандски. — Тебе прошлого раза мало? Мне что, снова скупать снимки твоей голой задницы по всему побережью?

— Инес, — негромко сказал отец.

Мать замолчала и отвернулась к окну, где над тёмной водой висела луна, которой не было никакого дела до семейных драм Ренаров. Леон смотрел в тарелку. Про фонтан в семье не говорили с прошлой осени, и то, что мать о нём вспомнила, значило больше, чем всё сказанное до этого.

— С понедельника, — сказал Элерон, — у тебя будет ровно столько денег, сколько получает студент на государственном гранте. Остальные деньги семьи для тебя закрыты, пока ты не научишься соответствовать своей фамилии.

— Сколько получает студент на гранте?

— Узнаешь в понедельник.

— Это шутка?

— Нет. — Отец протянул через стол раскрытую ладонь. — Ключи.

Леон посмотрел на ладонь, потом на отца. Он с детства знал, что у отца не бывает плохого настроения, бывают только принятые решения.

— Машину тоже? — спросил он.

— Машину тоже. Автобусы в Кастельмаре ходят по всем районам, которые тебе нужны. Я лично утверждал новую схему маршрутов.

Леон вытащил ключи из кармана и положил их отцу в ладонь. Элерон, не глядя, опустил их в нагрудный карман пиджака.

— Теперь второе, — сказал он. — Если Верт тебя всё-таки отчислит, ты не поедешь доучиваться за границу и не уйдёшь в отели к матери. Ты пойдёшь работать в мэрию.

Леон чуть не рассмеялся. Мэрия звучала почти как награда.

— В районную приёмную муниципалитета, в Южном порту, — уточнил отец. — С девяти до шести. Будешь принимать заявления о протёкших крышах, о мусоре, о пособиях и о соседях, которые ставят машину на газон. Без фамилии на бейджике. Посмотришь своими глазами, как живут люди, о которых мы постоянно говорим за этим столом.

— Ты серьёзно?

— Я всегда серьёзно. Ты просто редко слушаешь.

— Это из-за выборов, да? — Леон услышал, как его голос стал выше, и ничего не смог с этим поделать. — Через год начнётся кампания, и сын-раздолбай тебе мешает. Так бы и сказал напрямую, зачем столько пафоса?!

Отец помолчал. В этой паузе не было ни раздражения, ни обиды, и Леону вдруг захотелось, чтобы отец хоть раз на него накричал. С криком было бы проще.

— Через год начнётся кампания, — согласился Элерон. — И меня спросят, почему я могу навести порядок в городе и не могу навести его в собственном доме. Это правда. Только выборы тут ни при чём. Мне надоело решать твои проблемы. Я делаю это двадцать лет и делаю плохо. Ты от этого не становишься лучше.

Над столом повисло молчание. Внизу шумел океан. Инес первой не выдержала: она встала, обошла стол, положила сыну на тарелку ещё кусок рыбы, хотя он не съел и первого, и на секунду прижала его голову к своему боку, как в детстве, когда он разбивал коленки, и погладила его по рыжим волосам.

— Ешь, лисья ты морда, — мать использовала его детское прозвище только, когда чувствовала себя виноватой. Леон это знал, как и знал, что ему сегодня это не поможет. — И не смотри на меня так. Это наше общее решение. Пора браться за ум.

— Ага…

— Тебе нужен кто-то, кто не будет смотреть тебе в рот, — сказала она, садясь обратно на своё место и снова разворачивая салфетку. — Хоть один человек. Девушка, друг, преподаватель, мне всё равно кто.

— У меня есть Элиза, — сказал Леон. — Она смотрит на меня так, будто я самое большое недоразумение во Вселенной.

— Элиза — умница. Но Элиза занята Алексом.

Больше за ужином на эту тему не говорили. Отец рассказал, что на развязке у старого порта опять просел асфальт, мать — что в отеле на побережье сломался лифт, а инженер, которого прислали чинить, оказался сыном её бывшей горничной. Леон кивал, жевал и думал о том, что за двадцать лет ни разу не спросил, сколько стоит проезд на автобусе.

Ехать в свой номер в «Сагас Империал» на набережной было не на чем, и Леон остался ночевать в старой комнате на третьем этаже, где обычно ночевал только по субботам, после семейных ужинов. Дом затих к одиннадцати, и Леон спустился в кабинет отца на первом этаже, включил настольную лампу и долго стоял перед полками в поисках нужной книги. «Город и власть» нашлась на третьей полке снизу, между отчётом городского совета за какой-то древний год и маминым альбомом про архитектуру побережья. Синяя обложка, потёртый корешок, на форзаце аккуратным мелким почерком — «Э. Ренару, с надеждой на продолжение спора. А. Арвин». Поля почти каждой страницы были исписаны карандашом.

Леон открыл книгу наугад и прочёл заметку на полях: «Власть легко принимает любовь обывателя, но проверяется на прочность тем, как переносит несогласие с собой. Умеешь ли ты слышать „нет«, Э.? Порой именно мнение тех, кто не пришёл на выборы, оказывается тем, чего тебе не хватало для полной картины. Что думаешь?». Он хмыкнул, закрыл книгу, забрал её с собой и вернулся в комнату. Перед тем как лечь, он поставил будильник на час раньше обычного: нужно было разобраться с расписанием автобусов.

* * *

Ближайшая остановка была в пятнадцати минутах ходьбы от поместья. Утро выдалось солнечным, но уже совсем не тёплым: океан покрылся барашками, и ветер продувал даже сквозь поднятый воротник. Автобус 42 «Б» довёз Леона до верхних кварталов, там он пересел на 38 «А» и только через пятьдесят две минуты оказался у университета.

Он ехал у окна и смотрел, как люди торопятся на работу, как сонные хозяева выгуливают собак, как дворники подметают тротуары, как школьники спешат на уроки, а бабушка с тростью пешком ковыляет в поликлинику. Автобус быстро наполнялся, и среди пёстрой, по-утреннему хмурой толпы Леону было неуютно. Казалось, он вдруг попал на другую планету, которую раньше видел только с высоты птичьего полёта.

На одной из остановок вошла девочка лет десяти с виолончелью в чехле, почти такой же высокой, как она сама, и встала в проходе. Леон уступил ей место у окна и дальше ехал стоя, держась за поручень. У университета он купил в ларьке кофе, оказавшийся, к его удивлению, ничуть не хуже того, что варили в «Сагас Империал», и обнаружил, что до начала пары ещё полчаса.

Он решил прогуляться по набережной и на веранде одного из кафе увидел друзей. Алекс сидел с планшетом, видимо просматривая утренние новости, а Даниэль напротив него крутил с дикой скоростью в руках кубик Рубика. Это была одна из его немногих страстей. Летом он даже участвовал в чемпионате Кастельмара. Занял пятое место, но поставил целью следующим летом войти в тройку призёров. Леон направился прямиком к друзьям.

— Не может быть, — сказал Даниэль, подняв глаза от игрушки в своих руках. — Ты пришёл раньше. У тебя температура?

— Это автобус. — Леон опустился на стул. — Сорок два «Б». Потом тридцать восемь «А».

— Забрали машину? — Алекс отложил планшет.

— Забрали.

— Карты?

— С понедельника буду жить как студент на гранте. Сколько получает студент на гранте, Дани?

Даниэль назвал сумму. Леон попросил повторить, но не поверил, даже услышав второй раз.

— В месяц?

— В месяц.

— Как они на это живут?

— Многие подрабатывают, — сказал Даниэль. — Некоторые учатся так, чтобы получить повышенную стипендию.

— А если отчислят? — спросил Алекс.

— Районная приёмная муниципалитета в Южном порту, — сказал Леон. — С девяти до шести. Заявления о протёкших крышах.

Алекс присвистнул. Он знал господина Ренара столько же, сколько дружил с Леоном, и сразу понял всю серьёзность ситуации. Даниэль перестал крутить куб.

— Знаешь, — сказал Алекс, — я впервые за долгое время тебе сочувствую. И, видимо, стоит пожелать тебе удачи: без неё тебе не выбраться.

Леон отпил кофе. Он понимал, что его загнали в угол. Но истерить смысла не было, он понимал, что сам виноват. Однако по его расчетам, режим «паиньки» потребуется не больше, чем на пару месяцев: мать отойдёт быстро, если сильно не косячить, а отцу достаточно показать немного старания в учёбе. Непросто, но осуществимо. Сейчас его волновало другое.

— Вы видели Эву сегодня?

— Нет, — сказал Алекс.

— Зачем она тебе? — Даниэль поднял брови.

— Я нашёл книгу.

— Думаешь, она снова будет тебе помогать?

— Нет. Просто неудобно вышло.

— У тебя точно температура, — сказал Даниэль. — Тебе надо в медкабинет.

— Смешно. — Леон поставил стаканчик на стол. — Что скажете насчёт вчерашнего?

Даниэль сделал пару ловких движений, и все цвета встали на место.

— Ну, она с ними определенно другая.

— Совсем другая, — сказал Леон. — Не мямлила, не тушевалась, как обычно. Как рыба в воде. Неплохо для бедной девчонки из деревни.

— Со мной она тоже разговаривает нормально, — сказал Даниэль. — Об учёбе. Но не так. Найджел, судя по всему, в общении довольно резкий. Вчера журналистов отшивал на раз-два, а её послушался с полуслова.

— Легенда про бабушку… — задумчиво произнес Алекс.

— Что легенда? — Леон вопросительно посмотрел на друга.

— Плохая. — Алекс пожал плечами. — Но они ей подыграли. Все трое. Сразу. Значит, договорились раньше. Или привыкли.

Леон хотел ответить, но в этот момент на веранду кофейни влетела Мира, следом вошла Элиза, и разговор сам собой свернулся. Мира поцеловала Даниэля в макушку, заглянула в его чашку и сообщила, что спала три часа, потому что всю ночь пересматривала вчерашние видео. Элиза села рядом с Алексом и, не спрашивая, отпила из его стакана.

— Тебя видно на одиннадцати роликах, — сообщила она Леону. — На восьми ты делаешь вот такое лицо. — Она скорчила яростную мину, и Мира прыснула. — На трёх у тебя видно затылок. Это явно более выигрышный ракурс.

— Я знал, что ты меня любишь, — ответил Леон, скривившись, будто съел лимон.

Из кофейни они вышли минут за десять до начала пары и уже переходили площадь, когда Леон увидел Эву. Она шла к главному входу с сумкой через плечо и выглядела счастливее, чем обычно: не горбилась, не смотрела под ноги и чему-то улыбалась. На ней был очередной серый свитер. Та же коса, очки, потёртые кеды. Изменилась только походка, но Леон заметил это сразу.

Эва тоже их увидела. Улыбка исчезла. Эва замедлила шаг, остановилась, поправила очки и свернула к ним. Леон за два года ни разу не видел, чтобы она подходила к их компании первой. Сейчас она шла к ним прямо через площадь, и было видно, как каждый шаг даётся ей усилием воли.

— Привет, — сказала Эва, остановившись в двух шагах от Элизы. И тут же опустила глаза, будто хотела рассмотреть туфли Сангре.

— Привет, — осторожно ответила Элиза.

— Привет! — сказала Мира гораздо громче, чем требовалось. — Как ты? Как ты вообще? Ты вчера так уехала, мы…

— Нормально. Спасибо. — Эва пошарила в сумке и, вынув из неё белый плотный конверт, протянула его Элизе. Рука у неё чуть дрожала, и конверт дрожал вместе с рукой. — Это вам. От Найджела. Он просил передать.

Элиза взяла конверт, открыла его и замерла. Мира заглянула ей через плечо и тихо взвизгнула.

— Это… — начала Элиза.

— Пропуска, — сказала Эва. — На завтра. На концерт. В VIP-зону. Там можно ближе к сцене, и потом ещё… будет вечеринка, туда тоже можно. — Она быстро глотнула воздуха. — Там на пятерых. Ребята тоже могут. Если хотят.

— Найджел Гюго, — медленно произнесла Элиза, — передал мне пропуск в VIP.

— Да.

— За что?

Эва впервые подняла взгляд и посмотрела Элизе прямо в лицо. Глаза за толстыми стёклами казались синими и очень серьёзными.

— Я попросила, — сказала она. — Это благодарность вам с Мирой. Ну, за то, что вы иногда помогаете мне… избежать нежелательного внимания, так сказать. Вот. Спасибо.

Элиза открыла рот и закрыла его. Леон впервые видел, чтобы Элиза Сангре не нашлась, что ответить. Алекс положил руку ей на спину, словно готовился поймать, если она рухнет в обморок.

— Ты попросила Найджела Гюго? — переспросила Мира. — Ради нас?

— Он спрашивал, есть ли у меня здесь друзья, — сказала Эва и тут же покраснела так, словно сгорела на июльском солнце. — То есть… не друзья. Люди, которые… Он спрашивал. Я сказала.

Мира вдруг повернулась к Даниэлю. Лицо у неё стало несчастным и решительным одновременно.

— Дани.

— Я понял, — сказал Даниэль.

— Мы уезжаем сегодня вечером.

— Я понял, Мир.

— Твоя мама приготовила ягнёнка.

— Ягнёнок не убежит. — Даниэль вздохнул и достал телефон. — Я позвоню маме и скажу, что нас задержали обстоятельства непреодолимой силы.

— У обстоятельств есть имя, — сказала Мира, просияв. — «Вэгэбондс».

— Именно поэтому непреодолимой.

Эва уже отступала. Леон видел, что ещё секунда, и она развернётся и уйдёт так же, как уходила всегда, первой, не прощаясь. Он расстегнул рюкзак.

— Эва. Подожди.

Она остановилась. Леон вытащил синюю книгу и протянул ей.

— Вот. «Город и власть». Первое издание. Там Арвин половину полей исписал. Я не помню, что именно он отцу доказывал, но, по-моему, отец так и не согласился.

Эва посмотрела на книгу, но брать её не спешила. Руки она так и держала на ремне сумки.

— Лучше поздно, чем никогда, ведь так? — Леон вдруг испугался, что она не возьмёт книгу и он так и останется стоять дураком посреди площади. Губы сами собой начали растягиваться в фирменную улыбку, но он вовремя опомнился и подумал, что Эва может принять это за самодовольство, и тут же принял серьёзный, чуть виноватый вид. Леону очень нужно было снова наладить контакт, ведь впереди было несколько сложных месяцев учебы.

Эва осторожно протянула руку и бережно взяла книгу. Леон незаметно выдохнул.

— Верно. Спасибо, Леон.

— Мне вчера доходчиво объяснили и не раз, — сказал Леон, — что порой я веду себя безответственно. Решил начать с малого. Извини, что забыл.

Она быстро кивнула, не поднимая глаз, сунула книгу в сумку. Слова, которые она, видимо, приготовила заранее, закончились на конверте.

— Я верну. Мне пора, лекция…

Она развернулась и почти бегом пошла к ступеням. Леон смотрел ей вслед и думал, что вчера, у фонтана, эта же девушка одним словом заставила замолчать Найджела Гюго, а сегодня не смогла договорить фразу из трёх слов.

— Ну и…? — спросила Элиза у него за спиной.

— Я ей был должен книгу, — сказал Леон.

— С каких пор в тебе проснулась совесть?

Он обернулся. Элиза смотрела на него в упор, фирменным взглядом старшей сестры, а рядом Мира прижимала конверт к груди и смотрела на них обоих во все глаза. Алекс в ответ на взгляд Леона лишь покачал головой, будто признавая безнадежность лучшего друга — в жесты доброй воли со стороны Леона он не верил, слишком хорошо его знал. Даниэль говорил по телефону и извинялся перед мамой за ягнёнка.

— Мы опаздываем, — сказал Леон. — Кайер сегодня в гавайской рубашке. Я видел его в окно. Попугаи зелёные, значит, настроение у него хорошее. Не будем его портить.

* * *

На стадион Леон ехал на заднем сиденье машины Алекса, зажатый между дверью и Мирой, которая всю дорогу пересказывала, на каких концертах «Вэгэбондс» Кир Хантер прыгал в зал, а на каких нет. Элиза на переднем сиденье подпевала радио и делала вид, что ей всё равно. Пропуск висел у Леона на шее на чёрном шнурке, и на нём серебром было выбито: «Вэгэбондс. Мировой тур. Кастельмар. VIP-зона».

Шум стадиона был слышен ещё с парковки. Тысячи людей двигались к воротам медленной густой рекой, у турникетов кто-то плакал от счастья, кто-то от того, что потерял билет. Охранник на служебном входе просветил их пропуска фонариком, сверил с каким-то списком и молча пропустил.

VIP-зона оказалась отдельной трибуной слева от сцены, чуть выше танцпола, с барной стойкой, мягкими диванами вдоль стены и ограждением, через которое было видно всю сцену и всё море голов внизу. Здесь было человек сорок: какие-то люди из музыкальной индустрии, двое известных Леону по светским вечерам наследников, девушка из рекламы йогуртов, которая в жизни оказалась на голову ниже, чем на билбордах, и мэр соседнего городка с женой. Мэр узнал Леона, кивнул ему и тут же отвернулся, видимо вспомнив, что с сыном Элерона Ренара лучше не связываться.

Алекс тронул Элизу за локоть и кивнул в сторону сцены, а та тут же толкнула в бок Миру. Леон проследил за их взглядами. Из-за сцены охранник вёл в VIP-зону девушку в тёмно-синем платье с длинным рукавом, закрытым воротом и вырезом на спине до самых лопаток. Ничего сильно особенного в платье не было, но надето оно было на Эву, и это было чертовски удивительно.

Всё, что Леон видел на Эве за два года, было ей велико, будто она пыталась спрятаться в одежде не по размеру. Но это платье сидело на ней идеально. Сегодня прятаться она, похоже, не собиралась. Вместо косы волосы были собраны в хвост, несколько раз перехваченный резинками по всей длине, и украшенный живыми цветами. Леон не мог не признать, что выглядит она хорошо, и даже привычные бабушкины очки не сильно её портят. Охранник проводил Эву к самому ограждению, в стороне от всех, и Эва встала там, глядя вниз, на сцену, где техники в чёрном проверяли последние провода.

— Это что, Эва? — шёпотом спросила Мира.

— Найджел её всё-таки затащил по магазинам, — сказала Элиза. — Помнишь, он у фонтана…

— Помню. — Мира мечтательно вздохнула. — Он с ней прямо как старший брат. Или, о боже мой, а вдруг они с Киром соревнуются, кто первым завоюет её внимание? Вот это да!

Мира так громко кричала, что Леону пришлось отвернуться, спасая барабанные перепонки. Даниэль лишь обреченно вздохнул и отправился к бару.

Леон проследил за ним, прикидывая, хватит ли у него теперь денег на выпивку, чтобы завтра не голодать. И взгляд его упал на женщину в чёрной водолазке и джинсах, которая стояла у барной стойки со стаканом воды. Кажется, её мало интересовал концерт и тусовка вокруг неё. Невысокая, коротко стриженная, совершенно непримечательная, она просто смотрела по сторонам. Пару раз её взгляд останавливался на Эве и тут же скользил дальше по толпе. Леона что-то в этом зацепило, но свет вдруг погас, и его внимание обратилось к сцене.

Стадион взревел так, что задрожало ограждение, и Мира схватила Леона за руку, потому что Даниэль всё ещё не вернулся от бара. На сцене загорелся один-единственный прожектор, и в его белом круге за огромной установкой сидел Илай Хейз. Леон с трудом его узнал: чёрные кожаные штаны, шапка-чулок, браслеты с клёпками на запястьях и голый торс, по которому ползли татуировки-пауки. Толпа утихла и замерла в ожидании.

Илай ударил один раз, и стадион снова взорвался рёвом. Ещё несколько ударов. Пауза. Чей-то визг, вспышки телефонов. Илай мотнул головой, прокрутил палочки в пальцах и начал отбивать ритм так, что казалось, установка вот-вот развалится.

Сцена вспыхнула в свете десятков прожекторов. Гай на бас-гитаре в пёстром шутовском колпаке с бубенчиками, которые звякали на каждом аккорде. Найджел чуть в глубине с соло-гитарой. От сдержанного аристократа в нём не осталось и следа: майка-алкоголичка, яркий грим, густо подведённые глаза, длинные чёрные волосы растрепались по плечам. И Кир у микрофона с гитарой в руках: вместо кожаной куртки — белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, из-под которых ползли татуировки, и красная роза в нагрудном кармане. Хулиган, решивший сегодня побыть романтиком. Он взял первый аккорд, и сорок тысяч человек заорали первую строчку раньше, чем он успел её спеть. На припеве к нему присоединился Найджел. Голос у него оказался ниже и глуше, чем у Кира, и шёл чуть позади, как тень, но с ним песня обретала невероятный драйв.

Леон не был фанатом и ещё позавчера не знал, кто такой Кир Хантер. Но вдруг понял, что многие песни знает наизусть: они звучали по радио, в клубах, на заправках, в торговых центрах. Через три песни он поймал себя на том, что стоит у ограждения рядом с Алексом, и они оба подпевают, не отрываясь от сцены ни на минуту. В этих четверых был огонь, который нельзя подделать банальными уловками шоу-бизнеса. И, безусловно, настроение задавал дуэт у микрофонов.

На пятой песне Кир отделился от остальных и пошёл вдоль края сцены, в сторону VIP-трибуны. Внизу завизжали. Но взгляд его был направлен вверх, туда, где у ограждения стояла девушка в синем платье. Эту песню Леон не знал. Как оказалось, не знал её никто: по рядам прокатилось «новая, новая!», и сорок тысяч человек, весь вечер оравших каждую строчку, впервые умолкли. Над головами выросли телефоны, девушка рядом с Мирой шикнула на своего парня. Через неделю эту песню будут крутить на каждой заправке, а сегодня они слышали её первыми, и каждый на стадионе это понимал.

— Он смотрит сюда, — простонала Мира. — Он смотрит прямо сюда! На кого он смотрит?!

— Не знаю, но точно не на нас, — сказала Элиза, не сводя глаз с Эвы.

Кир подошёл к самому краю сцены и запел тише, будто хотел, чтобы его слышал лишь один человек:

Ночь укрыла твою грудь серебром,
и луна сторожит твои руки.
Я пришёл без лукавства и песни,
только с солью морской на ладонях.
Подари мне всего одну ночь —
я верну тебя в башню к рассвету.

Эва стояла неподвижно, держась обеими руками за поручень ограждения. Леону со своего места было видно, как напряглась изящная спина в обрамлении синей ткани. Лица он почти не видел, только профиль, хвост, очки, отблески прожекторов на стёклах. Потом она опустила голову и долго смотрела себе под ноги, а когда снова подняла её, Кир уже был на другом конце сцены.

Леону стало неловко, будто он увидел что-то слишком личное. Отвернувшись, Ренар направился к бару. Водку со льдом и лаймом ему налили бесплатно. Оказалось, что пропуск

на его шее покрывал всё, кроме грехов. Это было очень кстати, ведь в последние два дня Леон впервые задумался о деньгах, и оказалось, что есть вещи, которые он не может себе позволить.

* * *

Вечеринку после концерта устроили недалеко от стадиона в одном из самых престижных клубов города, расположившемся прямо на побережье. С открытой террасы под крышей открывался шикарный вид на океан и ночной Кастельмар, раскинувшийся вдоль его берега: подсвеченные мосты, огни набережных и круизных лайнеров, сияющие, как новогодние ёлки. Музыка, пьяный смех и звон бокалов. Леон всегда считал это сочетание лучшим для своих ушей. Официанты разносили напитки и крошечные закуски, которые Даниэль называл «едой для птиц».

Группа приехала через час, и всё на крыше сразу сдвинулось в их сторону. Гай, пытаясь устроить шоу прямо с порога, срубил горлышко у бутылки шампанского, облил себя и окружающих ароматной пеной, после чего принялся обнимать всех, кто стоял рядом, будто старых друзей. Мира, обычно не терпящая даже маленьких пятен на своей одежде, бросилась в липкие объятия Гая с таким энтузиазмом, что стоящий рядом Даниэль отправился за очередной порцией выпивки. Илай сел на парапет спиной к ночному городу, пристально и не мигая уставился на Алекса с Леоном. Друзья озадаченно переглянулись, но оба промолчали. Тут вернулся Даниэль с несколькими стаканами и не успел он их раздать, как Илай спросил, верят ли они, что у каждой вещи есть душа. Даниэль подумал и сказал, что у некоторых вещей точно есть характер, например у его ноутбука. Алекс предпочёл снова промолчать. Илай кивнул, будто именно этого ответа и ждал, и перевёл немигающий взгляд на Леона. Леону стало не по себе, и он отошёл к перилам.

С этого места был виден нижний уровень террасы. Леон зацепился взглядом за Найджела, который с бокалом воды переходил от одного гостя к другому: то седой человек, похожий на продюсера, то журналистка из столичного журнала. Но Леон видел, что Гюго всё время ищет взглядом Эву и раз за разом возвращается к ней, хотя бы на минуту. А стоило кому-нибудь поднять телефон в её сторону, Найджел оказывался рядом раньше, чем человек успевал сделать снимок, ненароком загораживая её от камеры. Эва стояла одна с бокалом сока и смотрела на толпу, на всех и ни на кого одновременно. Было непонятно, скучно ей или весело.

Кира облепили фанатки. Он пил пиво из бутылки, смеялся, расписывался на чьих-то руках и плечах. Леон наблюдал за ним со стороны и пытался понять, почему этот человек его так раздражает. Они толком друг друга не знали, а кошка между ними пробежала с первой минуты.

— Ты сегодня много пьёшь, — сказал Алекс, встав у перил рядом с другом.

— Так бесплатно же.

— Я не про деньги.

Леон промолчал. Алекс тоже. Так они стояли довольно долго, и Леону было с ним хорошо, как бывало всегда, когда Алекс не пытался влезть в неподходящую ему роль няньки.

— Отец сказал, что двадцать лет решает мои проблемы, — сказал наконец Леон. — И что делает это плохо.

— И что думаешь? Он прав?

— Похоже на то.

— Признаёшь проблему. — Алекс удивлённо вскинул брови. — Похвально.

— Когда вы с Элизой сошлись, я знал, что рано или поздно потеряю друга, но чтобы ты стал её копией. Это чересчур, знаешь ли.

— Не преувеличивай. Я просто становлюсь старше.

— А я, значит, нет? Мы с тобой ровесники, если ты не помнишь.

— Возможно, дело не в возрасте, — Алекс дружески хлопнул Леона по плечу и направился в сторону Элизы и Миры, которые хохотали над шутками Гая так, что на них начали оборачиваться.

Где-то у причала басовито прогудел один из лайнеров. Леон допил свой стакан — какой по счёту, он уже не помнил — и повернулся, чтобы поставить его на поднос. Поднос оказался чуть дальше, чем он рассчитывал. В этот момент он увидел, как Найджела, который снова стоял рядом с Эвой, отозвали. Седой продюсер взял его под локоть, что-то зашептал и повёл к другому концу крыши, где стоял очень важный на вид мужчина в костюме-тройке. Найджел обернулся на Эву, нахмурился, но пошёл.

Как только Гюго отошёл на другой край террасы, рядом с Эвой оказался Кир. Леон не заметил, как он пересёк крышу: только что стоял у бара, и вот уже стоит у неё за спиной и что-то говорит ей на ухо. Эва вздрогнула и обернулась. Кир улыбнулся и протянул ей руку ладонью вверх, как будто приглашал на танец.

Эва посмотрела на его руку. Потом на спину Найджела, который стоял к ним спиной в другом конце крыши. Потом снова на руку. И кивнула, но руку не дала. Вместо этого она заговорщически улыбнулась Киру и решительно двинулась вперёд. Хантеру не нужно было повторять дважды, хотя явно был расстроен, что его рука осталась пустой. Они прошли вдоль стены, миновали столы с закусками, бар, обогнули несколько небольших компаний гостей, а затем проскользнули мимо Гая, который как раз что-то рассказывал Мире, широко размахивая руками, и, заметив их, тут же стал размахивать ещё шире, будто пытался спрятать беглецов от посторонних глаз. Когда они были уже у входа на служебную лестницу, Найджел обернулся, и Кир, следивший за ним всё это время, легко схватил Эву за запястье и одним движением утянул за широкую колонну, увитую гирляндой. Леон видел, как Кир прижался спиной к колонне, Эва стояла почти вплотную к нему, она завороженно смотрела на свою руку, потом подняла глаза на Кира, который улыбнулся ей поднёс большой палец свободной руки к горлу и «рубанул» себя по шее в шуточном жесте. Эва прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться на всю террасу. Её плечи затряслись в беззвучном смехе. Леон никогда не видел, как она смеётся. За два года, кажется, ни разу.

Найджел обвёл взглядом крышу, не нашёл, кого искал, и снова повернулся к человеку в костюме. Кир выглянул из-за колонны, кивнул Эве, и через секунду дверь на служебную лестницу закрылась. Леон ещё минуту задумчиво смотрел на серую невзрачную дверь, будто она была входом в волшебное царство. Серая университетская мышка Эва Бюри только что сбежала с вечеринки с одним из самых завидных мужчин страны. Он явно упустил что-то из виду. В своих размышлениях Леон не заметил, как в это же время женщина в чёрной водолазке поставила свой стакан с водой на поднос одному из мимо проходящих официантов и проскользнула вслед за скрывшейся парочкой.

Внизу снова прогудел лайнер. Где-то за спиной смеялась Мира, звенели бокалы, Илай говорил кому-то про души вещей, и всё это было очень далеко.

Найджел вернулся минут через десять. Он прошёл через всю крышу, глядя по сторонам, и с каждым шагом шёл быстрее. Остановился у колонны с гирляндой, посмотрел на дверь служебной лестницы, потом на бар, где Кира тоже не было. Лицо у него помрачнело так, что журналистка из столичного журнала, двинувшаяся было к нему с диктофоном, передумала на полпути и вернулась к своему бокалу. Потом Найджел увидел Леона и подошёл к нему.

— Ренар, — сказал Найджел. — Ты не видел Эву?

Леон посмотрел на него. На аметистовые глаза, в которых не осталось ничего от сдержанной вежливости, с которой он держался у фонтана, на сжатые губы, на пальцы, которые стиснули бокал с водой так, что тот мог лопнуть. Взгляд Леона скользнул по двери служебной лестницы за плечом Гюго.

— Нет, — сказал Леон. — Не видел.

Найджел смотрел на него ещё секунду, потом коротко кивнул и двинулся к выходу, на ходу доставая телефон. Леон проводил его взглядом и только тогда понял, что соврал. Зачем, он и сам не знал. Кира он терпеть не мог, Эве ничего не был должен, а Найджел Гюго был последним человеком, которого стоило злить. И всё-таки перед глазами у Леона стояла Эва за колонной, с ладонью у рта, и её трясущиеся от смеха плечи. За два года он впервые видел её живой. Найджел заботился о ней, это было видно невооружённым глазом. Но забота порой душит и не даёт жить. Леон слишком хорошо это знал. Так пусть хоть кто-то этой ночью будет свободен.

Глава 4. Бар "Счастливый конец"

Уйти по-английски у Леона не вышло. Алекс поймал его у выхода, посмотрел на пустой стакан у него в руке, потом ему в лицо, словно прикидывал, сколько таких стаканов было до этого.

— С каких пор ты записался мне в няньки? — Леон сунул ему пустой стакан. — Не переживай. Передам отцу, что ты на меня благотворно влияешь.

Вышло громче и грубее, чем он хотел. Но его достало. Отец, мать, Кайер, Даниэль со своими речами — а теперь ещё и Алекс, лучший друг, который вместо того, чтобы пить с ним, считал его стаканы.

— Может, позвонишь отцу прямо сейчас? — Алекс поставил пустой стакан на столик рядом, скрестил руки на груди и криво усмехнулся. — Только начни с того, что ты трезвый, чтобы господин Ренар сразу понял, что всё это шутка.

Леон хотел ответить, но только зло зыркнул на друга. Элиза у стойки обернулась на голоса и так пристально посмотрела на Леона, что тот отвёл глаза.

— Такси возьми! — крикнула она. — Слышишь? Такси!

Мира помахала из-за плеча Гая, а Даниэль, слегка порозовевший и непривычно разговорчивый, втолковывал Илаю, что у каждого ноутбука есть характер и с его собственным они «просто не сошлись». Не прерываясь, он поднял в сторону Леона два пальца — то ли «пока», то ли «ещё два пива». Леон решил, что «пока», и двинулся к выходу, демонстративно не попрощавшись с Алексом.

На улице было шумно. Прибрежная набережная превратилась в продолжение концерта: фанаты в футболках и банданах с логотипом «Вэгэбондс» сидели на парапете, пели хором, обнимались с незнакомыми людьми и записывали на телефоны собственные сорванные голоса. Кто-то уже, путая слова, пытался напеть новую песню. Приложение такси, подумав, сообщило, что свободных машин в районе нет и ожидание составит около пятидесяти минут. Леон обновил его ещё дважды и убрал телефон.

До «Сагас Империал» вдоль воды было минут сорок пешком. Леон прошёл квартал, упёрся в очередную поющую компанию и свернул вверх, на тихую улицу, уходившую от набережной к парку. Здесь он, кажется, не был ни разу. Пятиэтажки с балконами, увитыми виноградом, детские велосипеды, пристёгнутые к ограде, закрытая пекарня с нарисованным на стекле круассаном. В одном окне горел свет, и кто-то за занавеской гладил рубашку. Город из отцовских субботних рассказов, оказывается, существовал на самом деле.

Голова была лёгкой, ноги немного тяжелее, чем хотелось бы, а мысли шли по кругу и всё время возвращались к одному. Автобус сорок два «Б». Ключи в отцовском кармане. Найджел у колонны. «Ты не видел Эву?» — «Нет». Леон до сих пор не понимал, зачем соврал. И его разум раз за разом прокручивал этот вечер, но всё равно не мог найти ответа.

Он увидел её на перекрёстке у парка, под фонарём. Сначала только тёмно-синее пятно и светлую полоску спины в вырезе платья, потом хвост, перехваченный резинками, с помятым розовым цветком, и очки. Эва шла одна по противоположной стороне улицы, босиком, держа туфли за ремешки в опущенной руке.

Леон остановился. Час назад она упорхнула с вечеринки вместе с Киром, смеющаяся и счастливая. Опыт подсказывал, что в её планы на эту ночь точно не входило уныло брести куда глаза глядят через засыпающий город. Кира рядом не было, мотоцикла тоже. Только девушка в вечернем платье, босиком на остывшем асфальте, в третьем часу ночи, в районе, где Леон сам заблудился бы, если бы не карта в телефоне.

Он пошёл следом, держась своей стороны улицы, не особенно понимая, что собирается делать. Окликнуть? Она испугается. Догнать? Испугается ещё больше. Уйти? Даже самые бла-

гополучные районы Кастельмара не славились безопасностью по ночам. И что потом — листать утром городские паблики и гадать, не о ней ли там пишут? Леон пошёл дальше. На углу Эва свернула к небольшому зданию с выцветшей вывеской: синяя ласточка в духе старых морских татуировок, с кривовато раскинутыми крыльями и хмельным прищуром, а под ней облупившиеся буквы — «Счастливый конец». Эва толкнула деревянную дверь и исчезла внутри. Над дверью качнулся колокольчик.

Леон постоял на другой стороне улицы, глядя на жёлтое окно с запотевшим стеклом. Какая-то неведомая сила потянула его через дорогу к старой деревянной двери. Колокольчик звякнул ещё раз. И пустая улица погрузилась в тишину.

* * *

Внутри было уютно. Низкий потолок, тёмные деревянные балки, стойка, отполированная локтями до блеска, и стены, сплошь заклеенные старыми концертными афишами. Группы, о которых Леон никогда не слышал, города, где он никогда не был, даты двадцати- и тридцатилетней давности. Два старика в одинаковых кепках играли в нарды и азартно стучали шашками по доске. За столиком у окна шумели трое парней в чёрных футболках «Вэгэбондс», явно продолжавших праздник. В противоположном от входа углу за небольшим столиком ворковала парочка, не интересующаяся ничем кроме друг друга. Над стойкой беззвучно работал маленький телевизор, по которому шёл чёрно-белый фильм: двое ехали на мотороллере по Риму.

Эва сидела у стойки на высоком табурете, поставив туфли на соседний. Леон занял столик в самом тёмном углу, у двери, и только тогда понял, что со стороны он выглядит так, будто следит за девушкой в баре. Впрочем, он и следил. Это было странно, но забавно.

За стойкой стояла женщина лет пятидесяти в клетчатой мужской рубашке и с короткими серебряными волосами. На запястье у неё выцвела маленькая синяя ласточка, такая же, как на вывеске. Она протёрла стакан, поставила его на полку и внимательно посмотрела на Эву.

— Девочка моя, — сказала она низким, хрипловатым голосом. — Не ожидала увидеть тебя в такое время. Кофе?

— Нет, Марта. — Эва потёрла переносицу под очками. — Сегодня что-нибудь… покрепче.

Марта не стала ничего спрашивать. Она секунду помолчала, достала с верхней полки пузатую бутылку, налила в стакан на два пальца тёмно-янтарного виски и подвинула к Эве. Эва взяла стакан обеими руками, понюхала, поморщилась и выпила залпом, закашлявшись так, что на глазах выступили слёзы. Леону показалось, что у него самого обожгло горло, хотя пил не он. За два года он ни разу не видел у Эвы в руках ничего крепче кофе, а тут — виски, залпом, как лекарство. Марта невозмутимо налила ей воды.

— Плохой день в стакане не утопишь, дорогая. — Марта подвинула воду поближе. — Но до утра полегчает.

Эва благодарно кивнула, сдвинула очки на лоб и, зажмурившись, потёрла глаза, то ли вытирая слёзы от виски, то ли пытаясь не расплакаться. Марта тем временем уже шла к его столику.

— Ты не местный, — сказала она, остановившись над ним.

— В некотором смысле.

— Здесь все в некотором смысле. — Марта оглядела его, от дорогих кед до светло-рыжей макушки, и сделала какие-то выводы, которыми, по всей видимости, не собиралась делиться. — Пиво?

— Пиво.

Пиво оказалось слишком хорошим для такого заведения. Леон пил медленно и смотрел, как Эва просит второй стакан, как Марта наливает ей вдвое меньше, чем в первый раз, и как Эва на этот раз пьёт маленькими глотками, глядя в телевизор, где принцесса стригла волосы

в парикмахерской. Девушка смотрела на экран с нескрываемой тоской, будто знала, что принцессе не удастся сбежать от своей жизни, как бы она ни старалась.

Марта собрала со столиков пустые кружки и унесла их в подсобку. Стоило двери за ней закрыться, как один из парней в футболках «Вэгэбондс» отделился от своего столика и направился к стойке. Леон узнал эту манеру: так подходят, когда уже всё решили за двоих и не потерпят отказа. Парень сел на табурет рядом с Эвой, сдвинув её туфли, облокотился на стойку и что-то сказал ей, наклонившись слишком близко. Эва не ответила. Парень засмеялся и сказал что-то ещё. Потом положил ладонь ей на спину, туда, где кончалась ткань и начиналась голая кожа в вырезе.

Эва застыла. Леон уже видел это однажды, у фонтана, когда она перекидывала ногу через сиденье мотоцикла: руки повисли в воздухе, плечи свело. Сейчас было то же самое, только хуже: она не шевелилась, будто любое движение отзывалось болью, и даже со своего угла Леон видел, как у неё побледнели губы.

Он не понял, как очутился у барной стойки. Просто в какой-то момент оказался за спиной у парня и поставил свою кружку рядом с его локтем. Громко. Парень обернулся. Леон был выше на голову и шире в плечах, и последние пять лет его учили смотреть на противника так, чтобы тот сам решил, стоит ли начинать.

— Убери руку, — сказал Леон. Спокойно, без всякой улыбки.

— А ты кто такой?

— Тот, кто сломает тебе руку, если ты её не уберёшь.

Парень посмотрел на него, на Эву, снова на него. Рука медленно соскользнула с её спины. За его плечом Марта, уже вернувшаяся из подсобки, положила на стойку ладонь, тяжёлую, с тремя серебряными кольцами, и сказала, не повышая голоса:

— Твои друзья заказали ещё по одной, Тони. Они тебя ждут.

Тони пожал плечами, пробормотал что-то про бешеных и вернулся к своему столику, где его встретили свистом и хохотом. Леон выдохнул. Начнись драка, вряд ли товарищи Тони оставили бы друга одного.

Эва медленно повернулась к нему. Глаза за толстыми стёклами очков распахнулись от удивления.

— Ты что здесь делаешь? — спросила она наконец.

— Гуляю. — Леон сел на табурет, с которого только что встал Тони, и аккуратно переставил её туфли на стойку. — Такси нет. Слишком большой спрос после вашего концерта.

— Он не мой.

— Конечно.

Марта поставила перед ним стакан с тем же тёмно-янтарным виски и, ничего не сказав, отошла к старикам с нардами. Видимо, это означало, что он может остаться.

* * *

Сначала они молчали. Эва допила свой стакан, Леон отпил из своего: это было крепче, чем он ожидал. Эва кинула на него хитрый и довольный взгляд.

— Так что же, Леон Ренар, — она повернулась к нему и подпёрла щёку кулаком, — ты и вправду рыцарь в сияющих доспехах? Или тебе просто нравятся ролевые игры?

Леон поперхнулся и закашлялся. Он ещё ни разу не слышал, чтобы Эва Бюри шутила, тем более так. Кажется, если разговор не касался учёбы, она при нём вообще ни разу не договорила ни одной фразы до конца.

— А ты, значит, тот самый тихий омут с чертями? — Леон откашлялся и окинул её долгим взглядом, от босых ног до очков. — Сбегаешь с вечеринки с плохим парнем, пьёшь в барах в три часа ночи.

— Это в первый раз. — Эва вдруг очень заинтересовалась ремешком своей туфли.

— Я заметил.

— Ты много чего замечаешь, — сказала Эва. — Когда хочешь. — Она покрутила пустой стакан, разглядывая его на свет. — Проект к понедельнику. Сегодня суббота. Ты в баре. Интересная стратегия.

— Технически уже воскресенье.

— Тем более интересная.

Леон снова рассмеялся, и Марта у нард обернулась на звук. В телевизоре над стойкой принцесса с короткой стрижкой ела мороженое на ступенях огромной лестницы.

— Отец забрал у меня машину, — сказал Леон неожиданно для себя. Об этом знали только друзья, и посторонним он рассказывать не собирался, тем более Эве. — В четверг. И карты. С понедельника буду жить как студент на гранте.

— И ты знаешь, сколько получает такой студент? — Эва с интересом окинула его взглядом.

— Даниэль сказал. Как на это живут?

— Экономно, — сказала Эва.

— Это не ответ.

— Это ответ, — сказала она. — Дальше подробности. Проездной на месяц — сорок сольдо. Обед в университетской столовой — шесть. Кофе в автомате — полтора, но его лучше не пить. — Она загибала пальцы, и Леон вдруг понял, что слышит её «деловой» голос, тот самый, которым она защищала проект у Кайера. — Если не слоняться по барам, может остаться на книги или другую приятную мелочь. Если слоняться, не остаётся ни на что.

— Ты сейчас в баре.

— Ночью — первый раз. Обычно я захожу к Марте утром, за кофе. Да и вообще… Хотя неважно… Зачем ты носишь эту безделушку? — Эва указала на браслет из ракушек, который Леон носил на правом запястье.

— Это не безделушка. — Леон потянулся за стаканом, и ракушки на браслете стукнули о стекло. — Мне его продала бабка на причале. Сказала, что если заплачу сто сольдо, то буду счастлив.

— Сто сольдо? За ракушки?

— За счастье. — Леон любовно погладил самую крупную ракушку большим пальцем левой руки.

— И как?

— Пока проверяю.

— Два с половиной проездных, — сказала Эва деловито. — Или шестнадцать обедов в столовой.

Он посмотрел на неё внимательнее: горящие щёки, непринуждённая поза и немного расфокусированный взгляд. Кажется, она наконец-то расслабилась рядом с ним и больше не боялась, полная противоположность её реакции на непутёвого Тони. Леону польстило это наблюдение.

— Где Кир? — неожиданно для себя спросил он.

— Там. — Эва отвела взгляд.

— Где там?

— Там, где я его оставила.

Она сказала это коротко и спокойно и тут же полностью отвернулась от него к телевизору. Принцесса на экране танцевала на барже, кругом дрались, и кто-то кого-то сбросил в реку. Леон решил, что, если спросит ещё раз, она встанет и уйдёт. А он не хотел, чтобы она уходила.

— Найджел тебя искал. После того как вы… ушли. Он спрашивал меня.

— И что ты сказал? — Эва медленно повернула голову.

— Что не видел. — Ещё одно неожиданное признание за ночь.

Она долго рассматривала его в ответ. Леону стало неуютно под этим взглядом, и он отпил виски, хотя пить ему уже не хотелось.

— Зачем? — спросила Эва.

— Сам не знаю. — Он пожал плечами. — Ты смеялась. За колонной. Я никогда не видел, как ты смеёшься.

Эва ничего не ответила. Только покраснела до самых ушей и уставилась на свой пустой стакан. Леон уже пожалел, что сказал это, как она вдруг спросила, не поднимая глаз:

— Ты помнишь первый курс? Ту злосчастную папку с конспектами?

— Помню.

— Иногда я думаю, зачем ты это сделал. — Она провела пальцем по краю стакана. — Чтобы помочь? Или чтобы показать Элизе своё благородство?

— И к чему пришла?

— Ни к чему, — честно сказала Эва. — Каждый раз по-разному. Ты как лис: только решишь, что поняла, а ты уже вывернулся в другую сторону.

— А сегодня?

— Сегодня ещё не решила. — Эва пожала плечами и снова повернулась к телевизору.

Марта вернулась за стойку, забрала пустые стаканы и поставила перед обоими по стакану воды, не спрашивая. Эва благодарно кивнула. Леон посмотрел на воду, потом на Марту, и Марта посмотрела на него так, будто прекрасно знала, о чём он думает, и считала это не своим делом.

* * *

Потом они говорили обо всём подряд, и Леон так и не смог вспомнить, как одна тема перетекала в другую. О Кайере и его рубашках: Эва утверждала, что попугаи у него бывают трёх видов, зелёные, красные и синие: синие значат, что тему можно даже не открывать, зелёные — благоприятное время для получения хороших оценок, а красные предупреждают, что лучше вообще не показываться ему на глаза. О Даниэле, который однажды на первом курсе поправил Кайера в цитате. Все решили, что Даниэлю конец, а он с тех пор стал одним из любимчиков профессора. О «Римских каникулах», которые шли по телевизору над стойкой. Леон признался, что смотрел его с матерью лет в десять и запомнил только мороженое на лестнице. Эва посмотрела на него с жалостью.

— Это же про принцессу, которая сбегает, — сказала она.

— На один день.

— На одну ночь, — поправила Эва. — И возвращается. Сама.

— Почему?

— Потому что знает, что должна. — Она помолчала, разглядывая экран, где принцесса в белом платье стояла перед журналистами. — Лучше одна ночь, чем никогда.

Леон хотел ответить что-нибудь лёгкое, как отвечал всегда, но не нашёлся. Тогда он заговорил об отце. Не о машине и картах, а о том, что Элерон сказал за ужином. Эва слушала, не перебивая, а потом сказала:

— Он прав.

— Спасибо. Очень поддерживает.

— Не благодари. Это от чистого сердца. — Уголок рта у Эвы дрогнул, но она тут же посерьёзнела. — И всё-таки я с ним соглашусь. Только он ведь сказал это… честно. Значит, он тебя любит. Просто растерялся, не знает, что с тобой делать, вот и идёт на крайние меры.

Леон открыл рот и закрыл. Ему никогда не приходило в голову, что отец может не знать как поступить правильно.

Когда Эва ушла в дамскую комнату, неуверенно ступая босыми ногами по деревянному полу, Марта подошла к нему с тряпкой и принялась протирать стойку, хотя та и так была чистой.

— Люди пьют от двух вещей, — сказала она, не глядя на него. — От радости или когда от чего-то бегут.

— Это вы к чему?

— Это я к тому, что она сегодня не радуется. А ты?

Леон так и не нашёл, что ответить. На стойке завибрировал телефон Эвы, экраном вверх. Леон не собирался смотреть, но экран был прямо перед ним. «Найдж». Вызов шёл долго, потом оборвался, и следом пришло сообщение, которое Леон тоже не собирался читать: «Где ты?!» Через минуту вернулась Эва. Она взглянула на экран, взяла телефон, быстро набрала ответ одним пальцем и положила его на стойку экраном вниз. Леон успел увидеть три слова: «Я дома. Сплю».

— Что? — Эва перехватила его взгляд.

— Ничего, — сказал Леон. — Хорошо врёшь.

— Плохо, — сказала Эва. — Просто коротко.

Он рассмеялся в третий раз за вечер и вдруг подумал, что она права. Её легенда про бабушку у фонтана была длинной и из-за этого нелепой. А сейчас ей хватило трёх слов, и Найджел, кажется, поверил.

— Слушай, — сказал Леон, когда Марта отошла. — Можно спрошу?

— Нет.

— Кир. Он смотрит на тебя так, что половина девчонок Кастельмара продала бы за это душу. — Леон повертел в руках стакан с водой. — И поверь, в этом я разбираюсь. Я знаю, как смотрят, когда нужна одна ночь. Он смотрит не так. В чём проблема?

Эва долго молчала. Потом сказала, глядя на афишу над стойкой, где пожелтевший парень с гитарой прыгал над пожелтевшей толпой:

— Я не умею.

— Что не умеешь?

— Ничего. С ним. С кем угодно. — Плечи у неё опустились, и она как будто стала меньше. Снова та Эва, которую Леон знал по университету: тихая, зажатая, вечно ищущая, куда спрятать глаза. — Мне даже за руку держаться сложно. Не то что обнять или…

Она так и не договорила, только махнула рукой в сторону целующейся парочки в углу. — Я такая. Замкнутая. С рождения.

Леон кивнул. Он видел, как она застыла от руки Тони, и видел, как зависли у неё руки у мотоцикла. Скромные люди могут стыдиться, стесняться, но так они не боятся. Но, несмотря на это, ему показалось, что её «с рождения» очень похоже на её же «Я дома. Сплю». Он не стал спорить.

— Детки, — сказала Марта из-за стойки, — я старая женщина, и мне пора спать. Старики уже ушли, Тони унесли друзья. Остались вы да эти голубки.

Леон посмотрел на часы над дверью. Было без двадцати четыре.

* * *

Он заплатил за обоих, хотя Эва и пыталась сунуть Марте деньги, и мысленно отметил, что в ближайшие месяцы такого себе уже не сможет позволить. Марта взяла у него купюры, отсчитала сдачу до последней монеты и, когда он уже повернулся к двери, сказала ему в спину:

— Проводи её. Она живёт в двух кварталах, но сегодня это далеко.

На улице похолодало. Над парком висел туман, фонари расплывались в нём жёлтыми пятнами, и где-то за деревьями сонно кричала птица. Эва снова несла туфли в руке, ступая босиком по мокрому от росы тротуару, и Леон шёл рядом, не касаясь её, отставая на полшага. На бордюре у парковых ворот она оступилась, качнулась, и он, не успев подумать, поймал её за локоть.

Она не вздрогнула. Не застыла, не отдёрнула руку. Просто выпрямилась, сказала «Спасибо» и пошла дальше, а Леон ещё несколько шагов чувствовал под пальцами её кожу, тёплую и чуть влажную от тумана.

Дом оказался обычной пятиэтажкой из светлого кирпича, с цветами на балконах и аккуратной табличкой у подъезда: «Просьба не оставлять велосипеды на лестнице». Эва остановилась у двери, нашарила ключи в маленькой сумочке на длинном ремешке и обернулась к нему. Хвост у неё растрепался, одна резинка сползла почти до конца волос, очки снова съехали на кончик носа.

— Спасибо, — сказала она. — За Тони. И за Найджела.

— Не за что.

— Есть за что. — Эва помолчала, вертя ключи на пальце. Потом подняла голову, и Леон с удивлением понял, что она смотрит ему прямо в глаза. — Хочешь зайти? На чай. У меня есть пирог. Настоящий. С вишней. Никакого изюма.

Леон смотрел на неё и молчал. Девушка в вечернем платье, босиком, в четыре утра, у двери собственного подъезда, после пары стаканов виски, звала его к себе. Любая другая на её месте сказала бы ровно то же самое и имела бы в виду ровно то, о чём он подумал.

Эва ждала ответа, слегка наклонив голову, и в её лице не было ни намёка на игру.

— Ты понимаешь, что ты мне сейчас предлагаешь, Эва?

Глава 5. Деловое предложение

Ключи перестали крутиться у Эвы на пальце. Она застыла, приоткрыв рот.

— Чай, — повторила она. — С пирогом.

— Эва.

— С вишнёвым, — уточнила она так, словно всё дело было в начинке.

Леон молчал и ждал. Он видел, как до неё доходит. Сначала сошлись к переносице брови, потом взгляд метнулся с его лица на дверь подъезда, на собственные босые ноги, на туфли в руке и снова вернулся к нему. Краска поползла от шеи вверх, и даже в жёлтом свете фонаря было видно, как вспыхнули у неё уши.

— Нет, — выдохнула Эва. — Нет-нет-нет. Я не… Нет… — Она прижала туфли к груди, и Леон с трудом удержался от смеха.

— Сейчас четыре утра, — затараторила Эва, глядя куда-то в район его ключицы. Она пыталась придать голосу деловитости, но он дрожал и в нём отчётливо слышалась паника. Слова толкались и наступали друг другу на пятки. — Такси нет, ты сам сказал. Ведь так? Первый автобус от парка пойдёт без пяти шесть. До остановки восемь минут. Значит, тебе почти два часа сидеть на лавочке в тумане. Я просто хотела… у меня чайник есть, и пирог. Больше ничего. То есть ничего такого. Я просто подумала…

Она осеклась. Взгляд её ушёл куда-то за его плечо и там задержался. Лицо стало серьёзным, почти строгим, и Эва чуть заметно качнула головой, коротко, из стороны в сторону, как качают, когда говорят «не надо».

Леон обернулся. Двор был пуст. Под ветром качались ветки, по асфальту ползли их тени, у мусорных баков сидела на крышке пёстрая кошка и с отвращением смотрела на туман. Больше никого.

— Что там?

— Ничего. — Эва засуетилась, переложила туфли из одной руки в другую, уронила ключи и тут же их подняла. — Кошка. Соседская. Она вечно… Всё в порядке.

Кошка зевнула и отвернулась. Леон ещё раз оглядел двор, пустые окна, тёмную арку на улицу и решил, что виски у Марты был крепче, чем казалось.

— Без пяти шесть, говоришь? — переспросил он.

— Пятьдесят пятый маршрут. — Эва кивнула. — До набережной, а там пересадка куда угодно.

Леон прекрасно понимал, что Эва звала его исключительно на чай, но было забавно наблюдать за тем, как она пытается вывернуться из щекотливой ситуации. Он пытался не улыбаться, чтобы не смутить её ещё больше, но уголки губ предательски ползли вверх.

— Ладно. — Леон взъерошил волосы, слегка влажные от ночного тумана. — Два часа на остановке звучат хуже, чем вишнёвый пирог.

Эва шумно выдохнула и набрала код на домофоне. Замок щёлкнул. Эва потянула на себя тяжёлую подъездную дверь. Леон перехватил дверь за косяк и придержал, пропуская Эву вперёд. Она неловко проскользнула мимо него в подъезд. Помятый розовый цветок выскользнул из растрепавшегося хвоста и приземлился к ногам Леона. Эва, не обратив на беглеца никакого внимания, пошла к лестнице, шлёпая босыми ступнями по каменному полу.

Леон наклонился и поднял цветок. Лепестки побурели по краям, один надорвался. Оставлять его валяться на полу было жалко, и он, не думая, сунул цветок в карман куртки.

* * *

Эва жила на третьем этаже. Квартирка была совсем небольшой. Эва щёлкнула выключателем, и прихожую залил тёплый, неяркий свет.

— Разувайся. То есть… — она посмотрела на свои ноги, все в серой уличной пыли, и вдруг хихикнула. — Ну, ты понял.

Леон снял кеды и осмотрелся по сторонам: вешалка с серым пальто и дождевиком, несколько пар кроссовок в обувнице, зонт в углу, зеркало в тёмной деревянной раме с полочкой, керамическая миска для ключей, забитая всякой мелочью и букет из сухоцветов рядом. Ничего лишнего или случайного. Пол под ногами оказался тёплым, и Леон невольно пошевелил пальцами. Ночь сегодня была прохладной, и к концу их прогулки он продрог.

— Кухня там, — Эва махнула рукой налево. — Чайник на плите. Мне нужно… — она снова посмотрела вниз, — помыть ноги. Не смейся.

— Я не смеюсь.

— Ты смеёшься лицом.

Она скрылась за дверью ванной, и через секунду зашумела вода. Леон пошёл налево.

Кухонная столешница шла вдоль левой стены, и над ней висело всего два шкафа. Рядом на крючках красовались чугунная сковородка и сотейник с медным дном. На плите стоял старый медный чайник. На открытых полках толпились банки с крупами и специями, подписанные от руки аккуратным почерком с наклоном. Около окна, на котором в горшках росли базилик и розмарин, располагался небольшой круглый стол с плетёными стульями и мягкими подушками на них. Дальше пространство плавно переходило в кабинет, отделённый от кухни несколькими ступенями и книжными стеллажами. Было уютно.

Леон подошел к холодильнику и внимательно рассмотрел прикреплённые на него магнитами листы плотной бумаги: углём набросанные крыши, кусок набережной, чья-то рука на перилах, кошка, похожая на ту, что сидела во дворе. Красиво.

Чайник оказался полным, и Леон просто зажёг под ним огонь. Потом открыл шкаф в поисках чашек и замер. Перед ним красовался сервиз тонких, почти прозрачных на просвет чашек. Белых с едва заметным золотым ободком. Леон знал эту посуду. Точно такую же мать заказывала для люксов «Сагас Империал» и каждый раз ругалась на горничных, когда та билась: одна чашка стоила как ужин на двоих в хорошем ресторане. Он осторожно достал две и поставил на стол.

В кабинет он заглянул краем глаза: книги с корешками на разных языках, отдельная полка с дисками, у окна письменный стол с лампой на гнутой ноге, небольшой диванчик, плед на нём и шторы в цветочек. Не хватало только кота для полной картины. Спальня видимо располагалась в противоположной стороне квартиры.

Вода в ванной стихла. Эва вернулась в домашних мягких брюках, толстых шерстяных носках и том же синем платье, которое теперь казалось поверх всего этого совсем нелепым.

— Осматриваешься? — сказала она и почему-то смутилась, когда её взгляд упал на чашки на столе.

— Красивые. — Леон проследил за её взглядом.

— Подарок. — Эва отвернулась к холодильнику и достала оттуда блюдо, накрытое льняной салфеткой. — Садись.

Пирог оказался открытым, с решёткой из теста поверх тёмной, блестящей вишни. Эва резала его медленно и очень сосредоточенно, высунув кончик языка. Виски у Марты был хорош, жаль, он не запомнил марку.

— Давай я.

— Я сама. Я трезвая.

— Конечно. — Леон улыбнулся.

— Почти трезвая, — поправилась она и положила ему на тарелку кусок вдвое больше своего и села напротив.

Пирог был что надо. Тесто таяло, вишня была кислой ровно настолько, чтобы оттенять сладость теста. А между начинкой и коржом был секретик, от которого сносило голову —

тонкий слой молочного шоколада. Леон съел свой кусок и тут же мысленно поблагодарил себя за решение зайти в гости, а не торчать два часа на остановке в гордом одиночестве.

— Найджел соврал, — сказал Леон, с надеждой поглядывая на оставшийся пирог. — Про ужасные пироги.

— Найджел при мне ни разу не съел ни кусочка, — фыркнула Эва. — Говорит, что сладкое вредно для мозгов. — Она хитро глянула на Леона и, не спрашивая, положила ему добавку. — Но все знают, что, когда никто не видит, он жуткий сладкоежка. Гай однажды застал его ночью на кухне с целым противнем.

Она налила чай, обхватила чашку обеими ладонями и откинулась на спинку стула. Леон с наслаждением жевал добавку, когда его вдруг осенило.

— Ты для них приготовила? — Он чуть помедлил, наблюдая за её реакцией. — Для Кира?

— Возможно. Но сейчас это уже неважно… Ешь давай.

Чайник тихо посвистывал на плите. За окном серело, и верхушки деревьев укутанного в туман парка начинали светлеть.

* * *

Леон вышел из ванной, и его взгляд упал на фотографии в простых одинаковых рамках. Снимки расположились на стене у закрытой двери, которая, по всей видимости, вела в спальню. На одной совсем юный Гай в огромной зелёной шапке лепрекона корчил рожу прямо в объектив. На другой Илай сидел на камне над горным озером, скрестив ноги, и смотрел мимо камеры так же, как смотрел мимо Леона на крыше. Кир на мотоцикле, ещё без татуировок, худой и не такой лощёный. Найджел за роялем, спиной к фотографу, с длинными волосами, перевязанными шнурком. Четверо парней, мокрые до нитки, на деревянных мостках, и с краю девчонка лет двенадцати с косой, замотанная в полотенце так, что видно было только макушку и одну руку.

— Это вы? — спросил Леон, вернувшись на кухню. — На мостках.

— Мы. — Эва кивнула, не поднимая глаз от чашки. — Озеро в горах. Там летом холодно даже в августе, а они всё равно прыгали. Я не прыгала. Но однажды Найджел с Киром бросили меня в воду. Им показалось это смешным. — Эва фыркнула себе под нос.

— А бабушка?

— Что бабушка?

— Ты говорила, бабушка работала в том доме. Её фотографий нет.

Эва помолчала. Повернула чашку на блюдце, сначала в одну сторону, потом в другую.

— Она не любила фотографироваться, — сказала она наконец. — Как и я.

— А твои родители?

— Чай остынет, — Эва подвинула чашку свежего чая Леону. По всей видимости, ответ не подразумевал возражений.

Леон отпил чай. Спорить было глупо, да и не его это было дело. Но про себя он отметил, что ни разу не слышал, чтобы Эва Бюри рассказывала о своей семье.

* * *

Эва поднялась, чтобы снова поставить чайник, слегка покачнулась и со старательной осторожностью направилась к плите. У Леона, наоборот, становилось всё яснее в голове, и чем яснее становилось, тем сильнее ему хотелось кое-что ей объяснить.

— Слушай, — сказал он. — Насчёт твоего приглашения.

— Я же объяснила. Автобус без пяти шесть.

— Ты объяснила мне. А тому Тони из бара ты бы ничего объяснить не смогла. — Леон отодвинул тарелку. — Смотри. Девушка в три часа ночи пьёт с парнем в баре. Он за неё заступается. Платит. Провожает до дома. У подъезда она смотрит ему прямо в глаза и говорит «хочешь зайти». Любой нормальный парень в этот момент думает ровно об одной вещи, и это точно не пирог.

— Даже если я сказала «на чай»?

— Особенно если на чай. «На чай» — это то, что говорят, когда неудобно сказать прямо.

Эва нахмурилась. Отвернулась к окну, сняла очки, протёрла стёкла краем платья и только потом, уже в очках, снова посмотрела на него.

— А если бы я не смотрела в глаза?

— Было бы чуть менее однозначно, но ненамного.

— А если бы я сказала «кофе»?

— Кофе в четыре утра? — Леон хмыкнул. — Ещё хуже.

— А если бы я не платила… То есть если бы ты не платил?

— Эва, — Леон улыбнулся, — ты спрашиваешь, будто мы на лекции.

— Потому что это очень похоже на лекцию, — серьёзно ответила она. — Продолжай. Это… интересно.

И он продолжил. Про то, как в баре садятся ближе, чем нужно. Про то, как смеются чужим шуткам, даже несмешным, и почему это работает. Про руку на плече, которая ничего не значит, и руку на пояснице, которая значит всё. Про то, что половина парней на его месте даже не стала бы ничего спрашивать, а вторая половина спросила бы уже в квартире, когда спрашивать поздно. Он говорил и сам удивлялся, как легко это раскладывается по полочкам. Он никогда об этом не думал. Он просто это знал.

Эва слушала, не перебивая. Сначала смущённо, потом внимательно, потом с тем самым выражением, с каким сидела на первом ряду у Кайера, и Леону на секунду показалось, что она сейчас достанет тетрадь и начнёт конспектировать за ним.

— Тебе повезло, что это я, — закончил он.

— Почему?

— Потому что я понимаю, как это выглядит. И сейчас я не заинтересован.

Он сказал и тут же осёкся. Эва смотрела на него без всякого выражения, и Леону вдруг стало неловко за собственные слова.

— Чёрт. Я не в том смысле. Ты не… С тобой всё нормально, просто я…

— Всё правильно, — медленно сказала Эва, и Леон так и не понял, что именно она имела в виду.

Она долго молчала. Чайник закипел, она выключила газ и не стала разливать. Стояла у плиты спиной к нему, и Леон видел, как напряглась оголённая спина в обрамлении синей ткани. Потом она обернулась, вышла из кухни и через полминуты вернулась с толстым блокнотом в тёмной обложке и карандашом.

— Это что? — спросил Леон.

— Скетчбук. — Эва села, открыла чистую страницу и аккуратно провела сверху линию. — В учебных тетрадках для такого нет места.

— Ты что, правда собираешься записывать?

— Нет. — Она подняла на него глаза, и Леон увидел, что румянец стал ещё сильнее. — Я собираюсь кое-что тебе предложить. Мне так проще. По пунктам.

— Пункт первый. — Она вывела на странице цифру «1» и обвела её. — У тебя к понедельнику проект, которого нет. В ноябре сессия, в феврале ещё одна. Верт, отец, машина, карты, приёмная в Южном порту. Тебе нужна помощь. Настоящая, на весь год. Я могу сделать так, что ты сдашь. Сам. Чтобы в конце я тебе была уже не нужна.

Леон открыл рот, но Эва подняла ладонь. На странице появилась цифра «2».

— Пункт второй. Мне тоже нужна помощь. — Голос у неё дрогнул, и она переждала, глядя в блокнот. — Кир. Тони. И вообще. Я не умею… Мне даже за руку держаться сложно, я тебе говорила. Я не понимаю, что значат все эти взгляды, шутки, прикосновения. Когда «на чай» — это на чай, а когда … — Она криво улыбнулась. — А ты понимаешь. Ты только что прочитал мне лекцию, и это была очень хорошая лекция.

Леон замер, не веря своим ушам. Эва перевела дыхание и продолжила.

— Одним словом. Ты меня учишь. Флирту. Тому, как ведут себя на свиданиях. Отношениям. И… — она запнулась, и уши у неё снова вспыхнули, — всему остальному. Близости. Как это работает.

— Эва…

— Пункт третий. — Карандаш почти проткнул бумагу от силы, с которой Эва вывела идеальную тройку. — Никаких обязательств. Никаких чувств. Никто не знает. Ни Элиза, ни Мира, ни Алекс, ни Найджел. Занимаемся здесь, у меня, сюда никто из наших не ходит. До апреля.

— Почему до апреля? — только и нашёл, что спросить, Леон.

— Потому что до апреля, — Эва решительно посмотрела на него, будто это был вполне исчерпывающий ответ.

Леон смотрел на неё. На горящие уши, на сползшие очки, на пальцы, которые всё ещё прижимали карандаш к бумаге. На эту дурацкую, до смешного аккуратную цифру «3», обведённую кружком. Ему захотелось рассмеяться, и одновременно стало совсем не смешно.

— Ты понимаешь, что сейчас сделала? — спросил он.

— Да. — Эва вздёрнула подбородок. — Предложила сделку.

— Ты расписала по пунктам… — Леон развёл руками, не находя слова. — Это.

— А как ещё? — искренне удивилась она. — Так понятнее.

— С таким подходом ты бы защитила проект по этой теме у Кайера на отлично. — Леон покрутил в пальцах тонкую чашку, и золотой ободок поймал свет лампы. — Может, в этом и проблема? Секс — он про другое.

— Вот и научи меня, про что. — Эва вздрогнула от этого слова, но глаз не отвела.

Над дверью тикали часы. Леон смотрел на обведённую цифру «3» и молчал.

— Нет, — сказал он.

Эва не шелохнулась. Только пальцы крепче сжали карандаш.

— Нет, — повторил Леон мягче. — Ты пьяна. Я пьян. Сейчас пять утра. Мама говорит, что после полуночи приличные контракты не подписывают. А отец любую бумагу откладывает до утра, даже если это приглашение на день рождения. Это худшее время для сделок, поверь мне.

— Это лучшее время, — неожиданно страстно возразила Эва, чуть подавшись вперёд. — «Лучшие сделки заключаются, пока обе стороны не успели испугаться».

— Кто это сказал?

— Человек, который построил империю. — Эва снова откинулась на спинку стула и произнесла это так, будто речь шла о ком-то из учебника истории, и опустила глаза на блокнот. — И потом, трезвой я бы не решилась.

Леон долго молчал и внимательно рассматривал Эву. Сейчас, решил он, она испугается, извинится и уйдёт к плите греть чайник в третий раз, и утром они оба сделают вид, что этого разговора не было. Нужно только немного помочь.

Он поставил чашку, облокотился на стол и подался к ней, ближе, чем требовал разговор. Улыбнулся той самой улыбкой, которая вытаскивала его из сотни неприятностей и затаскивала в другую сотню, и медленно вынул карандаш из её пальцев, задев их своими.

— Ладно, — сказал он тихо. Его голос звучал мягко и низко. — Тогда спрошу прямо. Как далеко ты готова зайти?

Он смотрел на неё так, как смотрел на девушек в клубах, когда вопрос был уже решён и оставалось только дождаться ответа. Эва покраснела до самых ушей. Пальцы, которых он коснулся, слегка подрагивали от волнения, но руку она не убрала. И глаз не отвела.

— Максимально, — ответила она так уверенно, будто ждала этого вопроса с самого начала.

— Максимально, — повторил Леон, не меняя голоса. — Это как?

И прежде, чем она дала ответ, он почувствовал запах вишни, терпкого виски из бара Марты и сладкого олеандра в её волосах. И на несколько секунд игра сломалась. Он заметил крошку от пирога на уголке её губ, блеск тёмно-голубых глаз за стёклами очков и…

— До конца. Иначе какой смысл? — Эва забрала у него карандаш, так же медленно, как он взял, и постучала им по странице. — Не переживай, я буду хорошей ученицей.

Леон откинулся на спинку стула. В голове шумело, и ему это не нравилось.

— Вот в этом я как раз не сомневаюсь.

На плите остывал так и не разлитый чайник.

* * *

Без двадцати шесть Эва проводила его до двери. Она стояла в прихожей в шерстяных носках, в своём синем платье поверх домашних брюк, с блокнотом, прижатым к груди, как частенько в университете прижимала папку с конспектами.

— Спасибо за пирог, — сказал Леон, зашнуровывая кеды.

— Спасибо, что проводил.

Он выпрямился и взялся за ручку двери. Эва смотрела куда-то на вешалку.

— Проект к понедельнику, — сказала она, не поднимая глаз.

Леон промолчал.

— У тебя есть мой номер?

— Есть.

— Тогда подумай, — сказала Эва и закрыла за ним дверь.

Пятьдесят пятый пришёл без пяти шесть, минута в минуту. Автобус был пуст, если не считать мужчины лет сорока в мятом пиджаке. Он сидел впереди, держал на коленях букет красных роз, так и не вынутый из обёртки, и смотрел в окно. На соседнем сиденье стояла открытая бутылка вина, к которой он периодически прикладывался.

Леон сел в самом конце. Автобус выехал на набережную, и океан открылся сразу весь, до самого горизонта. Гладь воды была зеркальной, без единой волны, и только у самой кромки небольшая волна лениво перекатывала гальку. Леон с детства знал, что океан, который утром кажется с террасы особняка Ренаров смиренным и далёким, к вечеру может взбеситься и яростно наброситься на дом, заливая террасу солёными брызгами. Его кроткому виду Леон никогда не верил.

Мужчина с букетом вышел у старого порта. Леон остался один. Он сунул руку в карман, нащупал смятый цветок и достал телефон. Открыл презентацию. Кастельмар с высоты птичьего полёта и пустой слайд.

До понедельника оставалось чуть больше суток. Леон убрал телефон, закрыл глаза и впервые в жизни не смог придумать, как выкрутиться.

Глава 6. Залог

В воскресенье Кастельмар просыпался неохотно. Отряд молчаливых дворников сметал с набережной пустые пластиковые стаканы и потерянные банданы с логотипом «Вэгэбондс». Чайки дрались за картошку у перевёрнутой урны, а под шум уборочной машины, медленно ползущей по пустой дороге, один за другим лениво открывались кафе и магазины, закрывшиеся накануне далеко за полночь. Над горами впервые за много дней висели тяжёлые облака, через разрывы в которых пробивались слабые солнечные лучи, словно солнце тоже перебрало накануне и у него совсем не было сил светить. На верхнем этаже «Сагас Империал», в номере с видом на всё это безобразие, Леон Ренар спал лицом в подушку и не собирался просыпаться до тех пор, пока мир не станет хоть немного добрее.

Мир добрее не стал, и в начале второго Леон всё-таки открыл глаза. Его разбудил шестой по счёту будильник. Он перевернулся на спину и долго лежал, глядя в потолок. Нужно было вспомнить, почему вчерашний Леон так усердно позаботился о том, чтобы сегодняшний не провалялся в кровати до самого вечера.

Воспоминания закрутились в голове цветным калейдоскопом и никак не вставали в правильную последовательность. Пустая улица у парка. Босые ноги на остывшем асфальте. Тони и его ладонь на голой спине. Марта с её ласточкой. «Я дома. Сплю». Пирог с решёткой из теста. Рот, зажатый ладонью, и плечи, трясущиеся от смеха. И скетчбук с обведёнными цифрами, где тихая отличница Эва Бюри по пунктам расписала ему, чему он должен её научить.

Леон закрыл лицо ладонью и рассмеялся в потолок. При свете дня всё это выглядело таким нелепым, что казалось нереальным. Эва, которая никогда не смотрела в глаза от смущения. Эва, пьющая виски залпом. Эва, которая подпёрла щёку кулаком и спросила, не нравятся ли ему ролевые игры. Если бы ему кто-нибудь рассказал такое в пятницу, он бы решил, что над ним издеваются.

Ничего, подумал он. В понедельник она будет краснеть при виде него весь день, смотреть в пол, прятаться за Элизой и, конечно, ни разу не напомнит о том, что наговорила в пять утра после двух стаканов. А он сделает вид, что ничего не было. Так поступают взрослые люди. Так даже лучше для всех.

Куртка валялась на кресле, там, где он её бросил. Из кармана торчал край чего-то розового. Леон вытащил цветок, побуревший, с надорванным лепестком, и некоторое время вертел его в пальцах, не понимая, что с ним делать. Выбросить было жаль, хранить — глупо. В итоге он схватил ежедневник, подаренный ему Элизой к началу учебного года со словами «Вдруг решишь, что пора планировать свою жизнь», разгладил розовые лепестки, вложил цветок между девственно чистыми страницами и захлопнул ежедневник.

* * *

Номер в отеле ему достался ещё на первом курсе, когда он объявил родителям, что жить с ними в его возрасте уже неприлично, а искать квартиру ему лень, поэтому он подумывает жить с кем-то из друзей. Инес тогда всплеснула руками, наговорила много чего по-мирандски, а через неделю велела освободить для сына угловой люкс на верхнем этаже. Мать считала, что если не дома, то хотя бы под её крылом. С тех пор прошло больше двух лет. Но номер так и остался отельным люксом, не превратившись в дом: своего здесь у Леона было немного — спортивная сумка в углу, кали-палки, одежда в шкафу и бардак. Даже шампунем он пользовался исключительно гостиничным. Его устраивало такое положение дел.

Леон позвонил на ресепшн и попросил кофе и что-нибудь съедобное. Через двадцать минут официант вкатил тележку, пожелал приятного аппетита и бесшумно исчез. Только когда за ним закрылась дверь, Леон вспомнил про отцовские условия и минимальное содержание.

Потом вспомнил, что ограничения вступают в силу с понедельника, а счёт за обслуживание номеров отец вряд ли станет проверять, и налил себе кофе с чистой совестью. Чашка была тонкая, белая, с золотым ободком по краю. Леон повертел её в пальцах и хмыкнул: точно такие же стояли вчера у Эвы на кухне. «Подарок», — сказала она тогда. Интересно, от Найджела? Этот мог позволить себе купить не то что сервиз — весь магазин фарфора. А может, от Кира? Наверное, группа приносила неплохой доход. Леон бросил гадать и наконец-то нехотя вспомнил о проекте.

Ноутбук нашёлся под кроватью. Леон устроился с ним на диване и открыл презентацию. На первом слайде по-прежнему сиял Кастельмар с высоты птичьего полёта, белый, цветущий и безупречный. Второй слайд всё ещё был пустым. Как неожиданно. Леон какое-то время смотрел на мигающий в пустоте курсор, потом вздохнул.

Задание Кайер дал ещё на первой неделе сентября: промежуточный проект по социальной политике, предложение по развитию городской среды, двадцать минут на защиту, потом вопросы Кайера. Название своей будущей работы «Социальная политика современного мегаполиса: вызовы и перспективы» Леон придумал за пять минут до дедлайна по выбору темы и очень собой гордился. Оно звучало масштабно. Оно намекало, что автор видит картину целиком. Оно ни к чему его не обязывало, и почти два месяца Леона это полностью устраивало.

Первые полчаса он честно искал материалы. Открыл сайт мэрии, нашёл городскую программу развития, пролистал её до середины и закрыл, потому что на седьмой странице так и не понял, о чём она. Посмотрел статистику по районам. Посмотрел красивые кадры Кастельмара на фотостоках. Ему приглянулись несколько снимков с дрона: белые террасы университета, рыжие краны старого порта, башни делового квартала, извилистые ленты набережных. Сверху город был безупречен, как макет в витрине агентства недвижимости. Леон скачал пять самых красивых снимков и вставил их в презентацию вслед за первым. Стало заметно лучше. Слайды больше не были пустыми. Потом он заказал себе ещё кофе, ответил Элизе, которая прислала в общий чат сорок фотографий с концерта и требовала оценить каждую, пролистал новости, посмотрел, сколько просмотров набрал ролик, где Гай срубает горлышко у бутылки шампанского, и вернулся к ноутбуку, когда за окном уже начинало темнеть.

Под снимками с дрона нужно было что-то написать. Что-то про развитие городской среды. Леон подумал, что когда мать собирается открыть новый отель, первым делом она думает, как сделать так, чтобы гостю было удобно. Где он захочет присесть, где ему станет жарко, где темно, куда он пойдёт ужинать и как вернётся обратно. У Инес Сагас-Ренар был список не меньше чем из двухсот пятидесяти вопросов, по которым она проходилась при планировке каждого нового отеля, и хотя бы раз в год она обновляла ответы для уже действующих. Леон с детства слышал их так часто, что они давно жили у него в голове сами собой.

Он напечатал на втором слайде: «Город как отель» — и посмотрел на эти три слова с уважением. Минут пять ему казалось, что это гениально. Потом он попытался объяснить, что именно имеет в виду, и написал: «Каждый житель — гость. Гостю должно быть удобно». Перечитал. Стёр «каждый». Вернул. Стёр всё предложение и написал заново, теми же словами.

Телефон завибрировал. Алекс: «Жив?»

«В некотором смысле», — ответил Леон.

«Проект?»

«В процессе», — ответил Леон. Алекс прислал фейспалм и написал: «Держу за тебя кулачки».

К пяти часам в презентации было девять слайдов: пять снимков с дрона, заголовок, «Город как отель», слайд со статистикой, которую Леон не понимал, и последний, со словом «Спасибо за внимание», который он сделал сразу, потому что это было проще всего. Леон смотрел на них и с каждой минутой всё яснее понимал, что двадцать минут перед Кайером эти девять слайдов не продержатся. Не хватит даже на три минуты. Потом Кайер снимет очки,

протрёт их краем гавайской рубашки и спросит что-нибудь вежливое, и на этом всё кончится. Отстранение. Звонок Верт. Отец. Районная приёмная в Южном порту, с девяти до шести, заявления о протёкших крышах.

Он закрыл ноутбук, открыл снова и написал на втором слайде под «Городом как отелем»: «Удобство как право». Это звучало как что-то из учебника. Что это значит, он не знал.

Телефон завибрировал ещё раз. Леон потянулся к нему, ожидая увидеть очередную фотографию от Элизы, и замер.

«Сколько слайдов готово?»

Вместо имени номер был подписан смайликом-мышкой. Леон записал его в телефон ещё на первом курсе, когда просил Эву помочь с очередным заданием. Элиза однажды увидела эту «подпись» и долго ему втирала про штампованное мышление и навешивание ярлыков.

«У меня всё под контролем», — Леон сел ровнее и напечатал ответ.

Ответное сообщение пришло почти сразу. Леон представил, как она сидит на своей кухне, смотрит на экран и прекрасно понимает, что никакого контроля у него нет.

«Я подумала. Предложение в силе. Ты подумал?»

Леон перечитал это три раза. Потом положил телефон на диван экраном вниз, встал, подошёл к окну и посмотрел на набережную, где уже зажигались фонари. Вернулся. Перевернул телефон. Сообщение никуда не делось.

Она была трезвой. Неужели Эва проснулась, умылась, переплела косу, приготовила себе завтрак, всё это время обдумывая то, что наговорила ночью, и вместо того чтобы сгореть со стыда, взяла телефон и написала первой?

«Ты точно трезвая?» — напечатал он.

«Жду к шести. Приезжай».

Больше она ничего не написала. Ни смайлика, ни «если хочешь», ни «можем обсудить». Часы на экране показывали пять минут шестого.

* * *

В автобусе было тепло и сыро. Пока Леон ждал на остановке, начал накрапывать дождь, первый за несколько недель, и пассажиры заходили, отряхивая зонты и ругая погоду. Леон сел у окна и прислонился лбом к холодному стеклу.

Ехать было минут пятнадцать. Не так много времени, чтобы придумать выход из столь щекотливой ситуации. Вариантов было несколько. Можно было приехать и сказать, что вчерашнее было шуткой, что они оба были пьяны и что лучше забыть. Она покраснеет, кивнёт, и, может быть, всё-таки поможет с проектом просто так, по старой памяти, как помогала всегда. Можно было сразу перевести разговор на учёбу и сделать вид, что второй части сделки никогда не существовало. Можно было пообещать ей что-нибудь другое взамен: познакомить с нужными людьми, замолвить слово перед отцом насчёт стажировки, ещё что-нибудь. Леон перебирал варианты, и каждый казался ему вполне рабочим до тех пор, пока он не вспоминал короткое «Я подумала. Предложение в силе».

Автобус свернул с набережной и пополз вверх. Дождь усилился. За окном проплывали магазины с опущенными ставнями, кафе, где под навесом курили официанты, остановка, на которой никто не ждал. Леон смотрел на всё это и ничего особенного не видел. Город как город.

Хорошо, думал он. Допустим, выкрутиться не получится. Допустим, она упрётся. Тогда нужно хотя бы урезать сделку до чего-то приемлемого. Учёба. Флирт, свидания, взгляды, всё, что она там перечисляла. Это пожалуйста, это даже забавно. Но до конца — нет.

Леон слишком хорошо знал, как это бывает. Девушки, с которыми он проводил ночь, на следующий день начинали смотреть на него иначе. Кто-то писал сообщения, кто-то караулил у аудитории, кто-то рассказывал подругам то, чего не было, и это было терпимо, пока речь шла о девушках, которые с самого начала знали, на что идут. Эва не знала ничего. Она заучила бы его, как учебник, и влюбилась бы в него, как в учебник: целиком, всерьёз и с конспектом. А

влюблённая девушка, которая знает про него то, чего не знает никто, — это рычаг. Стоит сделке выплыть наружу, и это будет скандал, которого ему не простят. «Наследник Ренаров соблазнил и использовал бедную талантливую студентку!» Не теперь, когда у отца впереди кампания, а мать виновато гладит его по голове и называет лисьей мордой, но полностью на стороне отца.

А если он откажется совсем, подумал он, глядя на мокрую остановку, она найдёт кого-нибудь другого. Она упрямая, он это уже понял. Найдёт какого-нибудь Тони, который не станет ничего объяснять и ни о чём спрашивать. Наутро исчезнет, и она совсем рассыплется на кусочки. И уже ничто не поможет. Так что, если подумать, он делал доброе дело. Почти благородное.

Эта мысль ему понравилась. До самой остановки у парка он старался её не трогать, чтобы не развалилась.

* * *

Дверь Эва открыла сразу, как будто стояла за ней и ждала. От вчерашней девушки в синем платье не осталось ничего. Коса снова была тугой, очки сидели ровно на переносице, а вот всё остальное: длинный пушистый свитер нежно-сиреневого цвета, мягкие брюки в мелкий жёлтый цветочек и вчерашние толстые шерстяные носки. Такую Эву Леон видел впервые. Ещё один образ. Она стала удивлять его чаще, чем ему хотелось бы.

— Привет, — сказала она, и кончики её ушей заалели в ту же секунду.

— Привет.

— Ты промок.

— Немного.

— Проходи. — Она отступила, пропуская его, и чуть не задела плечом зеркало. — Тапок нет. Пол тёплый. Ну, ты знаешь.

Он знал. И это удивляло Леона. Второй раз за сутки он оказался в квартире Эвы. На кухне горел свет, и на столе уже стояли две тонкие чашки с золотым ободком, заварочный чайник и закрытый скетчбук в тёмной обложке, при виде которого Леон напрягся. А вот пирога не было, и Леон поймал себя на том, что немного разочарован.

Эва налила чай, села напротив и положила ладони на скетчбук. Потом убрала ладони на колени. Потом снова положила на скетчбук.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Ты написала.

— Да. — Она кивнула и замолчала.

Молчание затянулось. Эва смотрела в чашку, Леон смотрел на Эву и понимал, что большинство вариантов, придуманных в автобусе, были рассчитаны на другую девушку: на ту, что будет краснеть, мямлить и с облегчением соглашаться всё забыть. Эта краснела и молчала, но о том, чтобы забыть, речи явно не шло. А значит, рабочим может быть только последний.

— Слушай, — начал он. — Насчёт вчерашнего. Мы оба были…

— Я помню, какими мы были, — сказала Эва, по-прежнему глядя в чашку. — Я всё помню. Я думала весь день. — Она наконец подняла глаза, и он увидел, что ей ужасно неловко, но в глазах при этом не было ни капли сомнения. — Мне неудобно. Очень. Но я не передумала.

Леон откинулся на спинку стула. Эва открыла скетчбук на вчерашней странице. Три пункта, три обведённые цифры.

— Если ты пришёл отказаться, — сказала она тихо, — скажи сразу. Я помогу тебе с проектом в любом случае. Это не условие.

Это было неожиданно. Леон посмотрел на неё внимательнее. Она сидела очень прямо, сцепив пальцы на краю стола, и по ней было видно, что она приготовилась к отказу и заранее решила, что не обидится. Или, по крайней мере, не покажет.

И ровно в эту секунду он понял, что отказываться не будет. Он так и не решил, хорошо это или плохо.

— Я пришёл предложить поправку, — сказал он.

— Поправку? — Эва моргнула.

— К пункту второму. — Он постучал пальцем по странице. — Учёба — да. Флирт, свидания, взгляды, прикосновения, всё, что ты там хотела, — да. Я научу. Но до конца мы не дойдём.

Он ждал, что она обрадуется. Или хотя бы выдохнет с облегчением. Вместо этого Эва выпрямилась ещё сильнее и спросила совсем другим голосом, коротким и ровным:

— Почему?

Этот голос он уже слышал несколько раз. И всё равно на секунду растерялся.

— Потому что тебе это важнее, чем ты думаешь, — сказал он. Это прозвучало хорошо, почти взросло, и он сам себе почти поверил. — Первый раз не должен быть по учебнику. Ты потом пожалеешь. — Он помолчал и добавил мягче: — И для Кира это будет важно. Поверь мне.

На имени Кира Эва вздрогнула. Леон понял, что попал.

— Ты не можешь этого знать, — сказала она, но уже не так твёрдо.

— Могу. Я опытнее. И как ты вчера сказала? Рыцарь в сияющих доспехах. — Леон усмехнулся.

— Или лис. Я ещё не решила, если ты не помнишь.

Она посмотрела на него долгим взглядом, и Леон почувствовал себя так, будто его поймали на списывании. Потом она опустила глаза в скетчбук, взяла карандаш и под тройкой вывела цифру «4».

— Хорошо, — сказала она. — Пункт четвёртый. Черта. — Карандаш прошуршал по бумаге. — Но тогда я хочу знать, где она. Чтобы не было «а это мы не будем, а это мы тоже не будем». Всё, что до черты, — по программе. Полностью.

— Полностью, — повторил Леон.

Он развернул скетчбук к себе. Под каждой цифрой её ровным почерком было записано по несколько слов, коротко, как в конспекте. Леон пробежал страницу глазами и понял, что ещё может всё повернуть назад. Проверить не помешает. Если она сейчас дрогнет, никто не будет виноват.

— Пункт второй, — прочитал он вслух, медленно, низким бархатным голосом, каким обычно говорил девушкам на ухо то, что не говорят при свете. — «Флирт». — Пауза. — «Свидания». — Пауза длиннее. — «Отношения». — Он поднял на неё глаза и чуть улыбнулся. — «Близость».

Её собственные слова, такие деловые на бумаге, в его голосе звучали совершенно неприлично. Эва покраснела так, что даже очки, казалось, запотели от жара, которым полыхали её щёки.

— А дальше? Пункт третий. — Она выпрямила спину, готовясь слушать до конца.

Леон посмотрел на страницу. «Никаких обязательств. Никаких чувств».

— Пропустим, — сказал он уже нормальным голосом и вернул ей скетчбук. — Его так не прочитаешь. — И, всё ещё надеясь, что она отступит, добавил: — Полностью — это включая то, что тебе не понравится.

— Например?

— Например… — Он хотел додавить до конца. — Раздеться передо мной. Или смотреть, как я раздеваюсь.

Эва побледнела. Он ждал, что она покраснеет, а она побледнела разом, даже губы стали мертвенно-бледными. Карандаш замер над страницей. Леон уже пожалел, что сказал это, и собрался было извиниться, но она вдруг снова начала писать, медленно и очень аккуратно, как пишут под диктовку.

— Включая… — сказала она, не поднимая глаз. — Записала.

Леон смотрел на её макушку, на пальцы, с силой сжимавшие карандаш, на бледные щёки. Ему впервые за этот разговор стало не смешно.

— Эва. Если ты…

— У меня тоже есть условие. — Она отложила карандаш и посмотрела на него. — Откуда я знаю, что ты меня не кинешь?

— В смысле?

— В прямом. Я сейчас помогу тебе с проектом. Завтра ты его сдашь. А послезавтра скажешь, что передумал, или что тебе некогда, или вообще ничего не скажешь и будешь делать вид, что меня нет. — Она говорила спокойно и без обиды, будто перечисляла риски в бизнес-плане. — Ты так делаешь. Ты не нарочно, я знаю. Но ты так делаешь.

Леон хотел возразить и не нашёл чем. Она была права, и знала это лучше, чем он.

— И что ты предлагаешь? Расписку?

— Расписку тоже, — кивнула Эва. — Но расписку ты забудешь легко. Мне нужен залог.

— У меня даже машины теперь нет.

Эва ничего не ответила. Она смотрела на его правое запястье. Леон проследил за её взглядом и понял раньше, чем она успела сказать.

— Нет, — сказал он.

— Ты сам говорил, что это не безделушка.

— Это не безделушка.

— Тогда это хороший залог. — Эва протянула ладонь через стол. — Верну, когда сделка закончится.

— В апреле?

— В апреле.

Леон посмотрел на браслет. Ракушки, нанизанные на выцветший шнурок, одна со сколом, одна с перламутровым фиолетовым отливом. Сто сольдо за счастье. Он носил его почти год и сам не знал зачем.

— Он ничего не стоит, — сказал он. — Ты сама считала. Два с половиной проездных.

— Для тебя стоит, — сказала Эва. — Иначе бы ты не спорил.

Он развязал шнурок. Пальцы не слушались, и узел поддался только с третьего раза. Эва взяла браслет осторожно, двумя пальцами, встала, подошла к полке с подписанными банками и, подумав секунду, сняла одну из них. Банка была пустой. На этикетке ровным почерком с наклоном было написано: «Изюм».

— Серьёзно? — Леон не выдержал и рассмеялся.

— Он у меня всё равно никогда не кончается, — невозмутимо сказала Эва, опуская браслет в банку. — Потому что я никогда его не покупаю. Терпеть его не могу.

Крышку она закрывать не стала. Оставила банку на краю стола, развернула к нему скетчбук и протянула карандаш.

— Распишись. Под четвёртым пунктом.

Леон расписался. Подпись вышла кривой, с размашистым «Р», которое он когда-то позаимствовал у отца. Эва посмотрела на неё, кивнула и расписалась рядом, мелко и чётко. Потом аккуратно, по сгибу, вырвала страницу из скетчбука, свернула её трубочкой и опустила в банку, к браслету. Закрыла крышку, поставила банку на полку, между гречкой и рисом, и только после этого, помедлив, протянула ему руку через стол.

Ладонь у неё оказалась холодной, хотя на кухне было тепло, и Леон почувствовал, как она напряглась, когда он сжал пальцы. Сам не зная зачем, он задержал её руку в своей и медленно провёл большим пальцем по костяшкам. Проверка, сказал он себе. Рука под его пальцами дёрнулась, и Леон почувствовал, как Эва чуть не вырвалась — и как не дала себе этого сделать. Она прикрыла веки, и он почти слышал, как она считает. Раз. Два. Три. Плечи у неё

опустились, пальцы перестали каменеть. Только после этого она спокойно, без всякой спешки, забрала руку. Леон наблюдал за ней как заворожённый.

— Первый урок не сегодня, — сказал он, когда она подняла на него глаза за толстыми стёклами очков. Голос прозвучал хрипловато, и он откашлялся. — Я не готов. И времени нет.

— Я знаю. — Эва уже открывала ноутбук, и от её смущения вдруг не осталось и следа. — Сегодня проект. Показывай.

* * *

Он показал. Эва смотрела на слайды молча, и с каждым следующим Леону всё сильнее хотелось забрать ноутбук и уйти. Пять красивых снимков с дрона она пролистала, не задерживаясь. На статистике остановилась, прищурилась и спросила, откуда цифры. Леон сказал, что с сайта мэрии. Эва сказала, что эти цифры позапрошлого года, и что на сайте мэрии есть свежие, только их надо искать не в разделе «Статистика», а в приложении к бюджету, потому что так у них устроено. Леон спросил, откуда она это знает. Эва посмотрела на него так, что он не стал спрашивать дальше. Дойдя до конца, она вернулась ко второму слайду.

— «Город как отель», — прочитала она вслух.

— Это рабочее название, — быстро сказал Леон.

— «Каждый житель — гость. Гостю должно быть удобно». — Эва помолчала. — Это ты сам придумал?

— Ну… да. Мама так думает про отели. Где гостю удобно, где жарко, где темно, куда он пойдёт ужинать. Я просто…

— Это неплохо, — сказала Эва.

Леон замолчал на полуслове. Он был готов к чему угодно, но не к этому.

— Правда?

— Правда. Это необычный угол. Кайер любит необычные углы, если за ними что-то есть. — Эва подперла подбородок кулаком. — Но ты смотришь сверху. Всё сверху. Дрон, статистика, «гость». Ты пишешь про город так, как управляющий смотрит на отель с балкона пентхауса. Красиво, всё на месте, гости довольны.

— А что не так?

— А ты сам что видишь, когда идёшь по городу?

Он открыл рот и закрыл. Вопрос был простой, но ответа на него у Леона не было.

— Я не хожу по городу, — сказал он наконец. — Я езжу. Ездил.

— Теперь ходишь, — сказала Эва. — Вчера ты шёл от набережной к парку. Пешком, ночью. Что ты видел?

— Тебя.

Он сказал это машинально, и только потом сообразил, как это прозвучало. Эва покраснела, но не отвела взгляд.

— Кроме меня.

Леон задумался. Вспомнил поющую набережную, тихую улицу, уходящую вверх, балконы с виноградом, закрытую пекарню с круассаном на стекле. Пятиэтажки. Окно, в котором кто-то гладил рубашку. Перекрёсток у парка.

— Там было темно, — сказал он медленно. — У парка. Фонарь горел только один, на перекрёстке, а дальше, вдоль ограды, ничего. Я тогда подумал, что если бы с тобой что-то случилось там, в темноте, никто бы даже не увидел.

Эва ничего не сказала. Она смотрела на него, и выражение у неё было странное, внимательное и немного удивлённое. Такого она от него явно не ждала.

— Вот, — произнесла она наконец. — Вот это ты видел сам. Это и пиши.

Дальше было хуже. Эва отказалась писать за него хоть слово. Леон попробовал попросить её набросать хотя бы вступление, потому что «у тебя это лучше получается», и получил в ответ ноутбук, развёрнутый к нему клавиатурой. Он попробовал открыть её прошлогоднюю работу

по смежной теме, которую она когда-то давала ему почитать, и Эва, не поворачивая головы, сказала, что на эту работу ссылалась Верт в своей статье и что Кайер её читал. Он нашёл в сети подходящий абзац из какого-то отчёта и вставил его в слайд, переставив пару слов. Эва прочитала, сказала название отчёта, год и номер страницы и добавила, что переставлять слова бесполезно, потому что Кайер узнаёт чужой текст по интонации. Леон стёр абзац и написал свой. Вышло хуже, чем в отчёте, но Эва кивнула, и почему-то это было приятнее, чем он ожидал.

Когда речь заходила о деле, она менялась. Голос становился ровным и уверенным, фразы длинными и выстроенными, и всё раскладывалось по местам: муниципальное финансирование, программы благоустройства, бюджет района, кто за что отвечает и почему ничего не делается. Она говорила и одновременно что-то набрасывала карандашом на полях скетчбука, стрелки, кружки, какие-то схемы, и Леон смотрел на неё и вспоминал, как отец по субботам за ужином рассказывает о городе. С тем же лицом. С тем же светом в глазах, которого Леон никогда в себе не находил. Когда она в очередной раз наклонилась к экрану, коса соскользнула у неё с плеча, и мягкий кончик волос коснулся его руки. Леон поймал себя на том, что читает одну и ту же строчку в третий раз.

Дождь за окном то стихал, то начинался снова. Чай остыл, и Эва поставила чайник ещё раз, потом ещё. Около десяти она, не спрашивая, достала из холодильника остатки пирога, разогрела и поставила перед ним. Леон съел, не отрываясь от экрана, и только потом заметил, что она на него смотрит.

— Что?

— Ничего. — Эва отвернулась к окну. — Ты всегда ешь, когда думаешь? Не замечал?

Он не замечал. Но теперь, когда она сказала, жевать под её взглядом стало неловко.

К полуночи в презентации было шестнадцать слайдов. Снимки с дрона остались, но теперь между ними появилась карта района у парка с отмеченным перекрёстком и тёмной улицей вдоль ограды. Появилась статистика, свежая и правильная. Появилось «Удобство как право», и на этот раз Леон знал, что это значит, потому что полчаса объяснял Эве, а она полчаса задавала вопросы, пока он не перестал путаться. «Город как отель» остался на втором слайде. Эва сказала, что трогать его не нужно.

— Это сносно, — сказала она, пролистав презентацию от начала до конца. — Кайер будет не сильно доволен, но примет.

— Сносно, — повторил Леон. — Ты умеешь поддержать.

— Моя задача сейчас не поддержать тебя, а оценить. — Она закрыла ноутбук и вдруг улыбнулась, совсем чуть-чуть, одним уголком рта. — Но для одного вечера это очень хорошо. Правда.

* * *

Леон зашнуровывал мокрые кеды и чувствовал на себе её взгляд. — Спасибо, — сказал он, выпрямляясь. — Серьёзно.

— Это пункт первый, — ответила Эва. — Не за что. — Она помолчала, глядя куда-то на вешалку. — Первый урок в среду. Подготовься.

— Мне? — Леон даже не сразу понял. — Готовиться?

— Ты же учитель, — сказала Эва и закрыла за ним дверь.

Он постоял на лестничной площадке, глядя на эту дверь и пытаясь понять, что сейчас произошло. Потом спустился вниз. Дождь почти кончился, но с деревьев у парка капало, и на остановке под единственным фонарём собралась лужа. Леон обошёл её, сел на мокрую скамейку и машинально потянулся пальцами к правому запястью, чтобы покрутить браслет, как делал всегда, когда ждал.

Запястье было голым. Леон посмотрел на него и убрал руку в карман.

Последний автобус пришёл почти пустым. Леон сел у окна. Мокрый город за стеклом расплывался огнями: фонари, витрины, фары встречных машин, всё дрожало и текло по стеклу

вместе с каплями. Он смотрел на эти огни и думал о том, что Эва спросила его, что он видит, и что ответить ему по-прежнему почти нечего. Потом достал телефон, навёл камеру на окно и нажал на кнопку, сам не зная зачем.

Снимок получился ужасным. Жёлтые и красные пятна, размазанные по чёрному, капли на стекле и в самом углу его собственное отражение, бледное и недовольное. Леон посмотрел на него, хмыкнул и почему-то не стал удалять.

До защиты оставалось меньше двенадцати часов, и впервые за долгое время он почти не боялся. Зато до среды оставалось два дня. Леон Ренар, который никогда не готовился ни к одному семинару, ни к одной контрольной и ни к одной защите, должен был подготовить урок. Сам. Для девушки, которая знает номера страниц в чужих отчётах. Он закрыл глаза и попытался вспомнить, как это вообще делается.

Глава 7. Красные попугаи

Ночной дождь омыл Кастельмар так старательно, будто готовил жениха к встрече с невестой. Белый камень набережной блестел, в лужах на университетских ступенях отражалось низкое серое небо, а олеандры вдоль дорожек стояли растрёпанные и мокрые, и под ними лежали розовые лепестки, сбитые ветром. Над океаном висела плотная пелена облаков, и впервые за долгое время никто на площади перед фонтаном не щурился от солнца. Студенты бежали к главному входу, прикрывая головы рюкзаками и папками, и только один из них шёл медленно, с ноутбуком под мышкой и с видом человека, у которого всё под контролем. Леон Ренар пришёл в университет за полчаса до начала пары и сам не очень понимал, как это вышло.

Спал он часов пять. В половине восьмого его разбудило сообщение из банка. Отправитель — Ренар Э. Комментарий к переводу состоял из трёх слов: «На ноябрь. Э. Р.» Леон долго смотрел на эти три слова и думал, что отец даже в банковском переводе умудряется держать паузу. Через минуту пришло сообщение от матери, длинное, с тремя восклицательными знаками и одним словом по-мирандски, которое в приличном обществе лучше было не переводить. Инес писала, что любит его, что всё это ради его же блага, что он должен нормально питаться и что если он вдруг умрёт с голоду, то она этого мужу никогда не простит. Но если будет совсем туго, она не станет проверять счета на доставку еды в номер. В конце стояло «лисёнок ты мой» и три сердечка.

В аудитории было ещё полупусто. Даниэль сидел на своём обычном месте, полностью готовый к лекции, и крутил кубик Рубика, Мира перебирала распечатки. Леон поставил ноутбук на парту и сел рядом с ними. Даниэль посмотрел на него, потом на часы над доской, потом снова на него и молча отложил кубик.

— Ты заболел? — спросила Мира с искренней тревогой.

— Твой парень уже шутил эту шутку. Второй раз не смешно.

— Ты прав. Это уже слишком серьёзно. Может, обратиться к врачу?

— Почему сразу к врачу?

— Потому что ты здесь, — она обвела рукой полупустую аудиторию, — сейчас. И у тебя ноутбук. Включённый.

— Я всегда прихожу с ноутбуком.

— Ты всегда приходишь с ноутбуком, на котором ничего нет, — уточнил Даниэль.

Леон не стал спорить. Он смотрел на первый ряд. Эва сидела на своём месте, прямо перед кафедрой, в сером свитере, с косой, перекинутой через плечо, и спокойно просматривала свои конспекты, периодически делая пометки на полях. Леон ждал этого утра со смешанным чувством. Он представлял, как она увидит его в дверях, вспыхнет до корней волос, уронит ручку, отвернётся к окну и будет весь день прятаться от него. Он даже приготовил для этого случая улыбку, спокойную и поддерживающую, чтобы ей было легче.

Эва подняла голову, когда в аудиторию вошли Элиза, Алекс и ещё несколько человек, кивнула всем сразу, как кивала каждое утро, и снова уткнулась в тетрадь. На Леона она не посмотрела. Ни разу. Ни в тот момент, ни через минуту, ни через пять. Приготовленная улыбка так и осталась невостребованной.

Алекс спокойно прошёл к своему месту, кивнув друзьям в знак приветствия. Элиза плюхнулась рядом с Алексом и развернулась, чтобы поздороваться, и только тут увидела Леона. — Что с тобой?

— Почему со мной что-то должно быть?

— Ты здесь раньше меня.

— Мира уже спрашивала.

— И что ты ответил?

— Что я всегда прихожу вовремя.

Элиза засмеялась так громко, что на неё обернулся весь первый ряд. Весь, кроме Эвы.

— Ты готов? — Отсмеявшись, Элиза заметила ноутбук и вдруг стала серьёзной.

— Возможно.

— Держу за тебя кулачки. — Элиза потянулась через Алекса, сжала Леону руку и, сделав серьёзный и, по её мнению, подбадривающий вид, показала ему два кулака.

— И я! — Мира тут же прижала кулаки к груди. — Мы все держим. Правда, Даниэль?

— Я считаю шансы, — сказал Даниэль, не отрываясь от кубика. — Процентов тридцать.

Леон посмотрел на Алекса. Тот поверх красной макушки Элизы поймал его взгляд и, не меняясь в лице, медленно приподнял бровь. Потом повернулся к Даниэлю.

— Сдаст, — сказал Алекс.

— Спорим? — Даниэль перестал крутить кубик.

— На кофе.

— Откуда? Из кафе? Из бара?

— Из автомата.

Даниэль фыркнул, Алекс тоже не выдержал, и оба заржали так, что на них в очередной раз обернулась половина аудитории. Кофе из автомата не пил никто и никогда. Полтора сольдо — ровно столько, судя по ставке, весила их общая вера в Леона.

— Мальчики, вы ужасны, — сказала Мира. — Его же нужно поддержать!

— Это и есть их поддержка, — сказала Элиза. — Другой у них нет.

* * *

Кайер вошёл ровно в девять. Аудитория замолкла мгновенно. Профессор был в белой водолазке, поверх которой была надета гавайская рубашка с попугаями. С красными попугаями, тут же отметил Леон. Ярко-красными, на тёмно-зелёном фоне, с жёлтыми клювами и злыми чёрными глазками. По рядам прошёл едва слышный шорох, кто-то тихо выругался, кто-то начал торопливо листать конспект, хотя было уже поздно.

Леон вспомнил бар, тёмно-янтарный виски и Эву, которая загибала пальцы: синие, зелёные, красные. Леон посмотрел на свой ноутбук и подумал, что, видимо, пришёл час расплаты за все его грехи и удача окончательно отвернулась от него. Его первый самостоятельно подготовленный проект сегодня сожрут с потрохами. Как же он ненавидел попугаев.

— Утро… — сказал Кайер, положив папку на стол.

— Доброе, — ответила аудитория так тихо, что прозвучало как вопрос.

— Не уверен, — сказал Кайер. — Но посмотрим. Сегодня у нас переходим к новому блоку. Но сначала — долги. — Он открыл список и даже не стал в него заглядывать. — Господин Ренар.

Леон встал. Ноги были деревянными, и это было странно: на защитах он никогда не волновался. Волноваться было не о чем, когда заранее знаешь, что провалишься, и заранее решаешь, как будешь выкручиваться. Сейчас было шестнадцать слайдов, которые он сделал сам, и несвойственный ему страх провалиться.

Он вышел к кафедре, подключил ноутбук и вывел на экран первый слайд. Кастельмар с высоты птичьего полёта сиял над аудиторией своей безупречной белизной.

— Надеюсь, — сказал Кайер, — в этот раз презентация у вас есть не в некотором смысле.

По рядам прокатился смешок. Леон дождался, пока он стихнет.

— В прямом, профессор.

Он переключил слайд. «Город как отель». Кто-то на задних рядах фыркнул. Леон не стал оборачиваться.

Первые несколько минут он говорил слишком быстро, и голос то и дело норовил сорваться в привычную лёгкость, в шутку, за которой можно спрятаться. Потом он дошёл до карты района у парка, до тёмной улицы вдоль ограды и единственного фонаря на перекрёстке.

Он рассказывал, как шёл там ночью пешком, как от фонаря до фонаря было так темно, что не видно собственных ног. Он говорил о том, что хороший управляющий отеля первым делом думает, как гость будет возвращаться в номер поздно вечером. И что в городе, который хочет считаться удобным, об этом не думает никто.

Кайер слушал молча. Он не перебивал, не поднимал брови, не задавал вопросов, и с каждым слайдом это молчание становилось всё тяжелее. Красные попугаи смотрели на Леона в упор.

Когда Леон закончил, профессор долго ничего не говорил. Потом снял очки и медленно протёр их салфеткой, и Леон понял, что сейчас начнётся.

— «Удобство как право», — прочитал Кайер с последнего слайда. — Объясните.

Леон объяснил. Он сам удивился, как легко это вышло. Полчаса Эва гоняла его по этой формулировке вопросами, пока он не перестал путаться, и теперь слова находились сами, в правильном порядке, без «в некотором смысле» и без «множества факторов». Кайер задал ещё один вопрос, про бюджет района. Леон ответил и назвал цифру, свежую, из приложения к бюджету. Кайер задал третий, про то, почему именно освещение, а не транспорт или аренда. Леон подумал и сказал, что транспорт и аренда — это про то, как люди живут в городе днём, а освещение — про то, боятся ли они в нём ночью.

Кайер надел очки. — Это поверхностная работа, господин Ренар, — сказал он ровно. — Ваша метафора с отелем остроумна, но она вас подводит. Вы смотрите на горожан как на гостей. Гости приезжают и уезжают. Им должно быть удобно, но их не волнует, что будет завтра, и их ничто не связывает ни с соседями, ни с руководством города. Ваша модель хорошо объясняет, как сделать город приятным. Она совершенно не объясняет, как в нём жить.

Леон молчал. Возразить было нечего.

— Девять слайдов из шестнадцати можно выбросить без ущерба для смысла, — продолжил Кайер. — Снимки с дрона особенно. Вы знаете, сколько раз за этот семестр мне показывали Кастельмар с дрона? Я перестал считать второго сентября. — Он помолчал. — Но вот это. — Он кивнул на экран, где всё ещё висела карта района у парка с тёмной улицей вдоль ограды. — Это вы видели сами.

— Да, профессор.

— Это единственное место в вашей работе, где вы знаете, о чём говорите. И впервые на моей памяти вы говорите о чём-то, что знаете. — Кайер сделал пометку в списке. — Зачтено. С оговорками, которые я пришлю вам письменно. Садитесь.

Леон отключил ноутбук и пошёл на место. Ноги всё ещё были деревянными. Кто-то на задних рядах уважительно присвистнул, Мира уставилась на него с открытым ртом, а Даниэль, не поворачиваясь, протянул ему под партой кулак, и Леон, не глядя, стукнул в него своим. Алекс откинулся на стуле, посмотрел на Даниэля и прошептал: «Ты должен мне кофе». Элиза толкнула его в бок, а сама повернулась к Леону и одобряюще кивнула.

Когда Леон проходил мимо первого ряда, он скосил глаза на Эву. Она писала. Голова наклонена, карандаш бежит по странице. На него она не взглянула. Только пальцы, державшие карандаш, были чуть испачканы углём на подушечках. Кайер начал новую тему, а Леон, усевшись на место, почему-то думал вовсе не о своём успехе. Он думал о том, что Эва могла рисовать утром. Кота, студентов, бегущих мимо фонтана, чаек на набережной…

На перемене Даниэль молча сходил к автомату в коридоре и поставил перед Алексом бумажный стаканчик. Алекс так же молча отпил, поморщился, но допил до конца.

* * *

На большом перерыве они сидели на веранде кафе напротив главного корпуса. После дождя на столах ещё стояли лужицы, и официантка, молоденькая и рыжая, вытирая их, трижды спросила, не нужно ли Леону чего-нибудь ещё, хотя он заказал только кофе. На четвёртый раз

Элиза ответила за него, что ему ничего не нужно, совсем ничего, и улыбнулась официантке так, что та сбежала.

— Итак, — сказала Элиза, сцепив пальцы под подбородком. — Кто ты и куда ты дел Леона?

— Я и есть Леон.

— Леон не знает, что такое приложение к бюджету.

— Я тоже не знала, — честно сказала Мира.

— Мира не знала, — подхватила Элиза. — А ты знал. И цифру назвал. И «удобство как право». Это что вообще?

— Это право на удобство, — сказал Леон. — Как право. Я же объяснял.

— Объяснял, — кивнул Даниэль. — Поэтому у меня тоже вопрос. — Он отпил кофе и посмотрел на Леона поверх чашки. — Кто тебе помогал?

— Никто.

— Варианты, — сказала Элиза, загибая пальцы. — Первый. Ты кого-то нанял. Какого-нибудь аспиранта, который продаёт курсовые, и он тебе ещё и речь написал.

— Кайер чует чужие тексты, — возразил Даниэль. — Он бы его съел. Не годится.

— Второй. Ты переспал с кем-то с пятого курса.

— За выходные? — уточнила Мира. — Ну то есть переспать-то он бы успел, хоть со всем пятым курсом… Но чтобы она, они… или он, — хихикнула Мира под гневным взглядом Леона, — успели за выходные научить его, что такое приложение к бюджету, — это вряд ли…

— Леон быстро учится, когда его правильно мотивируют, — невинно сказала Элиза.

Алекс молча посмотрел на неё. Элиза подняла руки: молчу, молчу.

— Третий, — сказал Даниэль, — ты продал душу дьяволу.

Все засмеялись, и Леон засмеялся вместе со всеми. А потом смеяться перестал, потому что подумал, что Даниэль, сам того не зная, попал почти в точку. Душу он, конечно, не продавал. Но в банке с надписью «Изюм» на чужой кухне сейчас лежал свёрнутый трубочкой договор с его подписью, и подпись эта стояла под пунктом, о котором его друзья не должны были узнать никогда. А рядом с договором лежал браслет из ракушек, купленный когда-то за сто сольдо на счастье. Выходило, что он и правда подписал договор с дьяволом и оставил ему в залог своё счастье. Дьявол носил очки в толстой оправе, сидел на первом ряду и делал вид, что его не существует. Леон печально улыбнулся своим мыслям.

— Отец нанял мне репетитора, — сказал он.

Эту фразу он придумал ещё в автобусе по дороге от Эвы, и всё утро крутил её в голове, чтобы она прижилась и звучала правдоподобно. Получилось неплохо. Отец, ультиматум, деньги урезаны, но на учёбу ему, конечно, не жалко.

— Репетитора, — с сомнением повторила Элиза.

— Репетиторшу, — уточнил Леон. — Страшную. Злую. Старую. Она меня всё воскресенье мучила. Я теперь знаю, что такое приложение к бюджету. Я теперь знаю такие вещи, которые никому не пожелаю знать.

— И как её зовут? — спросила Мира.

— Госпожа… — Леон на секунду запнулся. — Госпожа Изюм.

— Как?

— Это прозвище. Я ей придумал. Она сухая и сморщенная.

Мира прыснула, Элиза покачала головой, Даниэль хмыкнул и снова взялся за кубик. Только Алекс не засмеялся. Он смотрел на Леона спокойно, без всякого выражения, и Леон вдруг увидел, что друг смотрит не на него самого, а на его руку, лежащую на столе рядом с чашкой.

— Где браслет? — спросил Алекс.

Леон убрал руку под стол. — Потерял.

— Ты его год не снимал.

— Вот и потерял. В баре, наверное. Шнурок перетёрся.

Алекс ничего не сказал. Он ещё секунду смотрел на Леона, потом кивнул и отвернулся к Элизе, но Леон знал этот кивок. Так Алекс кивал, когда не верил ни одному слову, но решал пока не спрашивать.

— Леон!

Голос был звонкий и сладкий, и Леону он показался знакомым. По ступенькам веранды поднималась та самая блондинка, с которой они столкнулись в коридоре в четверг: идеально уложенные светлые волосы, бежевое пальто нараспашку и неизменный стакан смузи, на этот раз розового. Она подошла к их столику так уверенно, будто её здесь ждали, и положила ладонь Леону на плечо.

— Я тебя на концерте видела, — сказала она, наклоняясь к нему. Пахло от неё клубникой и чем-то ванильным, очень сладким. — Ты был на VIP-трибуне. Почему не помахал?

— Не заметил, — честно сказал Леон.

— Ну конечно, не заметил. — Она рассмеялась и шутливо стукнула его по плечу. — Ты никогда ничего не замечаешь. Ты и в июне не заметил, что обещал мне позвонить.

Элиза с огромным интересом рассматривала новоприбывшую барышню. Мира уткнулась в телефон. Даниэль сосредоточенно крутил кубик. А Алекс неожиданно заинтересовался прогнозом погоды и с несвойственным ему усердием рассматривал облака. Леон лихорадочно перебирал в памяти июнь. Июнь был длинным. В июне было много вечеринок.

— Шанталь, кажется? — пришла на помощь Элиза, сладко улыбнувшись.

— Шанталь, — подтвердила блондинка, не отводя глаз от Леона. — А ты Элиза. Я знаю. Сложно оставаться незамеченной, когда ты подружка Фруа.

Шанталь метнула восхищённый взгляд на Алекса. Элиза нахмурилась, но Шанталь этого даже не заметила. Элизу она, кажется, вообще не считала достойной внимания.

Тут взгляд блондинки упал на площадь, и её сладкая улыбка стала почти хищной. Леон проследил за её взглядом. Через площадь, вдоль самой стены главного корпуса, шла Эва. Она шла быстро, прижимая к себе сумку, и обходила стороной группку парней у фонтана, которые громко хохотали над чем-то в телефоне.

— О, — сказала Шанталь. — Ваша серая мышка. Вы с ней всё ещё нянчитесь?

— Мы с ней дружим, — сказала Мира, и голос у неё вдруг стал совсем не мягким.

— Ну да, ну да. — Шанталь отпила смузи. — Говорят, она на концерте тоже была. С группой. И даже, говорят, уехала с Киром Хантером. Врут, наверное. Кир Хантер и это. — Она хихикнула. — «Вэгэбондс», кстати, сегодня улетают. Вечерним рейсом. Полкампуса едет в аэропорт рыдать с плакатами.

— Так почему ты здесь? — спросил Леон.

Он знал, что она ответит, ещё до того, как спросил. Вопрос был нужен ей, а не ему. Леон прекрасно знал: такие, как Шанталь, ждут, чтобы их спросили, даже когда ответ очевиден. Леон умел подыгрывать девушкам в нужный момент, зная, что только так можно быстрее отделаться от ненужного внимания.

— А я остаюсь. — Она наклонилась ниже, и клубничный запах стал гуще. — Зачем мне аэропорт? Всё самое вкусное сейчас здесь.

Даниэль поперхнулся кофе. Элиза фыркнула. Леону очень захотелось закатить глаза, но он повернулся к Шанталь и, слегка отодвинувшись, улыбнулся ей своей фирменной улыбкой Ренаров.

— К сожалению, я должен тебя разочаровать. Всё самое вкусное за этим столом уже съели мои друзья, а я сегодня на строгой диете.

— Сегодня, — повторила Шанталь, и глаза у неё довольно сузились. Она услышала ровно то, что он хотел: что завтра всё может измениться. Этого должно было быть достаточно. —

Хорошо. Я понятливая девочка. Мой номер у тебя есть, ты его в июне записал. — Она вытянула из держателя салфетку, достала из кармана пальто ручку и, придерживая салфетку у него на плече, быстро написала цифры. — Но я напомню. На всякий случай. — Салфетку она сунула ему в карман куртки, похлопала по нему ладонью, послала всему столу воздушный поцелуй и ушла, покачивая бёдрами.

— Она написала номер на салфетке, — сказала Мира, глядя ей вслед. — Кто сейчас так делает?

— Тот, кто знает, что иначе номер снова не запишут. — Элиза повернулась к Леону. — Ты её не помнишь. — Это был не вопрос.

— Помню.

— Как её зовут?

— Шанталь.

— Потому что я сказала.

Леон не ответил. Он смотрел на площадь. Эва дошла до угла корпуса, и навстречу ей вышли две девушки с её потока. Одна из них что-то спросила, и Эва остановилась, ответила, даже улыбнулась, а когда вторая коснулась её локтя, не отдёрнулась. Потом из-за угла вывернул высокий парень в спортивной куртке, торопливо и не глядя по сторонам, и Эва сделала шаг в сторону ещё до того, как он к ней приблизился. Небольшой шаг, почти незаметный, к стене, и Леон, если бы не смотрел специально, ни за что бы его не заметил. Парень прошёл мимо, даже не взглянув на неё. Эва постояла ещё секунду, поправила очки, хотя они сидели ровно, и пошла дальше.

С девушками она стоит спокойно, подумал Леон. С парнями держит дистанцию. Шаг в сторону, не назад. Спиной к стене. Он поймал себя на том, что запоминает это так же старательно, как вчера запоминал цифры из приложения к бюджету. Ему нужно понимать, с чем он работает, объяснил он себе. Хороший тренер сначала смотрит, как стоит ученик, и только потом показывает удар.

— Ты куда смотришь? — спросила Элиза.

— Никуда. — Леон отвернулся от площади и допил кофе. — Думаю о репетиторше. У нас с ней в среду следующее занятие.

* * *

Вечером он купил тетрадь. В киоске у остановки, обычную, в клетку, с синей обложкой, за полтора сольдо. Полтора сольдо стоил кофе в автомате. Леон расплатился, сунул тетрадь в рюкзак и вдруг подумал, что до этого никогда не знал, сколько стоит тетрадь.

В номере он положил её на стол, сел напротив и долго смотрел на синюю обложку. Потом открыл первую страницу и написал наверху: «Урок 1». Подумал и дописал: «Подтекст». Подумал ещё и подчеркнул. Ниже было пусто. Он понятия не имел, как это делается.

Можно было, конечно, импровизировать. Он всю жизнь импровизировал. Прийти, улыбнуться, рассказать пару историй, посмотреть ей в глаза, посмотреть, что из этого выйдет. С любой другой девушкой это сработало бы. Но любая другая девушка не сидела бы напротив него с карандашом и скетчбуком, не задавала бы уточняющих вопросов и не сказала бы потом, что это «сносно». Эва ждала лекцию. Нормальную, с планом, с материалами, с упражнениями. Её «Подготовься», произнесённое ровным и не терпящим возражений голосом, звучало у него в голове с самого утра.

Леон открыл ноутбук и набрал в поиске: «как научить человека флиртовать». Первые десять ссылок вели на сайты с заголовками вроде «Семь приёмов, после которых он твой» и «Как свести с ума любую за пять минут». Он открыл одну, прочитал три абзаца и фыркнул. Во второй автор советовал «понизить её самооценку небрежным замечанием о внешности, чтобы она начала добиваться вашего одобрения». На третьей мужчина в розовой рубашке обещал за три занятия научить «закрывать любую цель», и тут Леон не выдержал. Он хохотал минуты две,

один в гостиничном номере, вытирал глаза и даже прочитал вслух, с выражением, абзац про «кинестетический якорь на локте». Эти люди, судя по всему, ни разу в жизни не разговаривали с женщиной дольше, чем едет лифт. Отсмеявшись, он захлопнул ноутбук.

Нет. Так дело не пойдёт.

Он полез в книжный магазин в телефоне и долго листал разделы, пока не наткнулся на небольшую книжку в бежевой обложке. Эрих Фромм, «Искусство любить». Название звучало как издёвка, но в аннотации было написано, что любовь — это искусство, которому можно научиться, как музыке или живописи, и что большинство людей даже не пытаются. Леон купил электронную версию, отметив про себя, что это вторая покупка за день и что он уже начинает считать. Начал читать в одиннадцать. В половине первого понял, что прочитал сорок страниц и ничего не пролистал. На сорок первой он остановился. Фромм писал об уважении и напоминал, что слово это происходит от латинского глагола «смотреть»: уважать — значит видеть человека таким, какой он есть. Леон прочитал это дважды и сделал скриншот.

Около часа телефон звякнул. «Привет, красавчик. Помнишь яхту Ромеро? Я в городе до пятницы». Номер был не подписан, имени он не помнил, яхту Ромеро помнил смутно.

«Шанталь?» — написал Леон, вспомнив салфетку.

Ответ пришёл через секунду. «Сирена. Но для тебя могу быть хоть Шанталь, хоть Клеопатрой. В любой позе ». Ещё неделю назад он ответил бы не думая, а в пятницу, возможно, был бы на этой яхте снова. Леон посмотрел на сообщение, перевернул телефон экраном вниз и вернулся к Фромму.

Фильм он выбирал весь вторник. Между парами, в перерыве, в автобусе по дороге в спортзал. Подтекст, думал он. Что на самом деле происходит между людьми, когда они говорят о другом. Он перебрал всё, что помнил. Старую классику, где герои говорили красиво, долго и всё время смотрели куда-то вдаль. Новые фильмы, где всё объясняли прямым текстом, чтобы зритель точно всё понял и ничего не пропустил. Пересмотрел пару сцен. Не то.

* * *

Додзё пряталось в полуподвале старого дома за рынком, и снаружи о нём напоминала только узкая вывеска с иероглифом, который никто в квартале не умел читать. Внутри было тихо и чисто. Пахло деревом и резиной матов, в углу кто-то негромко отрабатывал удары по макиваре. На краю татами Леон остановился и поклонился.

— Ос! — поприветствовал он Алекса, который уже разминался на татами в полной экипировке.

— Ос! — последовал ответ друга, и что-то в его интонации подсказало Леону, что лёгкой тренировки сегодня не будет.

— Три раунда? — спросил Леон.

— Пять.

Они надели шлемы с прозрачными забралами, и лицо Алекса за пластиком стало ещё непроницаемее, чем обычно. Сэнсэй, сухой невысокий человек, которого Леон ни разу не видел улыбающимся, посмотрел на них из своего угла, кивнул и включил таймер.

Первые два раунда Леон получал удовольствие. Он любил спарринговать с Алексом: тот бил честно, без фокусов, и всегда было понятно, откуда прилетит. Леон крутился, уходил, ставил блоки, и читал Алекса так же легко, как любую девушку на вечеринке: по плечу, которое чуть опускается перед ударом, по тому, как вес уходит на опорную ногу перед лоу-киком. Но друг в своей прямолинейности был намного честнее, чем красотки из клубов. На татами тело не умело врать, и Леон за это его любил.

На третьем раунде Алекс перестал быть предсказуемым. Он пошёл вперёд плотно и молча, без пауз, и Леону пришлось сосредоточиться, чтобы не получить лишнего. Удар. Нырок. Второй прилетел коленом прямо в корпус так, что из Леона вышибло воздух. Он отступил к краю татами, ответил двойкой, и Алекс поймал его в клинч, подсел и бросил. Леон грохнулся

на мат, Алекс навалился сверху, прижал, и сквозь два пластиковых забрала, почти вплотную, сказал:

— Где?

Одно слово. Леон дёрнулся, вывернулся и вскочил, пропустив по дороге удар в плечо.

— Что «где»?

Алекс не ответил и снова пошёл вперёд. Леон понял, что его вранью сегодня придётся пройти первый тест на стойкость. Он мог врать Элизе, заливать мёд в уши матери, ловко увиливать от вопросов Даниэля, но Алекс… Следующий удар прилетел в ухо. И думать Леону расхотелось.

Четвёртый раунд он выиграл. Леон разозлился, а злой он дрался лучше: быстрее, жёстче, без кокетства. Дважды достал Алекса в голову, один раз так, что тот мотнул головой и коротко выругался, за что тут же получил от сэнсэя взгляд, тяжелее любого удара. Пятый они провели почти вничью, тяжело, на одном упрямстве. Когда прозвенел таймер, оба встали друг напротив друга, поклонились и стянули шлемы.

Они долго сидели у стены. Красные, потные, уставшие. Леон приложил бутылку с холодной водой к уху, которое всё ещё горело от удара. Алекс разматывал бинты с костяшек.

— Не хочешь — не говори, — сказал он.

— Не хочу.

— Ладно.

Они помолчали. Напротив, на татами, мальчишка лет пятнадцати раз за разом бил ногой по лапе, и сэнсэй молча, без единого слова, поправлял ему то локоть, то опорную стопу. Леон открыл свою воду и начал жадно пить.

— Элиза купила книгу, — сказал Алекс. — «Пять языков любви». Читает мне вслух. По главе перед сном.

— И как? — Леон поперхнулся водой.

— Сейчас на третьем языке. — Алекс аккуратно сложил бинт. — Там про подарки. Выяснилось, что я подарил ей три зонта. За этот год.

— Три?

— Она их теряет. А на третьем языке, оказывается, не говорю я.

Леон рассмеялся в голос. Сэнсэй обернулся, и смех тут же умолк. Алекс не смеялся, только уголок рта у него дёрнулся, и Леон, глядя на этот уголок, подумал, что давно они вот так не сидели, вдвоём, без Элизы и без повода.

— Отец вчера про тебя спрашивал, — неожиданно поменял тему Алекс.

— Твой?

— Мой. Про дорогу. Говорит, достраивать её будут уже не они. — Он помолчал. — Мы.

— Мы с тобой? — Леон фыркнул. — Он мою зачётку видел?

— Видел. — Алекс встал и закинул сумку на плечо. — Но, по всей видимости, твой отец не теряет надежды.

Он поклонился на краю татами и ушёл в раздевалку не оборачиваясь, а Леон ещё долго сидел на скамье и машинально тёр большим пальцем голое правое запястье. Мальчишка напротив наконец ударил как надо, и сэнсэй впервые за вечер коротко кивнул.

Ночью он снова взялся за поиски. В третьем часу он вспомнил фильм, который на первом курсе заставила их всех посмотреть Мира. Она тогда только прибилась к их компании и в первый же месяц устроила показ своего любимого фильма, а Леон весь вечер ворчал, что там два часа подряд просто разговаривают. Двое случайно знакомятся в поезде и до утра бродят по Вене. «Перед рассветом». Леон нашёл его, перемотал до середины и остановился на сцене в музыкальном магазине. Тесная будка для прослушивания пластинок, двое стоят почти вплотную, играет песня, и они не говорят ни слова. Он смотрит на неё, когда она отводит глаза. Она смотрит на него, когда отворачивается он. И ни разу их взгляды не встречаются.

Леон посмотрел эту сцену четыре раза подряд. Потом открыл тетрадь и под словами «Урок 1. Подтекст» написал: «Будка. Кто на кого смотрит и когда». И ниже: «Звонок в кафе. Как сказать правду, делая вид, что это не правда». Подумал и обвёл оба пункта кружком. Потом посмотрел на эти кружки, понял, у кого он это подцепил, и хмыкнул в темноте.

* * *

В среду в без пяти шесть Леон стоял у подъезда пятиэтажки из светлого кирпича и смотрел на табличку про велосипеды. В рюкзаке лежали ноутбук, синяя тетрадь, исписанная до половины, и книжка Фромма, которую он всё-таки купил в бумажной версии, потому что в электронной неудобно было делать пометки на полях. Он ни разу в жизни не делал пометок на полях.

Шёл мелкий дождь. Леон стоял под козырьком и не нажимал на кнопку домофона, хотя до шести оставалось три минуты, потом две, потом одна. Он столько раз стоял у чужих дверей. У дверей номеров, квартир, загородных домов. Он знал, что сказать в домофон, как улыбнуться на пороге и что делать дальше. Ни разу ещё он не стоял у чужой двери с тетрадью, в которой по пунктам расписано, чему он будет учить человека за дверью. Было не по себе. Ровно в шесть он нажал на кнопку.

— Да? — сказал голос Эвы, искажённый динамиком.

— Это я. — Помолчав, Леон добавил: — Учитель.

В динамике повисло долгое молчание, и он успел пожалеть об этом слове. Потом замок щёлкнул, и дверь подъезда открылась.

Глава 8. Госпожа Изюм

Чем выше он поднимался, тем сильнее пахло корицей. На третьем этаже запах стал таким густым и сладким, что гадать, откуда он, не приходилось. Дверь была приоткрыта, и Эва стояла в проёме, держась одной рукой за ручку. На ней была бледно-жёлтая кофта на молнии, застёгнутая до самого подбородка, с рукавами такой длины, что наружу выглядывали только кончики пальцев, длинная мягкая юбка в мелкий розовый цветочек, почти до щиколоток, и белые пушистые носки. Эва в юбке. Леон решил про себя, что к этому тоже надо будет привыкнуть.

— Ты вовремя, — сказала она.

— Я теперь всегда вовремя. — Леон подумал. — С этой недели.

Кончики её ушей порозовели. Она отступила, пропуская его, и Леон, разуваясь, снова поймал себя на том, что знает, где в этой прихожей стоит обувь, куда вешать куртку и что пол тёплый. Знать такие вещи о чужой квартире было непривычно. Обычно он знал о квартирах девушек только то, где находится спальня.

На круглом столе на кухне стояли две чашки, заварочный чайник и большое блюдо, накрытое полотенцем. Из-под полотенца выглядывали румяные завитки булочек с корицей, блестящие от глазури. Рядом лежала толстая тетрадь в твёрдой обложке, из которой торчали закладки четырёх цветов. Леон сел, достал из рюкзака свою синюю тетрадь за полтора сольдо и положил рядом. Две тетради легли рядом, и одна из них была явно солиднее другой.

— Это мне? — Он кивнул на блюдо.

— Это… нет. — Эва зачем-то поправила полотенце. — Это соседке. Снизу. К ней должен был приехать внук.

— И?

— Не приехал.

— Почему?

— У него контрольная. — Эва помолчала. — По математике.

— Жаль внука, — серьёзно сказал Леон.

— Можешь взять. — Она сдёрнула полотенце. — Соседка всё равно столько не съест.

Булочки были ещё тёплыми. Леон взял одну, откусил, и глазурь потекла по пальцам. Он облизал палец, поймал её взгляд и подумал, что за последние три дня съел выпечки больше, чем за всю осень.

— Сначала учёба, — сказала Эва и открыла свою тетрадь.

На развороте была расчерчена таблица. Четыре экзамена ноябрьской сессии, даты, темы, количество билетов, и рядом с каждым предметом стояли пометки разными цветами. Леон наклонился поближе. Зелёным было отмечено то, что он, по мнению Эвы, знает. Зелёного было мало.

— Ты это нарисовала? — спросил он.

— Расчертила. — Эва постучала колпачком ручки по первой строке. — Институциональная экономика — самое опасное. Административное право — самое объёмное. Статистику ты сдашь, если не будешь лениться, там всё на формулах. С политологией разберёмся за несколько дней до экзамена.

— Право я сдам. Меня Ламбер любит.

— Ламбер тебя любила на первом курсе. На втором ты сдавал ей три раза.

— Откуда ты знаешь? — Леон перестал жевать.

— Списки висят на доске у деканата. — Эва перевернула страницу. — Все читают списки.

Все читают списки, подумал Леон. Только никто не запоминает, кто там сколько раз сдавал. Но спросить он не успел, потому что Эва уже положила перед ним раскрытый учебник по институциональной экономике и ткнула ручкой в первый абзац.

Следующие два часа Эва опять претерпела волшебную метаморфозу в глазах Леона. От тихой, постоянно прячущей глаза девушки не осталось и следа, как только речь пошла о трансакционных издержках. Она говорила длинными выстроенными фразами, без пауз и запинок, задавала вопросы так быстро, что он не успевал придумать, как выкрутиться, и ловила каждую его попытку отделаться общими словами. На третьей такой попытке она отобрала у него учебник.

— Ещё раз. Своими словами. Без «как бы».

— Ну, как бы…

— Леон.

— Издержки, — сказал он, — это всё, что ты платишь сверх цены, чтобы вообще договориться. Время, нервы, юристы. Плюс проверка, что тебя не обманут.

— Пример.

— Залог, — сказал Леон, глядя на банку с надписью «Изюм» на полке за её плечом.

Эва подняла голову от тетради. Секунду она смотрела на него без всякого выражения, потом взяла зеленый маркер и закрасила один из квадратиков в своей таблице, и они продолжили.

Около половины девятого телефон Эвы коротко звякнул. Она открыла сообщение, и Леон, не желая того, увидел фотографию: Гай в своём шутовском колпаке спал поперёк гостиничной кровати, раскинув руки, а сверху стояло имя отправителя — Найдж. Эва быстро что-то напечатала и улыбнулась так широко, что у глаз собрались морщинки. Леон отметил, что такой улыбки он ещё не видел. Ещё один кусочек в пазл под названием «Эва Бюри». Через секунду телефон лёг экраном вниз, и Эва снова стала учительницей.

Ещё через полчаса она закрыла учебник и убрала его вместе с тетрадью на стеллаж с книгами, который отделял кухню от кабинета. И оттуда же достала блокнот. Розовый, в пушистой обложке, мягкой, как плюшевая игрушка, и с сердечком из блёсток посередине. Эва положила его перед собой и раскрыла на первой странице, не поднимая глаз.

— Это что? — спросил Леон.

— Блокнот.

— Я вижу. Он пушистый.

— Других не было. — Уши у неё порозовели, впервые за пару часов.

Леон промолчал. Маловероятно, что в Кастельмаре не нашлось больше ни одного блокнота. Эва тем временем написала дату, ниже — «Урок 1», и Леон, глядя, как её ручка выводит единицу, вдруг понял, что за всю жизнь никто не записывал за ним ни одного слова.

— Твоя очередь, — сказала Эва, не поднимая головы.

Он открыл свою тетрадь. «Урок 1. Подтекст», подчёркнуто, и ниже два пункта, обведённые кружком. Ещё вчера ночью они казались ему отличным планом.

— Тема — подтекст, — сказал он.

— Подтекст — это скрытый смысл высказывания, который не совпадает с прямым значением слов и восстанавливается слушающим из контекста, интонации и ситуации общения, — протараторила Эва, чуть сбиваясь, будто зачитывала с листа.

Леон моргнул. Даже не зная темы, она подготовилась к его уроку лучше, чем он сам. Он посмотрел на её руки и промолчал. Пальцы, которыми она держала ручку, были совсем белые на костяшках.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь забудь. У меня есть сцена из фильма.

— Какого?

— «Перед рассветом».

Эва молча встала и поднялась по трём ступенькам в кабинет. Через минуту она вернулась с коробкой от диска в руках.

— Этот?

На корешке её почерком было подписано название и год. Леон посмотрел на коробку, потом на свой ноутбук, в котором с ночи стоял на паузе нужный кадр.

— У тебя есть, — сказал он.

— Мира, — сказала Эва, и это объясняло всё. — Сказала, что это лучший фильм о любви и что, пока я его не посмотрю, она от меня не отстанет. Правда, потом началась сессия, она забыла, а я так и не успела. Пойдём. Там телевизор.

Леон хмыкнул. На первом курсе Мира говорила им то же самое слово в слово, только им повезло меньше: про них Мира не забыла.

* * *

В кабинете царил творческий, или скорее ученический, хаос: большой стол, заваленный книгами и распечатками, записки на стенах, на лампе и на столешнице, горы ручек, маркеров и карандашей. Над столом висела доска, заполненная рисунками углём и цветными таблицами. Книги на стеллажах стояли как попало, а диски — ровными рядами, и на каждом корешке было что-то дописано её рукой. Перед телевизором стоял диванчик, такой маленький, что вдвоём на нём можно было сидеть, только если очень постараться друг друга не задеть. Эва села на самый край, поджала ноги и положила тетрадь на колени. Леон сел на другой край. Между ними осталось сантиметров тридцать.

Он перемотал фильм на нужную сцену и включил. Венский магазин пластинок, тесная будка для прослушивания, стеклянная дверь. Двое стоят почти вплотную, начинается песня, и никто ничего не говорит. Он смотрит на неё, когда она отворачивается. Она смотрит на него, когда отворачивается он. Иногда кто-то из них прячет улыбку, иногда переминается с ноги на ногу, и за всю песню их взгляды не встречаются ни разу.

Леон видел эту сцену уже раз десять и поэтому почти сразу перестал смотреть на экран. Он смотрел на Эву. Сначала она записывала что-то, даже не глядя в тетрадь. Потом ручка остановилась. Ещё через пару секунд Эва опустила её на страницу и больше не поднимала. Когда песня кончилась и двое вышли из будки, она ещё некоторое время сидела, не двигаясь.

— Включи ещё раз, — сказала она.

Он включил. Во второй раз она на экран почти не смотрела. Она смотрела на свои руки, лежавшие поверх раскрытой тетради, и только иногда поднимала глаза, когда героиня в очередной раз отворачивалась к стене. Леон знал, кого Эва видит в этой сцене, но вслух этого говорить не стал.

— Это так видно? — спросила она, когда песня кончилась во второй раз.

— Для того, кто смотрит, — да, — сказал Леон. — Они оба думают, что прячутся. А прячутся так, что видно с последнего ряда.

Эва кивнула. Взяла ручку, подержала её над страницей и положила обратно.

— Я отвожу глаза не только от тех, кто мне нравится, — сказала она, глядя на тёмный экран. — Я отвожу их почти от всех. Как сделать так, чтобы все остальные ничего не подумали… — Она запнулась. — А тот, кому надо, понял правильно?

Леон отлично понимал, о ком она говорит. Человек, который должен был понять правильно, меньше двух недель назад пел для неё со сцены перед сорока тысячами зрителей. Его понять было несложно. А вот он её, похоже, так и не понял.

— Глаза — это не всё, — сказал он и перемотал сцену назад. — Смотри. Только не на лица.

Он остановил кадр. Двое в будке смотрели в разные стороны: он в пол, она в стену, а плечи почти соприкасались.

— Там можно стоять в полуметре, — сказал Леон. — А их тянет друг к другу, как магнитом. Глаза умеют прятаться, Эва. Тело не умеет. Если есть притяжение, ты можешь не смотреть на человека весь вечер, но всё равно окажешься рядом. Сядешь ближе, чем надо. Заденешь рукой, когда будешь передавать соль. Повернёшься к нему, даже если разговариваешь с дру-

гим. А если притяжения нет и человека хочется избежать, магнит работает другой стороной. Отодвигаешься, отходишь, находишь причину встать и уйти. — Он помолчал. — Тот, кому надо, смотрит не на глаза.

Он сказал это и сам удивился, как легко у него это получилось. Всё это он знал с тех пор, как в четырнадцать лет впервые понял, что девочка из параллельного класса нарочно садится в столовой за соседний стол. Он пользовался этим знанием всю жизнь, не задумываясь. Но ни разу ему не приходилось читать лекцию на эту тему.

Она смотрела на замерший кадр, на два плеча на экране, и молчала. Леон не торопил.

— Значит, — сказала она наконец, — если человек смотрит, а потом отходит на шаг…

— Значит, либо он не хочет, либо хочет, но боится, либо у него есть причины сторониться, даже если он хочет быть ближе. Только со стороны этого не разберёшь. Со стороны это почти всегда выглядит как «нет».

Эва кивнула и закрыла тетрадь. Страница с «Уроком 1» так и осталась исписанной до половины.

* * *

— Теперь практика, — сказал Леон.

— Какая практика? — Она подняла голову так быстро, что очки чуть сползли с переносицы.

— Будка. — Он кивнул на диванчик. — Садимся рядом. Плечом к плечу. Смотреть можно, только когда другой не смотрит. Встречаться глазами нельзя.

— А если встретимся?

— Значит, кто-то жульничает.

Эва посмотрела на тридцать сантиметров дивана между ними и какое-то время не двигалась. Потом отложила тетрадь, спустила ноги на пол и подвинулась к середине. Леон подвинулся навстречу. Её плечо коснулось его плеча и замерло, твёрдое, как спинка стула. Он чувствовал сквозь два слоя ткани, что Эва держит плечо так, чтобы не опираться на него ни на миллиметр.

Песню он выбрал ещё в понедельник. Он достал телефон, нашёл её и нажал на кнопку, не глядя на Эву. Она узнала песню с первого аккорда. Леон понял это, потому что плечо рядом с ним дёрнулось, а потом Эва повернула голову и посмотрела прямо на него. Он смотрел перед собой, в тёмный экран телевизора, где отражались двое на диване, и в этом чёрном зеркале было отлично видно, как она на него смотрит. Он не повернулся. Через несколько секунд она отвела глаза.

Голос Кира в записи был мягче и ближе. Каждое слово было слышно так, будто его говорили в самое ухо, и Леон вдруг подумал, что в тот вечер на стадионе Эве посвятил эту песню человек, который ей явно был небезразличен, а сейчас она слушает её на собственном диване, прижавшись плечом к другому мужчине. В понедельник этот выбор казался ему ходом мастера. Теперь он сомневался в своей находчивости.

На первом припеве он повернулся. Эва смотрела в сторону стеллажа, и он видел её профиль, дужку очков, покрасневшее ухо и плотно сжатые губы. Он смотрел долго, дольше, чем сам собирался. Она слушала Кира, не шевелясь, с тем же напряжением, с каким тогда на стадионе держалась за поручень. Леону захотелось выключить телефон.

«Подари мне всего одну ночь», — пел Кир, и где-то в середине второго куплета Леон почувствовал, что плечо рядом с ним изменилось. Оно перестало быть деревянным. Эва не прижалась к нему и не подвинулась, просто перестала держаться. Её вес лёг на него едва заметно, сквозь ткань, и плечо впитало в себя чужое тепло.

Тогда он почувствовал на себе её взгляд. В экран он не смотрел, но щекой, виском, краем уха чувствовал, что она смотрит на него. Он сидел и не двигался, а она смотрела. Десять секунд,

двадцать, всё время второго куплета, и Леон, который сам придумал эту игру, сидел под этим взглядом и не знал, куда деть руки, которые неожиданно стали ему мешать.

На последнем припеве он не выдержал и повернулся. Она смотрела прямо на него. Он ждал, что она тут же отведёт глаза, как отводила всегда, на паре, в коридоре, на веранде кафе. Она не отвела. За толстыми стёклами в полумраке комнаты её глаза казались почти синими и очень спокойными, и в них не было никакого смущения, только сосредоточенность человека, который делает домашнее задание. Леон отвёл глаза.

Песня кончилась. В наступившей паузе стало слышно, как на кухне гудит холодильник.

— Ты нарушил правило, — сказала Эва.

— Ты тоже.

— Я смотрела, когда ты не смотрел. — Она отодвинулась на свой край, и Леон почувствовал, как его плечу сразу стало холодно. — Ты повернулся.

Леон потёр шею. Глупо было возражать.

— Ладно, — сказал он. — Что ты чувствовала?

— Периферическое зрение хуже различает детали, но лучше замечает движение, — спокойно сказала Эва. — Поэтому, когда на человека смотрят сбоку, он…

— Эва.

— …он, как правило, чувствует…

— По-человечески.

Она замолчала. Подтянула рукава кофты до самых кончиков пальцев и посмотрела на свои колени.

— Я не знала, что могу так долго смотреть на человека, — сказала она тихо. — Было легче оттого, что ты не видел.

— Я чувствовал.

Щёки у неё стали пунцовыми. Леон подумал, что, наверное, ему тоже стоит сказать, что он чувствовал сам, раз уж он учитель. Наверное, так будет честно. Но, перебрав в голове всё, что можно было сказать, он не нашёл ни одной фразы, которую хотел бы услышать вслух. Про песню они не сказали ни слова, ни он, ни она.

* * *

Второй пункт плана — звонок в кафе — так и остался обведённым кружком. Леон посмотрел на часы и обнаружил, что до последнего автобуса двадцать минут.

— Звонок перенесём на субботу, — сказал он, вставая. — А до субботы — домашнее задание. — Он подождал, пока она откроет тетрадь на чистой странице. — В университете. Каждый день. Смотреть так, чтобы другой почувствовал. Глазами не встречаться. И чтобы никто не заметил.

— Это называется «приглядки», — сказала Эва, дважды подчеркнув написанное. — Что-то вроде детской игры.

— Вот и поиграем.

— Соседка не съест, — сказала Эва в прихожей, пока он зашнуровывал кеды, и протянула ему свёрток в фольге, ещё тёплый. Смотрела она при этом на вешалку.

— А внук?

— У внука контрольная.

Леон взял свёрток. Он хотел пошутить, что ради таких булочек готов приезжать и по понедельникам. Но Эва уже держалась за ручку двери, и он сказал только «до субботы», а она кивнула и закрыла.

Автобус был полупустой. Леон сел у окна, развернул фольгу и съел одну булочку, потом вторую. На сиденье через проход две женщины, одна в форме медсестры, другая с пакетом из супермаркета, ругали новую схему маршрутов.

— Четырнадцатый теперь в объезд, через новую набережную, — говорила медсестра. — Мэр её открыл и теперь всех по ней возит. Двадцать минут лишних, чтобы туристы любовались. А где эти туристы в такой сезон? Зато я вот после смены любуюсь.

— Он сам-то хоть раз ездил? — сказала вторая.

— Мэр? На автобусе? — Медсестра фыркнула. — Он, поди, не знает, как он выглядит.

— Вот вы, молодой человек, — вторая повернулась к Леону. — Вы на чём ездите?

— На четырнадцатом, — сказал Леон с булочкой в руке.

— Вот! И как вам набережная?

Леон подумал. Можно было пошутить или сказать «в некотором смысле», а после уткнуться в окно.

— Неудобно, — сказал он. — Двадцать минут лишних.

— Вот! — Женщина победно посмотрела на медсестру. — Даже молодые говорят.

Они снова заговорили между собой, а Леон достал телефон и записал в заметки: «14-й. В объезд по набережной. Медсестра после смены — 20 минут. Для туристов». Подумал и дописал: «Отец не знает, как выглядит автобус». Потом стёр вторую строчку. Потом написал её снова.

* * *

Приглядки оказались самой трудной игрой, в которую Леон когда-либо играл. В четверг первой парой была потоковая лекция по административному праву в большом университетском амфитеатре. Эва, как всегда, сидела на первом ряду, а Леон, как всегда, на задних рядах. Он специально сел прямо за ней, чтобы сверху казалось, что он смотрит на доску.

И Леон смотрел. Смотрел на прядку чёрных волос, выбившуюся из косы, на кусочек кожи над воротником серого свитера, на линию позвоночника, которая вырисовывалась под тонкой шерстью, когда Эва наклонялась к тетради. Ламбер монотонно читала про полномочия органов местного самоуправления. В аудитории шуршали ручки, слышался стук клавиш, чьи-то перешёптывания. Эва записывала. Через двадцать минут Леон начал подозревать, что чувствовать затылком умеют не все. Но тут до него дошло, что, возможно, он смотрит не так.

Леон дотронулся взглядом до пальцев, сжимающих ручку, представил на ощупь её сухую, чуть прохладную кожу, потом прошёлся по руке и подумал, что свитер, должно быть, мягкий и нежный. Потом он пробежал пальцами по позвоночнику, нежно, еле касаясь. Дойдя до шеи, остановился, медленно заправил чёрную прядку за ухо, которое тут же покраснело. Осторожно оттянул ворот и увидел бледную, почти молочную кожу на шее. И только он подумал…

Эва подняла руку, потёрла шею под косой, поправила волосы и снова взялась за ручку. Леон чуть не засмеялся вслух. Мира, сидевшая рядом, покосилась на него.

— Ты чего?

— Ничего. Смешная статья.

— Это про порядок обжалования муниципальных актов.

— Очень смешная.

Больше Эва ни разу не пошевелилась, но ему хватило. Её уши полыхали до самого конца пары.

Весь четверг он ловил её в коридорах, на лестнице, у расписания, смотрел ей в спину, в профиль, на руки, и каждый раз ждал, что она обернётся, хотя по правилам оборачиваться было нельзя. Она не оборачивалась. Сама она не смотрела на него ни разу, или смотрела так, что он этого не замечал, и к вечеру это начало его раздражать. Правило было его, игра была его, а проигрывал, кажется, он.

В обед Леон с компанией сидел в кафе на веранде. Элиза листала в телефоне светскую хронику и зачитывала вслух всё, что казалось ей смешным.

— «Сын текстильного короля Делоне женился на своём инструкторе по йоге», — прочитала она.

— Опять? — Мира подняла голову. — В прошлый раз, кажется, была тренерша по бальным танцам.

— А первая — по плаванию, — сказал Даниэль.

— Я бы на месте нынешней жены пресекла его тягу к спорту на корню, — сказала Элиза. — Запретила бы даже зарядку. — За столом засмеялись.

— «Франсуа Гюго снова отказался от интервью». — Элиза пролистала дальше. — Шестой раз за год.

— Это называется стабильность, — сказал Даниэль.

— Это отец Найджела? — оживилась Мира.

— Отец Найджела — Маркус, — сказал Даниэль. — Младший. Он и ведёт дела. Франсуа — старший, он ни с кем не разговаривает, кроме Маркуса.

— А, это у которого дочь, которой нет!

— Говорят, её придумали, чтобы было кому оставить наследство, — сказала Элиза.

— Ну, для наследства есть Найджел. Наверное, она просто страшная, — сказала Мира. — Поэтому и прячут.

— Или слабоумная, — сказал Даниэль. — Тогда тем более прячут.

— «Мэр Ренар открыл новую набережную», — прочитала Элиза и посмотрела на Леона.

— Без комментариев, — сказал Леон.

Элиза хмыкнула и пролистала дальше, к чьей-то свадьбе. Леон весь обед смотрел на дверь главного корпуса и ждал, когда оттуда выйдет человек в сером свитере.

* * *

В пятницу с утра задул холодный ветер с океана, веранду закрыли, и половина университета набилась в длинный зал с низким потолком, где пахло супом, картошкой фри и пончиками. Элиза с Алексом заняли столик у окна, а Леон, Мира и Даниэль стояли в хвосте очереди, переговариваясь о планах на будущую неделю.

Леон почувствовал её ещё до того, как рукав свитера коснулся рукава его рубашки. Она встала в очередь сразу за ним. Он посмотрел вниз и увидел серую шерсть и кончики пальцев, испачканные углём. За ней тут же встало ещё несколько человек.

Очередь сдвинулась. Он шагнул вперёд, и она шагнула вместе с ним, и плечо её оказалось рядом с его плечом. По руке начало разливаться тепло. В толпе, где все стояли друг к другу слишком близко, со стороны не происходило ничего особенного. Мира рассказывала Даниэлю про какой-то сериал, который она хочет посмотреть на выходных. Даниэль кивал. Эва стояла, глядя на витрину с салатами, Леон стоял, глядя на меню на стене, и между ними не пролез бы и лист бумаги.

— Кстати, — сказала Мира, оборачиваясь к нему. — Как там твоя Госпожа Изюм?

— Нормально, — сказал Леон.

— Нормально? — Мира округлила глаза. — Ты в понедельник говорил, что она тебя всё воскресенье мучила. Кстати, как прошло ваше занятие в среду?

— Она… — Леон посмотрел на меню. Меню не помогало. — Она строгая.

— Злая, — подсказала Мира. — Страшная. Старая. Что ты там ещё говорил?

— Сухая и сморщенная, — добавил Даниэль, не поднимая глаз от кубика. — Что логично. Изюм по определению сморщенный. Это виноград, лишённый влаги.

— Она мне таблицу нарисовала, — зачем-то сказал Леон. — Цветную. Там отмечено, что я знаю.

— И что ты знаешь?

— Почти ничего.

Мира засмеялась. Очередь дёрнулась вперёд, кто-то сзади подтолкнул, и Эва, качнувшись, со всего размаху наступила Леону на ногу. Всей подошвой кеда, прямо на пальцы, так

что он стиснул зубы. Через секунду её нога уже стояла на своём месте, и со стороны это выглядело как обычная толчея в очереди.

— Извини, — тихо сказала Эва за его плечом. — Тесно. — Она взяла с витрины салат, обошла Даниэля и ушла к кассе, ни разу не подняв на Леона глаз.

— Она тебе на ногу наступила? — спросила Мира.

— Тесно, — сказал Леон и взял какой-то салат, стоявший прямо перед ним.

Мира посмотрела вслед Эве, потом на Леона, пожала плечами и снова повернулась к Даниэлю. Леон взял поднос. Пальцы на ноге ныли.

* * *

Вечером в пятницу он сидел в номере над учебником по институциональной экономике и в третий раз читал один и тот же абзац про контракты. Получалось плохо. Он думал о сером свитере, чёрной прядке над ухом и ноющих пальцах на правой ноге.

Телефон звякнул около десяти. Леон перевернул его и увидел смайлик-мышку.

«Сухая и сморщенная?»

Он смотрел на эти три слова и пытался понять, что за ними. Обиделась? Шутит? Злится? Проверяет, что он ответит? Если бы это написала любая другая девушка, он бы знал. Он всегда знал. Он прочитал бы интонацию по одному вопросительному знаку и через минуту ответил бы так, что она бы засмеялась. Но это была Эва. Он перевернул телефон экраном вниз, не зная, что написать в ответ.

Телефон звякнул ещё раз. Мышка не стала ждать ответа.

«Суббота. Шесть».

Больше она ничего не написала. Леон отложил учебник, лёг на кровать и долго смотрел в потолок гостиничного номера. В сообщении был подтекст. Он был в этом совершенно уверен. Он только не мог понять, какой.

Глава 9. Алло, мам...

Дверь подъезда распахнулась так резко, что Леон едва успел отскочить. Он опаздывал на четыре минуты, и перед подъездом как раз полез за телефоном, чтобы написать «уже у двери», так что телефон чуть не выскользнул у него из рук. Невысокая коротко стриженная женщина в тёмной куртке отступила чуть в сторону и придержала дверь, пропуская его внутрь. В руках у неё был бумажный пакет с ручками, из которого пахло выпечкой и ванилью.

— Простите, — сказал Леон.

— Ничего.

Голос у неё был низкий и спокойный. Она окинула его взглядом, быстро, сверху вниз и обратно, так, что Леону показалось, будто его просканировали на входе в аэропорту, и открыла дверь ещё шире, кивнув вглубь подъезда. Он прошёл мимо и кивнул в знак благодарности, она кивнула в ответ, и дверь за ним закрылась.

На первом этаже он остановился. Лицо было знакомое, но мозг, зацепившийся за узнавание, никак не мог найти ответ, где же он видел эту женщину. Леон перебрал преподавателей, официанток из кафе и баров, где часто бывал, матерей знакомых, которых мог случайно видеть. Но вспомнить так и не удалось.

Поднимаясь, он уловил запах выпечки и ванили и хмыкнул. Так же пахло из пакета незнакомки. Может быть, это та самая соседка? Видимо, внук так и не приехал, и она решила сама навестить его с гостинцами. Он преодолел уже два этажа, когда запах ванили стал таким сильным, что возможная соседка перестала его волновать, наверняка Эва оставила и ему пару булочек.

* * *

— Ты опоздал, — сказала Эва. Она открыла сразу, едва он коснулся звонка.

— Четырнадцатый теперь ходит в объезд. — Леон виновато улыбнулся и отметил, что сегодня Эва была в розовом свитере и домашних штанах, которые надела в ночь концерта под синее платье. Он удивился, что запомнил такую деталь.

— Я знаю. — Она отступила, пропуская его. — Об этом писали.

Про вторую причину он не сказал. На полпути позвонила Инес, чтобы спросить, как он собирается добираться в поместье на традиционный субботний ужин. Леон впервые сказал матери, что не приедет.

— У меня занятие, мам.

— В субботу? Вечером?

— Я нашёл репетитора. Забыл написать тебе. Она может только по средам и субботам.

— Она, — повторила Инес.

Леон закатил глаза, поняв, что мать услышала совсем не то, что он говорил. — Она, то есть репетитор, — на последнем слове он сделал ударение, — помогла мне сдать проект Кайеру. Ты же знаешь, что Кайер его принял. Верт наверняка уже рассказала. — Он помолчал и добавил тем голосом, которым в детстве выпрашивал второе мороженое: — И, между прочим, её работа стоит денег. Немалых.

На том конце повисла пауза. Потом прозвучало короткое «Merda!», снова пауза, и мать пообещала поговорить с отцом. Леон знал, что отец будет доволен: сын пропускает ужин ради учёбы, значит, взялся за ум, именно этого Элерон и добивался. И знал, что мать решит, будто он не приезжает им назло, за урезанное содержание. Пусть думает. Так было даже проще.

На круглом столе стояло блюдо, накрытое полотенцем, и Леон, разуваясь, уже знал, что под полотенцем что-то тёплое и сладкое. Он сел на своё место, на которое за неделю привык садиться, и Эва сдёрнула полотенце.

Булочки были пышные и золотистые. И в каждой, насколько хватало глаз, было столько изюма, сколько, кажется, вообще может поместиться в тесто. Изюм торчал из боков, из макушек, изюм просвечивал сквозь корочку.

Леон посмотрел на булочки. Потом на Эву. Эва смотрела на него спокойно, без всякого выражения, и наливала чай.

— С изюмом, — сказал Леон.

— Сухим и сморщенным, — сказала Эва. — Госпожа Изюм старалась.

Он взял булочку, повертел её в руках и понял, что от него ждут объяснений. Отмолчаться не выйдет.

— Это была легенда, — сказал он. — Для друзей. Им нужно было что-то сказать, и я сказал, что отец нанял мне репетитора.

— Страшную. Злую. Старую. — Эва поставила перед ним чашку. — Я столкнулась с Мирой в библиотеке, и она пересказала мне всё. Дважды. Очень тебя жалела.

— Мне нужно было, чтобы никто не догадался. А кто догадается, что страшная злая старуха — это…

Он запнулся. Договорить фразу так, чтобы она прозвучала не обидно, не получалось.

— Это я, — закончила Эва.

— Да.

— А «изюм» почему?

Леон молча кивнул на полку у неё за спиной. На банку «Изюм», в которой лежали их договор и его браслет. Эва обернулась, посмотрела на неё и снова повернулась к нему. Секунду она молчала. Потом уголок рта у неё дрогнул, совсем чуть-чуть, и тут же вернулся на место.

— Ешь, — сказала она, и это прозвучало так, будто перед Леоном стояло блюдо с тараканами.

Эва села напротив и взяла чашку, обхватив её обеими руками. К булочкам она явно притрагиваться не собиралась. Леон прекрасно помнил, что она не любит изюм. А это значит, что она полдня возилась с тестом, которое сама не станет есть, и всё ради того, чтобы он подавился каждым словом про сухую и сморщенную старуху.

Он откусил. Булочка была мягкая, ещё тёплая, и изюм в ней был сладкий и тяжёлый, пропитанный сиропом. Леон зажмурился. В детстве по воскресеньям Инес возила его в пекарню у старого порта, где пекли очень похожие булочки, и он мог съесть три за раз, пока мать пила кофе и обзванивала управляющих отелями «Сагас», чтобы узнать воскресные новости. Пекарню закрыли лет пять назад. С тех пор он нигде не мог найти такие булочки. Леон съел одну и потянулся за второй.

— Ты не ешь изюм, — сказал он с набитым ртом.

— Не ем.

— А я его люблю. Очень. — Леон чуть не засмеялся, увидев растерянное лицо напротив.

Эва перестала дуть на чай. Она посмотрела на булочку у него в руке, потом на блюдо, где их оставалось ещё штук восемь, потом снова на него.

— Это было наказание, — сказала она.

— Я понял. — Леон откусил ещё и хитро улыбнулся. — Очень строгое. Можно мне остатки наказания забрать с собой?

Эва ничего не ответила. Она изо всех сил пыталась сохранить серьёзное лицо.

* * *

Статистику Леон всегда считал единственным честным предметом в университете: формулы не спорят и не пытаются казаться чем-то другим, их нужно просто знать. Через полчаса он понял, что знать их недостаточно. Нужно ещё уметь считать, когда на тебя смотрят.

Эва объясняла дисперсию длинными выстроенными фразами, рисовала на полях какие-то колокола и стрелки, давала ему задачу и откидывалась на спинку стула. А потом, пока он

считал, смотрела на него. Не на тетрадь, не на формулы, а на него, на висок, на руку с ручкой, и он чувствовал этот взгляд, как в среду на диване, щекой и краем уха. Стоило ему поднять голову, она уже смотрела в учебник.

На третьей задаче он сбился в сложении и получил дисперсию больше, чем вся выборка. Так не бывает даже в теории.

— Ещё раз, — сказала Эва, не поднимая глаз.

— Ты это нарочно.

— Это домашнее задание. — Она перевернула страницу. — Ты сам его задал.

Он пересчитал. На этот раз сошлось, и Эва сделала несколько пометок зелёной ручкой в своей таблице.

* * *

Розовая тетрадь с сердечком лежала на столе ещё до того, как он закрыл учебник. Эва раскрыла её на новой странице, написала дату, ниже — «Урок 1 (продолжение)» и подчеркнула. Слово «продолжение» она взяла в скобки, и Леон подумал, что даже его недоработки у неё оформлены аккуратно.

— Звонок? — спросила она.

— Сначала другая сцена. Короткая.

Они снова сели на маленький диванчик. Между ними снова оказалось сантиметров тридцать, но теперь Эва села не на самый край, и Леон отметил это.

Ночь, вода, огни на берегу. Двое сидят на кораблике, у них впереди одна ночь, а утром поезд, и они договариваются. Спокойно, по-взрослому, как договариваются о делах: это только одна ночь, никаких обещаний, никаких адресов, никаких писем, которые потом всё равно перестанут приходить. Никто никому ничего не должен. Он говорит, что так честнее. Она соглашается. Оба кивают, и оба смотрят на воду.

Эва смотрела внимательно, наклонившись вперёд и обхватив колени руками. Когда сцена кончилась, она некоторое время молчала.

— Они честные, — сказала она наконец. — Они сразу договорились о правилах. Это разумно.

— Они врут, — сказал Леон.

— Кому?

— Себе. Друг другу. Обоим. — Он перемотал назад и остановил кадр, где она смотрит на воду, а он на неё. — Каждый сидит и ждёт, что другой скажет: «Давай не так». Что он скажет «я приеду». Что она скажет «останься». Хоть какую-нибудь глупость, пусть они её не выполнят, лишь бы не было вот этого «одна ночь и всё». Но вслух звучит совсем другое.

— Почему тогда никто не говорит?

— Потому что первый, кто скажет, проиграет. Он окажется тем, кому нужнее.

Эва посмотрела на замерший кадр. Потом взяла ручку, но в тетрадь ничего не записала.

— То есть у них срок, — сказала она. — До утра.

— До утра, — сказал Леон.

— Оба знают это, оба хотят большего, но каждый боится обмануться?

— Получается, что так.

Эва кивнула в знак понимания. Повисло молчание. В тёмном экране телевизора застыли двое на кораблике, и Леон вдруг очень захотел выключить его поскорее. Он нажал на кнопку, экран погас, и в нём отразились уже они сами, на диванчике, на расстоянии тридцати сантиметров.

— Звонок, — сказал он. Она снова кивнула.

* * *

Правила он объяснил коротко. В том же фильме, в кафе, двое играют в звонок: каждый берёт воображаемую трубку и «звонит другу», чтобы рассказать про человека напротив.

— Задание, — сказал Леон. — Рассказать, что ты видишь в человеке напротив. Все, что угодно. Но желательно сказать и то, что нравится, то, что в обычном разговоре не скажешь, потому что страшно. Второй молчит и слушает. Потом меняемся. Смысл в том, чтобы сказать правду, делая вид, что это игра. С одной стороны, так легче открыться, с другой — всегда можно отыграть назад, если чувствуешь опасность.

— Хорошо, — сказала Эва очень ровно. — Ты первый.

Он был готов к тому, что так и будет. Леон поднёс к уху кулак с отставленными большим пальцем и мизинцем, как делают дети, и откинулся на спинку дивана.

— Алло. Мам? Привет. Нет, всё хорошо. Нет, не умираю. — Он помолчал, слушая воображаемую Инес. — Нет, мам, не голодаю. Наоборот. Меня тут кормят. Нет, не в ресторане. Девушка. Нет, мам, не такая девушка. Не та, про которую ты сейчас подумала.

Эва сидела, глядя в стену. Уши у неё уже начинали розоветь.

— Она печёт, мам. Каждый раз что-то новое. Сегодня с изюмом, но это месть, долго объяснять. Она умная. Она умнее всех на потоке, и Кайер это знает, только никому не говорит. Она расчертила мне таблицу, мам. Цветную. Зелёным то, что я знаю. Зелёного там мало. — Он усмехнулся. — Она злая. В смысле строгая. Когда я говорю «как бы», она говорит «Леон», и я сразу понимаю, что сказал глупость.

Дальше по привычке напрашивалось что-нибудь про её очки, из тех слов, что всегда были у него наготове. Он даже начал: «И у неё…» И остановился, потому что все заготовленные слова вдруг показались ему чужими. Он посмотрел Эве в глаза.

— Знаешь, мам, — сказал он медленнее. — С ней не надо ничего изображать. Совсем. Я прихожу, и не надо быть смешным. Не надо быть Ренаром. Можно сидеть и считать дисперсию и ошибаться, и ничего не случится. Ты бы её, наверное, даже не заметила, мам. Её мало кто замечает. А я… — Он замолчал. — Ладно. Всё. Пока, мам. Мне надо бежать.

Он опустил руку. Эва всё ещё смотрела в стену. Уши у неё были пунцовые.

— Твоя очередь, — сказал Леон.

Она потянулась к столу за розовой тетрадью. Леон перехватил её руку раньше, чем она успела взять тетрадь.

— Нет. Будешь импровизировать.

Эва посмотрела на свою руку в его руке. Рука была холодная. Он отпустил её, и она медленно положила ладони на колени.

— Хорошо, — сказала она. Потом подняла к уху кулак, точно так же, как он, с отставленными пальцами, и выпрямила спину. — Алло. Ирэн? Это я. Да. Нет, всё в порядке. Нет, я ем. — Она помолчала, и Леон вдруг понял, что она действительно кого-то слушает, кого-то настоящего, чей голос и манеру говорить она знает наизусть, как он — голос матери.

— Нет, тётя, не мёрзну. Да… — Эва улыбнулась и тут же снова стала серьёзной. — Тётя, ко мне на занятия ходит один раздолбай. Да, точно, тот самый. Он пришёл на защиту без единого слайда, представляешь? Он пять раз за неделю сказал «в некотором смысле». Я считала. Он не знал, сколько стоит тетрадь. И сегодня он опоздал, потому что забыл, как ходит автобус, на котором он ездит каждый день. Он думает, что если улыбнуться, то всё простят. И ему всё прощают, тётя, вот что самое ужасное!

Это было так похоже на Элизу, что Леон едва не засмеялся. Эва говорила быстро и сердито, и в этой сердитости было что-то безопасное, знакомое, как старый свитер.

— Но, — сказала она и запнулась. — Но он замечает людей. Он делает вид, что ему всё равно, но он умеет их видеть. Видеть, когда им плохо. Он заступается за чужих, когда для него нет никакой выгоды. За тех, кто ему никто. — Голос стал ровнее и суше, как на семинаре. — Он смешит тех, кому плохо. Только вот себе он совсем не помогает. Он умнее, чем позволяет себе быть. Он задаёт правильные вопросы, но у него не хватает терпения или смелости найти на них ответы…

Она замолчала. Леон сидел не двигаясь. Он слушал её, и не узнавал себя ни в одном описании, и в то же время узнавал в каждом.

Эва опустила глаза на свои колени. Потом подняла их и посмотрела прямо на него. Кулак у её уха остался, но говорила она уже не в него.

— А когда он думает, что на него никто не смотрит, у него другое лицо, — сказала она. — Совсем другое. Он перестаёт улыбаться, и становится видно, что он думает. И что ему бывает страшно. И по-моему, он очень добрый, только сам этого не знает. Это лицо мне нравится больше. Оно мне…

Она осеклась. Леон видел, как это случилось: она услышала себя. Краска залила её лицо от шеи до лба, разом, за одну секунду.

— В общем, тётя, это всё, — сказала Эва очень быстро, глядя мимо него. — Мне пора. Пока, Ирэн. Передавай дома всем привет. — Эва опустила руку от уха, встала, поправила очки привычным движением и сказала своим деловым голосом: — По заданию всё. Мы закончили.

* * *

Сначала он не знал, что сказать. Он столько раз слышал о себе хорошее, что давно перестал его слышать. Ему говорили, что он красивый, смешной, обаятельный, что с ним легко, что он душа компании, что у него отцовская улыбка и материнские глаза. Всё это было про Ренара, и всё это отскакивало, как мячи от стены. Но сейчас в него полетели не мячи, а стрелы. И, кажется, несколько пробили его броню.

Эва стояла посреди комнаты, покачиваясь с носка на пятку, и смотрела на книжные полки. Леон наклонился к рюкзаку и достал Фромма. Бумажная книжка за неделю успела обтрепаться на углах. Он открыл её там, где лежал загнутый уголок, и нашёл подчёркнутую карандашом строчку.

— Тут написано, — сказал он, — что слово «уважение» происходит от латинского «смотреть». Уважать — значит видеть человека таким, какой он есть.

Он не знал, зачем это сказал. Он не знал, что это значит здесь и сейчас. Он просто держал книгу открытой, и Эва повернулась и долго смотрела на подчёркнутую строчку, а потом на него. Потом молча вышла из комнаты.

Леон слышал, как она прошла на кухню, как скрипнул ящик, как зашелестели страницы. Она вернулась с листом плотной бумаги, вырванным из скетчбука, и протянула ему, не глядя.

Это был он. Углём, быстрыми короткими штрихами, местами смазанными пальцем. Он стоял, опираясь рукой о кафедру, наклонив голову, и смотрел куда-то вниз, на что-то, чего на рисунке не было, на карту района у парка, наверное. Лицо было серьёзное. Сосредоточенное. Немного растерянное. Брови сведены, рот без всякой улыбки, и в этом лице было что-то такое, что Леон видел у своего отца, когда тот читал документы и забывал, что на него смотрят. Такого себя Леон не знал. Он смотрел в зеркало каждое утро и ни разу не видел там этого человека.

— Ты же писала, — сказал он. Голос прозвучал хрипло. — На защите. Я видел. Ты постоянно писала.

— Я рисовала, — сказала Эва. — Тут ты рассказываешь про фонарь.

Больше она ничего не сказала. Он тоже ничего не спросил, только держал лист за края, боясь смазать уголь.

* * *

На последний автобус он бежал. Он вышел от Эвы, когда до автобуса оставалось шесть минут, и последние полквартала вдоль ограды парка пробежал, придерживая рюкзак, в котором между страницами Фромма лежал рисунок. Он вскочил в двери за секунду до того, как они закрылись.

Леон сел у окна. После вечерней мороси всё было мокрым, и новая набережная тянулась вдоль воды длинной цепочкой фонарей, отражавшихся в лужах и в чёрной ноябрьской воде. Летом тут было не протолкнуться. Летом сюда приезжали люди в солнечных очках и широ-

кополых шляпах, фотографировались на фоне океана, пили коктейли на открытых верандах. Сейчас всё стояло закрытым, скамейки были пустые, и только на одной под зонтом сидела пара, прижавшись друг к другу.

Леон достал телефон и сфотографировал. Сам не зная для чего, он поднёс телефон к стеклу и нажал. Снимок получился хорошим: мокрые фонари, пустые скамейки, двое под зонтом, полоса чёрной воды. Леон посмотрел на снимок, потом создал на телефоне папку «Кастельмар» и сбросил снимок туда. Кажется, ему пора познакомиться с родным городом поближе.

Потом он открыл рюкзак, осторожно, чтобы не помять, достал Фромма и вытащил из него рисунок. В тёмном окне автобуса отражался светлый салон и он сам, растрёпанный после бега, с телефоном в руке. Леон перевёл взгляд с отражения на рисунок и обратно. Лицо в окне было знакомое, то самое, что каждое утро смотрело на него из зеркала гостиничного номера. Лицо на рисунке он видел впервые.

Он долго сидел так, держа лист на коленях, и пытался понять, какое из них настоящее. Но даже доехав до своей остановки, так и не понял.

Глава 10. Флирт – это бой

Огромное зеркало в тяжёлой золотой раме располагалось прямо у входа в номер. И Леон, который никогда в жизни не задумывался о том, как он стоит, уже второй час с дотошностью сыщика, ищущего улики, рассматривал своё отражение. До этого дня он заглядывал в зеркало исключительно для того, чтобы проверить, достаточно ли он неотразим или нужно ещё раз взъерошить рыжую шевелюру. Теперь же он разглядывал собственные руки, плечи и ноги так, будто они принадлежали постороннему человеку.

Леон поставил ноги шире. Расправил плечи. Сунул большие пальцы за ремень, посмотрел на результат и, засмеявшись, тут же вытащил. Потом он поправил воротник, одёрнул манжет рубашки, не глядя в зеркало. Поднял взгляд на собственное отражение и ослепительно улыбнулся. Всё это он делал всю жизнь, на вечеринках, в барах, у стоек регистрации, на улице и в аудиториях университета, сам того не замечая, и, судя по результатам, делал неплохо. Но объяснить, что именно он делает, оказалось куда сложнее. Тело знало. Голова — нет.

На столе лежал Фромм, а из Фромма торчал уголок листа плотной бумаги. Рядом лежала новая книжка, купленная во вторник, третья покупка за неделю: Александр Лоуэн, «Язык тела». Леон прочитал её за два вечера, почти не отрываясь, и половину страниц загнул. Лоуэн теоретически объяснял то, что Леон знал интуитивно и по собственному опыту: тело не умеет лгать. Автор утверждал, что каждый страх, каждая обида, которую человек не выплакал и не высказал вслух, остаётся в мышцах, и мышцы годами держат её, как кулак держит камень. И что по тому, как человек стоит, дышит и держит плечи, можно прочитать всю его жизнь.

Леон в очередной раз посмотрел на свои плечи в зеркале. С первого взгляда они казались расслабленными и довольными жизнью, но спустя два часа внимательного наблюдения за самим собой Леон стал замечать то, чего никогда не хотел замечать, — человека, который всеми силами пытался держать лицо. И очень устал от этого. Леон подошёл к столу, достал из «Искусства любить» подаренный Эвой портрет и прикрепил рисунок за раму зеркала. Ещё пару минут он пытался увидеть в отражении лицо, которое было нарисовано углём на бумаге, но так и не смог.

* * *

В среду на круглом столе стояли пирожки с яблоками, ещё горячие, с потрескавшейся корочкой, сквозь которую проступал сладкий сок. Леон съел два, пока Эва раскладывала перед ним билеты по административному праву, и третий, пока объяснял, чем муниципальный акт отличается от регионального. Объяснял так себе. Эва явно была недовольна, и Леон чуть не подавился пирожком, когда увидел, как её брови сходятся вместе. Она напомнила, что до первой сессии осталось десять дней. Больше пирожки он не трогал до тех пор, пока в половине девятого на столе не появился розовый блокнот.

— Сегодня бой, — сказал Леон.

— Я думала, мы учимся флирту. — Эва подняла голову.

— Это одно и то же. — Он отодвинул тарелку и наклонился вперёд, опираясь локтями о стол. — Флирт — это бой, Эва. Только без синяков. Хотя бывает по-разному.

Она ничего не сказала, но ручку держала наготове. Леон, который ещё вчера сочинял эту речь перед зеркалом, почувствовал знакомый азарт.

— Первое. Дистанция. В бою всё решает расстояние. Кто его сокращает, тот нападает. Кто держит, тот защищается. Во флирте так же. Если человек тебе интересен, ты подходишь на шаг ближе, чем принято. Если он подходит к тебе и ты не отступаешь, это уже ответ.

Эва записала. Он видел, как её ручка вывела «дистанция», подчеркнула и поставила рядом какой-то значок.

— Второе. Умение читать по телу. Хороший боец смотрит не на кулаки, а на плечи. Плечо опускается перед ударом. Вес уходит на опорную ногу перед ударом ногой. Во флирте то же самое. Человек ещё ничего не сказал, а ты уже знаешь, что он скажет, по тому, куда он развернулся и какую позу принял.

— Третье?

— Финт. Обманное движение. Ты обещаешь один удар, а бьёшь в другое место. Или не бьёшь вовсе. Во флирте финт — это взгляд, после которого ты отворачиваешься. Улыбка, после которой уходишь. Обещание, которое ты не собираешься сразу выполнять. — Он подождал, пока она допишет. Эва писала, не поднимая головы.

— Четвёртое. Атака и отступление. Шаг вперёд, шаг назад. Если ты только наступаешь, ты давишь, и человек закрывается. Если только отступаешь, тебя никто не догонит. Кто отступает, тот приглашает догонять.

— Или заманивает, — тихо произнесла Эва. — Под удар.

Леон замолчал на полуслове. Эва дописывала строчку, и вид у неё был совершенно невинный.

— Схватываешь, — сказал он с уважением. — Где ты это вычитала?

— Где-то, — Эва пожала плечами и перевернула страницу. — Пятое?

— Ритм. Если давить без пауз, получается не флирт, а осада. Нужно, чтобы человек успевал соскучиться.

— Хорошо, как это применяют женщины, я… примерно понимаю, — сказала Эва, дописав «ритм» и обведя все пять пунктов одной скобкой. Она посмотрела на него поверх очков. — Взгляды, улыбки, отвернуться. Женщины обещают на расстоянии: наклоном головы, длинной юбкой, тем, как сидят. А мужчины? Вы только смотрите?

— Нет. Не только смотрим, — ответил Леон. Вопрос был правильный, и он вдруг вспомнил, как вчера разглядывал себя в зеркале. Он поднялся из-за стола. — Вставай.

* * *

Они перешли в кабинет, где было больше места. Эва встала у стеллажа, прижав к груди розовый блокнот, и Леон в очередной раз отметил, что она встала спиной к книгам, так, чтобы за ней была стена.

— Смотри, — сказал он. — Сначала я ничего не буду делать. Просто стоять.

Он встал посреди комнаты, свободно, как стоял всегда. Эва послушно на него посмотрела.

— Что видишь?

— Ты стоишь.

— Как?

— Широко, — сказала она наконец, помолчав и разглядывая его. — Ноги шире плеч. Руки… не скрещены. Ты занимаешь много места.

— Вот. Это первое. Мужчина, который хочет, чтобы его заметили, занимает пространство. Раскрывается. Руку на спинку соседнего стула. Ноги шире. Это говорит: мне здесь не страшно, я здесь свой. — Он сделал шаг к ней. — А теперь смотри, куда я развёрнут.

— На меня.

— Даже если я буду говорить с кем-то другим. Носки, корпус, плечи. Всё будет смотреть туда, где ты.

Он повернул голову к двери, будто разговаривал с кем-то, а сам остался развёрнутым к ней. Эва посмотрела на его ноги, на плечи, потом на пустое пространство рядом с ним и неуверенно кивнула.

Потом Леон провёл рукой по волосам, поправил воротник, одёрнул рукав — совершенно машинально, как делал сотни раз. Эва вдруг сказала:

— Ты это делаешь. Всё время. В университете. Когда к тебе подходит какая-нибудь девушка.

— Это прихорашивание. — Леон остановился с рукой у воротника. — И нет, я не делаю так всё время.

— Всё время, — уверенно повторила Эва и что-то записала.

Он решил не спорить и сразу перешёл к следующему. Встал напротив неё и, пока она писала, повторил её позу. Блокнот у груди, он прижал к груди ладонь. Голова чуть набок, он наклонил голову. Она переступила с ноги на ногу, он переступил тоже. Эва писала ещё секунд двадцать и только потом подняла глаза. Посмотрела на него, на его руку у груди, на наклонённую голову и нахмурилась. Она опустила блокнот. Он опустил руку. Она скрестила руки на груди. Он скрестил свои.

— Прекрати, — сказала Эва.

— Это называется отзеркаливание. Люди, которым хорошо друг с другом, повторяют позы. Не нарочно. Тело само подстраивается.

— Ты это делаешь нарочно.

— Сейчас — да. Обычно — нет.

Эва медленно опустила руки. Он опустил свои. И ему показалось, будто он увидел улыбку. Леон развернулся к ней и шагнул ближе.

За спиной у Эвы был стеллаж, отступать было некуда, но она и не пыталась. Он сделал ещё шаг, и между ними осталось расстояние, на котором уже неприлично стоять людям во время простого разговора. Эва смотрела на верхнюю пуговицу его рубашки. И Леон видел, как её руки с силой сжали пушистую обложку блокнота.

— Это сокращение дистанции, — сказал он тихо. — Мужчина подходит и смотрит, отступит она или нет.

— А если не отступит? — спросила Эва почти шёпотом, не поднимая на него взгляда.

— Значит, можно ещё ближе.

Они простояли так несколько секунд. Леон хотел сделать ещё шаг, но вместо этого медленно отступил и вернулся на середину комнаты. В кабинете стало душно. Слишком душно для начала ноября. Нужно было срочно разрядить атмосферу, и Леон сделал самое грубое, что было в его списке. Встал свободно, расставил ноги и сунул большие пальцы за ремень джинсов, так, что ладони легли вокруг паха.

— А это что?

Эва посмотрела ему в лицо. Потом на плечи. Потом на стену у него за спиной, на люстру и на окно.

— Открытая поза, — сказала она. — Уверенность.

— Эва. — Он не двинулся. — Посмотри и скажи, что ты видишь.

Она молчала так долго, что он уже решил, что победил. Потом она опустила глаза. Уши у неё стали пунцовыми, но голос, когда она заговорила, был ровный, как на семинарах у Кайера.

— Демонстративная поза. Большие пальцы фиксированы за поясным ремнём, кисти рук образуют направляющие, которые указывают… — Короткая пауза. — Указывают на область таза. У приматов аналогичное поведение описывается как генитальная демонстрация. Сигнал доминирования и сексуальной готовности, адресованный самке. — Она поправила очки. — У павианов, например.

Леон стоял посреди её кабинета с большими пальцами за ремнём. Его что, только что сравнили с павианом?

— Эва, — сказал он, медленно вынимая руки, и вынуть их так, чтобы это не выглядело позорным отступлением, у него не получилось. — Это абсолютный антисекс. Ты меня сейчас одновременно унизила и убила всякое желание на корню. Мы учимся не этому.

— Ты спросил, что я вижу, — сказала Эва очень спокойно. — Я сказала.

— Павиан? — повторил он.

— Ты сам просил это как-то назвать.

Отвернувшись от него, Эва открыла блокнот и начала в нём что-то строчить, но плечи у неё подозрительно вздрагивали, и Леон понял, что она смеётся. Беззвучно, так, как смеялась тогда на крыше, когда он ещё не знал, что она умеет смеяться. Он хотел обидеться и не смог.

* * *

Лоуэна он достал, когда они вернулись на диванчик. Эва села на свой край, поджала ноги, и Леон подумал, что после павиана нужно что-то серьёзное.

— Есть такой человек, — сказал он, — который всю жизнь занимался тем, что смотрел, как люди стоят. Психотерапевт. Он, как и я, считал, что тело не умеет врать. Что если человек долго чего-то боится, а сказать об этом не может, то страх уходит в мышцы и остаётся там. Годами. И потом человек ходит с этим страхом в плечах, в шее, в спине и даже не знает, что он там.

— Вот. — Он открыл книгу на загнутой странице. — Он пишет, что поднятые и сведённые вперёд плечи — это поза человека, который всё время ждёт удара. Что он так защищается, даже когда никто не нападает. Тело так привыкло, что уже не может по-другому.

Он поднял глаза от книги и посмотрел на её плечи. Сделал это не нарочно, просто так вышло: прочитал про плечи и посмотрел на плечи, как посмотрел бы на картинку в учебнике. Плечи у Эвы были подняты и сведены вперёд. Они были такими всегда, в университете, на кухне, на этом диване в прошлую среду, и он вдруг увидел это совершенно ясно.

— Не надо, — сказала Эва. Она тоже увидела, куда он смотрит.

Голос был другой. Короткий, ровный, без единой трещины. Таким голосом она отказывала ему когда-то с проектом, глядя прямо в глаза.

— Я просто…

— Не надо меня читать. — Она спустила ноги на пол и выпрямилась. — Ты не мой психотерапевт, Леон. Ты учишь меня флиртовать. Вот и учи.

Она протянула руку и захлопнула книгу прямо у него в руках, так резко, что он едва успел убрать пальцы. Леон замер. Он видел Эву смущённой, сердитой, пьяной, деловой, смеющейся. Такой — ни разу.

А потом всё кончилось так же быстро, как началось. Эва отвернулась к окну. Она не встала и не ушла, просто отвернулась, и Леон видел только её затылок и одно ухо, уже не пунцовое, а бледное. Плечи поднялись ещё выше. Она сидела так, не двигаясь, и он понял, что она изо всех сил старается не заплакать и что если он сейчас скажет хоть слово, у неё не получится.

Он ничего не сказал. Положил Лоуэна на пол возле дивана, обложкой вниз, встал и пошёл на кухню. Чайник был ещё тёплый. Леон налил в него свежей воды и включил. Чашки с золотым ободком стояли там же, где всегда. Заварка нашлась не сразу, в третьей банке, подписанной её почерком «Чай чёрный», хотя он сначала по ошибке открыл «Гречку». Он не торопился. Он стоял у окна, пока закипала вода, смотрел на тёмный двор, на фонарь над детской площадкой и на освещённые дорожки парка, и думал о том, что за всю жизнь ни разу не заваривал чай в чужом доме.

Эва сидела в той же позе, но плечи немного опустились. Он поставил чашку на подлокотник рядом с ней, сел на свой край и взял свою. Минуту они молчали. Потом Эва, не поворачиваясь, протянула руку, взяла чашку и отпила.

— Перестоял, — сказала она. — Горький.

— В следующий раз буду смотреть на часы.

Она кивнула, всё ещё глядя в окно, и Леон вдруг понял, что это значит «спасибо». Про Лоуэна никто из них больше не сказал ни слова. Книга так и лежала на полу обложкой вниз, и, уходя, Леон забыл её у Эвы. Или сделал вид, что забыл.

— Завтра в университете смотри на меня внимательно, — сказал он в прихожей, уже в куртке.

— Зачем?

— Увидишь. Это домашнее задание. Наглядное пособие.

Эва посмотрела на него с подозрением, но кивнула. На последний автобус он успел, хотя последние сто метров пришлось бежать.

* * *

В четверг Леон устроил наглядное пособие. Он начал прямо с утра, у кофейного автомата, где две первокурсницы спорили, какую кнопку нажать, чтобы автомат выдал хоть что-нибудь похожее на капучино. Леон подошёл, встал чуть ближе, чем нужно, нажал нужную кнопку, протянул одной из них стаканчик и задержал его в руке на секунду дольше, чем требовалось. Первокурсница покраснела, вторая захихикала. Леон улыбнулся обеим и пошёл дальше, спиной чувствуя, как они смотрят ему вслед.

Он флиртовал с девушкой из деканата, которая выдавала справки, и она выдала ему справку без очереди. С аспиранткой Кайера, которая разносила по аудитории распечатки, и она оставила ему лишнюю. С официанткой на веранде, той самой рыжей, которая в понедельник трижды спрашивала, не нужно ли ему чего-нибудь ещё. Он делал всё, что вчера показывал Эве: занимал место, разворачивался корпусом, поправлял воротник, сокращал дистанцию, задерживал взгляд. Всё это было так легко, так знакомо и так привычно, что к обеду ему стало скучно.

— Он вернулся, — сказала Элиза, глядя, как Леон отходит от стойки, где официантка что-то писала ему на салфетке. — Три недели ходил как монах. И вот, пожалуйста.

— Седьмая за утро, — сказал Даниэль, не отрываясь от ноутбука, где у него была открыта какая-то таблица. — Я считаю.

— Может, репетиторша его отпустила? — с надеждой спросила Мира.

Алекс ничего не сказал. Он посмотрел на Леона поверх стакана, потом куда-то за его плечо и снова на Леона. Леон предпочёл сделать вид, что ничего не заметил.

Он делал всё это для Эвы, как фокусник делает фокус для одного зрителя в первом ряду, и каждый раз, закончив, искал её глазами. Она смотрела. Внимательно, как он и велел. Лицо у неё при этом было совершенно непроницаемое.

Шанталь появилась после обеда, в коридоре у большой аудитории, с неизменным стаканом, на этот раз зелёного смузи. Она увидела его издалека, и Леон, войдя во вкус, сделал то, чего не сделал бы в другой день. Он посмотрел на неё и улыбнулся. Не той дежурной улыбкой, которой отделывался на веранде, а другой, медленной, с прищуром, той, что обещает продолжение.

Шанталь остановилась так резко, что смузи плеснул в стакане. Потом подошла, положила ладонь ему на рукав и не убирала её, пока говорила.

— Ты снова в игре, Леон, — имя она почти промурлыкала. — Диета окончена?

— Даже в самых строгих диетах бывают читмилы. — Леон говорил медленно, голос стал ниже, а глаза без стеснения пробежались по достаточно нескромному декольте собеседницы.

— Рада это слышать. — Она провела пальцами по его рукаву, от локтя к запястью, и Леон краем глаза увидел, что на другом конце коридора, у окна, стоит Эва. — Ты мне так и не написал.

— Значит, придётся исправить это недоразумение.

— Когда? — Вопрос прозвучал жадно, без ложной скромности.

— Скоро.

Шанталь рассмеялась, звонко и довольно, сжала ему запястье и ушла, оглянувшись дважды. Леон посмотрел ей вслед, потом на окно, и Эвы у окна уже не было.

Он нашёл её через пять минут, на лестнице между вторым и третьим этажом. И остановился на нижней площадке.

Эва стояла на ступеньку выше долговязого парня в дорогом пиджаке, который, правда, сидел на нём так, будто его купили на вырост. Леон его знал, точнее, знал о нём: Тео, курсом старше, помощник декана. Из тех, кто сидит в первом ряду на открытых лекциях Кайера и задаёт вопросы, на которые сам знает ответ, и из той семьи, чью фамилию в Кастельмаре произносят с уважением, хотя никто толком не помнит почему. Тео что-то объяснял, обстоятельно, отмечая пункты пальцем в воздухе, а Эва его слушала. Голова у неё была чуть наклонена набок. Она стояла к нему ближе, чем на памяти Леона стояла к кому-либо из парней. На полшага ближе, чем полагалось бы. Тео сказал что-то, видимо смешное, и Эва засмеялась, негромко, и при этом коснулась пальцами его рукава. Мимолётно, на секунду. И убрала руку.

Тео замолчал на полуслове. Потом провёл рукой по волосам. Потом поправил узел галстука. Потом развернулся к ней всем корпусом, и Леон видел каждое движение так ясно, будто смотрел учебный фильм с субтитрами. Дистанция. Корпус. Прихорашивание. Всё, что он вчера показывал ей в кабинете, теперь делал другой человек, и делал это для неё.

Тео что-то спросил. Эва кивнула. Тео забрал у неё сумку, закинул себе на плечо, и они пошли вниз по лестнице вместе. На повороте Эва подняла голову и посмотрела вниз, на площадку, где стоял Леон. Взгляд был спокойный, ясный и совершенно невинный. Потом она отвернулась и пошла дальше.

Леон постоял на площадке ещё немного. Ему было неприятно, и он не понимал почему. Это было глупо. Он сам дал задание. Ну, не совсем это задание. Он велел смотреть, а не делать. А она сделала, и сделала неплохо, для первого раза даже очень неплохо. Как учитель, он должен был радоваться, но он не радовался.

* * *

Вечером он написал ей первым. Он сидел на кровати с учебником по статистике, который так и не открыл, и смотрел на смайлик-мышку на экране, пока не решился.

«Когда ты успела полюбить импровизацию?»

Ответ пришёл не сразу. Он успел перевернуть телефон экраном вниз, перевернуть обратно и прочитать одну и ту же формулу дисперсии четыре раза.

«Теория. Пример. Практика».

«Я велел смотреть».

«Я смотрела. Внимательно. Как ты сказал».

«А Тео?»

На этот раз ответ пришёл быстро.

«Я была так восхищена твоими навыками, что не смогла сдержать вдохновения. Решила начать с безопасного варианта».

Леон перечитал сообщение дважды. Он видел обиду, но не мог понять причины. Видел подколку, но не мог понять, за что. Он сам учил её подтексту. Он умел читать девушек. И он абсолютно не понимал, что она имеет в виду.

«Он нёс твою сумку», — написал он и тут же стёр.

«Для первого раза неплохо», — написал он и, не дожидаясь ответа, тут же отправил следом: «Спокойной ночи, Эва».

«Спокойной ночи. Ты забыл у меня книгу».

Он посмотрел на это сообщение и долго не мог понять, почему ему вдруг стало легче.

Глава 11. Соль и лимон

В пятницу Тео поздоровался с Эвой четыре раза. Это заметил весь поток, а Даниэль даже начал вести статистику. Леону же просто казалось, что Тео стало невыносимо много, особенно рядом с его ученицей. В первый раз парень поздоровался у входа в главный корпус, во второй — в коридоре у расписания, в третий зашёл в аудиторию с распечатками из деканата, раздал их первому ряду и, наклонившись к Эве, долго объяснял, что там написано, хотя написано там было всего лишь расписание консультаций. В четвёртый он просто прошёл мимо и сказал «привет», хотя они виделись пятнадцать минут назад, и покраснел.

— Четыре, — сказал Даниэль. — Если к обеду будет шесть, я начну волноваться.

— За кого? — спросила Мира.

— За статистику. Шесть приветствий за полдня — это выброс. Выбросы портят выборку.

Эва на каждое «привет» отвечала спокойно и вежливо, иногда даже улыбалась. В этом спокойствии было что-то новое. Неделю назад она шарахнулась бы от Тео к стене. А сегодня она спокойно стояла рядом, слушала и кивала, после чего Тео уходил от неё сияющий, как после зачёта автоматом у Кайера.

Леон смотрел на это с предпоследнего ряда и злился. Злился он с самого утра, но не мог даже себе самому объяснить, на что. На Тео, который вёл себя как щенок? На Эву, которая вела себя так, словно ничего особенного не происходит? Или на себя, потому что сам запустил этот процесс? А может, дело было просто в кофе из автомата, который был ещё хуже, чем обычно? Когда во время перерыва в коридоре на него налетел какой-то парнишка, торопящийся на пару, Леон смерил его таким испепеляющим взглядом, что первокурсник ретировался, даже не извинившись. В его спину тут же полетело короткое и злое «Carallot!». Мира с удивлением посмотрела на товарища. Алекс с Даниэлем переглянулись. Леон редко переключался на мирандский, и это никогда не сулило ничего хорошего.

— Ты вчера флиртовал со всем потоком, — сказала Элиза, на ходу внимательно рассматривая друга, — а сегодня рычишь на всех. Что случилось? Кто-то не ответил?

На слове «кто-то» Элиза сделала ударение, и Леона это почему-то вывело из себя ещё больше.

— Никто не ответил, — резко ответил он, но тут же попытался смягчиться. — В смысле, все ответили. В смысле, ничего не случилось.

Элиза приподняла бровь и посмотрела на Алекса. Алекс ничего не сказал. Он посмотрел на Леона, который ускорил шаг, чуть опередив друзей, и явно больше не был расположен к беседе. Они прошли мимо Тео, который глазами искал кого-то в толпе студентов. Алекс вдруг окинул помощника декана заинтересованным взглядом, потом посмотрел в спину другу и о чём-то задумался.

Около дверей столовой его караулила Шанталь. Обедать она явно не собиралась. Леон увидел её издалека. Он резко свернул вправо и скрылся за дверьми служебной лестницы, оставив друзей в ещё большем недоумении. Это было малодушно, и он это знал. Но «скоро», которое он ей вчера пообещал, сегодня казалось ему чужим словом, сказанным кем-то другим.

* * *

В субботу в половине девятого утра Леона разбудило сообщение из банка. Он прочитал его, лёжа на спине, потом сел и прочитал ещё раз.

Сумма была небольшая, но для его положения ощутимая. Отправитель — Ренар Э. Комментарий к переводу: «На репетитора. Э. Р.»

Леон смотрел на эти три слова долго. Отец, который месяц назад урезал ему содержание до суммы, на которую в прежней жизни Леон не прожил бы и недели, теперь платил репетиторше. Платил Эве, сам того не зная. Платил за булочки, за таблицу с зелёными квадратиками,

за урок, на котором его сына сравнили с павианом. Леон представил, как отец подписывает этот перевод с тем же лицом, что и контракты на миллионы, но всё-таки позволяет себе едва заметную улыбку, пока никто не видит.

Деньги Эве он отдать не мог. Он попробовал вообразить, как протягивает ей конверт, и сразу увидел её лицо. Она бы не взяла. Хуже, она бы посмотрела на него так, как смотрела тогда в баре, когда он сказал что-то не то про её грант. Леон перевёл деньги на отдельный счёт и решил, что пока трогать их не будет. Когда-нибудь пригодятся. Он сам не знал, на что.

* * *

Леон откусил кусочек, всё ещё злой на Тео, на пятницу и на весь университет, и мягкий тёплый мякиш, влажный от крема, поддался и растаял на языке, и вместе с ним растаяли все подколки, вертевшиеся в голове с самого утра. Леон замер. Ванильный тягучий крем, сахарная пудра, тут же испачкавшая губы, тесто, всё ещё пышущее жаром. Всё это напомнило ему поцелуй. Очень хороший поцелуй, глубокий, медленный, в котором никто никуда не торопится. Он прикрыл глаза и, кажется, даже тихо застонал. Насладившись первым укусом, он посмотрел прямо перед собой, собираясь сказать какой-нибудь комплимент этой божественной выпечке. Эва смотрела на него, так и не донеся чашку до рта.

— Всё в порядке? — сконфуженно спросила она.

— Эти булочки похожи на поцелуй. — Леон слизнул с пальца сахарную пудру. — На чертовски хороший поцелуй.

Эва покраснела так стремительно, что Леону стало её жалко, но так ей было и надо. Она поставила чашку, не отпив, пододвинула к Леону билеты и открыла таблицу. «Язык тела» лежал на краю стола, рядом с учебником административного права. Из книги торчали закладки, тонкие полоски бумаги, штук семь или восемь, и Леон, увидев их, ничего не сказал. Эва тоже ничего не сказала.

До экзаменов оставалась неделя. Они прошли административное право от начала до конца, и Леон отвечал почти без запинок. Эва закрасила зелёным три квадратика подряд и посмотрела на таблицу недоверчиво.

— Ламбер упадёт в обморок, — сказала она.

— Ламбер не падает в обморок. Ламбер сажает на пересдачу.

— В этот раз не посадит.

Она сказала это так просто и уверенно, что Леон поверил. Он не помнил, когда в последний раз кто-то говорил о его способностях к учебе с такой уверенностью.

Розовый блокнот появился в девять. Эва раскрыла его, написала дату и посмотрела на Леона.

— Сегодня запахи, — сказал он, доедая очередную булочку.

— Запахи? — Эва моргнула.

— Ты ждала поцелуев?

— Я ничего не ждала, — сказала она быстро и записала: «Урок 3. Запахи».

* * *

Он начал издалека. Леон долго думал, как об этом рассказать, и решил, что лучше всего рассказывать так, как Эва рассказывала ему про трансакционные издержки, подробно и по порядку.

— Из всего, что у нас есть, — сказал он, — глаза, уши, руки, — запах самый древний и самый быстрый. Всё, что ты видишь и слышишь, сначала проходит через голову. Голова даёт этому оценку: опасно, красиво, скучно. А запах идёт мимо головы. Прямо туда, где у нас живут страх, радость, память. Поэтому ты можешь почувствовать запах и сразу заплакать, не успев понять почему. Или вспомнить бабушкину кухню, которую не вспоминала двадцать лет. Или вдруг захотеть человека, на которого раньше даже не смотрела.

Эва писала. Он видел, как она подчеркнула «мимо головы».

— И вот в этом весь фокус. Человек может тебе не нравиться. Совсем. Ты можешь считать его идиотом, хамом, кем угодно. А тело будет тянуться к нему, потому что у тела свои параметры принятия решений. Оно вынюхивает того, кто подходит. Как сотни тысяч лет назад, так и сейчас. Есть исследование, где женщинам давали понюхать ношеные мужские футболки, и выяснилось, что им нравились запахи тех мужчин, которые генетически больше всего от них отличались. Голова в этом не участвовала. Тело выбрало само.

— Это неприятно, — сказала Эва.

— Почему?

— Потому что получается, что я не решаю.

— Ты решаешь, — сказал Леон. — Просто не только головой. Тело тоже часть тебя. Причем не менее значимая. Иногда они спорят: тело и голова.

— Это сложно, — Эва как-то грустно посмотрела на свои записи и постучала по ним ручкой, размышляя о чём-то.

— Да, сложно, но люди вообще не простые, — философски заметил Леон и тут же продолжил. — И ещё одно. Вокруг тебя всё время говорят, как надо пахнуть. Духи, дезодоранты, свежесть, ничем не пахнуть, пахнуть цветами. Как будто человек — это комната, которую надо проветрить. А на самом деле люди тянутся к совсем другим запахам. К тем, которые неприлично любить. Пот после тренировки. Подушка, на которой кто-то спал. Свитер, который кто-то носил неделю. Это не то, что рекламируют. Это то, на что тело отзывается. — Он помолчал. — И бывает, что человек придумывает себе кого-то. Образ. Красивый, правильный, такой, каким его хочется видеть. Любит этот образ годами, а потом оказывается рядом с этим человеком, и тело молчит. Или наоборот: голова говорит «нет, это не он», а тело уже сказало «да».

Эва перестала писать. Она подняла голову, посмотрела на него, и он увидел в её глазах что-то, что не успел прочитать, потому что она тут же опустила взгляд.

— Упражнение, — сказала она ровно. — Какое?

* * *

Первую часть Эва прошла почти легко. Он попросил назвать запахи, которые ей нравятся, и Эва перечисляла, загибая пальцы, как когда-то в баре перечисляла цвета рубашек Кайера.

— Кофе. Свежий хлеб. Старые книги, особенно библиотечные, в которых долго никто не открывал страниц. Уголь, которым рисую. И угольки, оставшиеся от костра. Запах потухшей свечи. — Она подумала. — Апельсиновая корка, когда чистишь апельсин. И гранат. У его корки терпкий запах, чем-то похожий на кожу.

— Хорошо. А теперь те, которые не положено любить приличным людям.

Она замолчала. Потом отвела глаза в сторону.

— Бензин на заправке. — И, ещё тише: — Спортзал. Маты. Резина. Пот. Когда там долго тренировались.

— Ты бываешь в спортзале?

— Бывала, — сказала Эва и быстро добавила: — Это всё.

— Что-то мне подсказывает, что есть ещё что-то. — Леон внимательно посмотрел на неё и хитро улыбнулся.

— Нет, — Эва неожиданно заинтересовалась булочками и начала отковыривать кусочек от той, что лежала к ней ближе. — Больше ничего.

— Эва, я могу не давить, как скажешь. — Леон чуть наклонился к ней и попробовал поймать взгляд. — Только реши тогда сама, как быстро ты хочешь достичь цели?

Она вопросительно посмотрела на него исподлобья.

— Честность помогает сократить время.

Эва несколько секунд смотрела на него, потом смущённо отвернулась.

— Мне нравится запах месячных. Не думаю, что это нормально.

Леон некоторое время смотрел на то, как она смущается от собственного признания. Потом откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Ты опять смеёшься?

— Нет, ни в коем случае. Просто людям часто кажется, что они особенные в своих странностях.

Эва перевела на него взгляд и вопросительно приподняла брови.

— У меня был роман пару лет назад. — Эва закатила глаза, и Леон улыбнулся ещё шире. — С девушкой, которая приехала отдыхать в Кастельмар на пару недель, жила она в «Сагас Империал». Там мы и познакомились. Так вот, всё было здорово, кроме одного. Она постоянно искала в себе странности. Всё время спрашивала, нормальная ли она. В какой-то момент она мне сказала то же самое и потом разрыдалась, сказав, что это окончательно доказывает, что она того. Уж не знаю, откуда у неё был такой гиперфикс на этой теме, но в итоге, чтобы успокоить её, я залез в сеть. И знаешь, что мы узнали? Что это абсолютно естественно, заложено природой, чтобы защитить женщин от паники при виде собственной крови каждый месяц. Видишь, иногда то, что нам кажется ненормальным, грязным, странным, неприличным, в природе совершенно естественно и даже полезно.

Эва слушала с недоверием, потом неуверенно кивнула, как бы давая знать, что услышала его, и начала что-то записывать в блокнот. Леон подумал, что она выглядит скорее растерянной, чем ободрённой, и решил сменить тему. Он поднялся из-за стола и встал посреди кухни.

— Ладно, подумаешь об этом позже. А теперь мой.

— Твой? — Эва подняла голову.

— Мой запах. Подойди и скажи, чем я пахну.

Она сидела ещё несколько секунд. Потом отложила блокнот, поднялась и подошла. Остановилась в полушаге. Потом, видимо, поняла, что с полушага ничего не почувствует, и сократила расстояние, встав почти вплотную к Леону. Он совсем близко увидел её макушку и тёмные волосы, заплетённые в косу. Эва наклонилась к его плечу, к воротнику рубашки, и он почувствовал её дыхание сквозь ткань.

— От тебя пахнет моими булочками, — шутя сказала она и улыбнулась. И сразу услышала, как это прозвучало.

Леон видел, как это случилось. «Моими», «от тебя», и она стоит у его воротника. Шея у неё под косой пошла пятнами. Ответная шутка уже вертелась у Леона на языке, но, посмотрев на её покрасневшую шею, решил, что пошлости сейчас ни к чему, и проглотил уже готовый ответ. Но удержать бровь, что игриво поползла вверх, он не смог.

— Это комплимент твоим булочкам.

Эва выдохнула. Она не отодвинулась, только чуть повернула голову, и он почувствовал, как она снова вдыхает.

— Мята, — сказала она. — Гель для душа. Такой во всех отелях «Сагас». — Пауза. — Кофе. Чёрный. Ты его много пьёшь. — Ещё пауза. — И автобус.

— Автобус? — переспросил Леон.

— Четырнадцатый, — серьёзно сказала Эва. — Мокрые зонты и печка. Ты им пропах.

Она помолчала, дольше, чем раньше. Потом вдохнула ещё раз, медленно, у самой его шеи, и сказала уже тише, нащупывая каждое слово:

— А под этим… море. Немного водоросли. И соль.

Она замолчала. Леон стоял неподвижно и ждал, что дальше. Но Эва просто стояла у его плеча и не двигалась. Он не видел её лица. Леон не знал, что случилось на слове «соль». Он только чувствовал, что что-то случилось.

Потом она отступила. На полшага. Подняла на него глаза, совершенно спокойные за толстыми стёклами, и сказала:

— Всё.

— Хорошо, — сказал Леон. — Теперь я.

* * *

Он медленно приблизился, боясь её спугнуть, и наклонился к чёрным волосам. Сначала Леон почувствовал то, что и так знал. Олеандр. Он запомнил этот запах ещё в ту ночь, когда всё началось: в баре, смешанным с терпким виски Марты, в утреннем тумане по дороге домой, в квартире вперемешку с запахом вишнёвого пирога. И сейчас Леон узнал его сразу. Это прозвучало ожидаемо для обоих. И Эва ничего не ответила, только пальцы, натянувшие рукава свитера, сжались.

— Ваниль, — сказал он. — Это из крема. Ты пекла сегодня. — Он помолчал. — У тебя на шее мука. Вот здесь, под косой. Уголь. — Он чуть повернул голову. — Покажи потом, что рисовала. Вдруг это снова я. — Леон улыбнулся. — Шерсть. Свитер. И книги. Бумага. Ты сидела над книгами весь день.

Эва стояла очень тихо. Леон наклонился ниже, к её шее, и замер.

— Лимон, — сказал он удивлённо и вдохнул ещё раз, чтобы убедиться. — Лимон. Откуда? Ты пила чай с лимоном? — Он подумал. — Нет. На волосах тоже. Значит, гель для душа. Или шампунь. Лимонный.

Он почувствовал, как она вздрогнула. Не от его дыхания, хотя он стоял так близко, что дыхание, наверное, касалось её шеи. От чего-то другого. Он чуть отодвинул своё лицо от её шеи и увидел её профиль, бледный, с плотно сжатыми губами. Дело было не в нём. Дело в том, что он стоял здесь, у её шеи, и гадал, каким гелем она моется по утрам. Что кто-то оказался так близко к её жизни, что мог по запаху угадать, что она пила, что ела, где сидела, чем мыла волосы. Она жила одна в этой квартире, прятала глаза на первом ряду, и никто, судя по её лицу, никогда не подходил к ней так близко, чтобы задать такой вопрос.

Он отступил на полшага. Дальше не стал. Леон чувствовал, что сегодняшнее занятие нужно довести до конца, не дать ей спрятаться обратно в скорлупу.

— А теперь, — сказал он, — последнее. Самое важное. Запах, который бывает, когда двое уже не просто стоят рядом.

Эва посмотрела на него. Он не отвёл глаз.

— Этот запах — переплетение двоих, — начал Леон спокойно, как учитель, читающий лекцию. — Его нельзя купить и нельзя подделать. Он влажный, спёртый, тяжёлый. Как в оранжерее. В нём есть горячий пот. Этот пот особенный, не такой, как после тренировки. Кожа, нагревшаяся, как галька на солнце. Соль на ней. Влажные волосы. Духи, которые смешались с запахом человека. Женская сладкая кислинка. И мужской запах хлора. Эта смесь остаётся на подушке, на волосах, на коже. И если войти в комнату, которая ею пропитана, ты никогда не перепутаешь её ни с чем другим.

Эва сделала шаг назад. Потом ещё один, и упёрлась бы спиной в стеллаж, если бы он её не остановил. Не тронул, только сказал:

— Эва. — Леон посмотрел прямо на неё. — Нельзя сбежать с экзамена и получить пятёрку.

Она остановилась. Он видел, как она борется с собой, как ей хочется уйти к плите, к чайнику, к окну, куда угодно, и как она остаётся. Её пальцы мяли рукава свитера. Она стояла и смотрела на верхнюю пуговицу его рубашки, как и в среду.

— Хорошо, — сказала она очень тихо.

Он снова подошёл ближе. Говорил, но не касался её.

— Когда рядом нужный человек, тело узнаёт это раньше, чем ты. Сначала становится жарко. Лицу, шее, ушам, как будто ты подошла слишком близко к огню. Потом меняется дыхание. Сначала становится глубже и медленнее, затем сбивается, и ты дышишь ртом. Сердце бьётся, будто собирается выпрыгнуть из грудной клетки. Руки не знают, куда себя деть. Им нужно трогать, мять, гладить. А потом голова перестаёт думать. Мир становится очень малень-

ким. Остаётся только тот, кто рядом, на расстоянии вытянутой руки, а всё остальное, комната, улица, время, куда-то исчезает.

Он старался говорить ровно, как говорил бы о статистике, но голос всё время предательски срывался, то на хрип, то на шёпот. И пока он говорил, Леон, словно иллюстрацию к своим словам, видел, как всё это происходит с Эвой. Он не хотел этого видеть, это получилось само. Её шея и щёки горели. И хоть она стояла совершенно неподвижно, дыхание сбилось. Сначала замедлилось, а потом стало частым и прерывистым. Губы чуть приоткрылись. Зрачки заполнили почти всю радужку. И пальцы перестали мять рукава и просто держались за них, будто тонкая шерсть могла удержать её в реальности.

Леон остановился на полуслове. Он понял, что тоже стоит неподвижно и что у него у самого пересохло во рту, и что расстояние вытянутой руки, про которое он только что говорил, это единственное, что было между ними, а мир стремительно уменьшался, оставляя лишь запах соли и лимона.

Он отступил. Резко, на целый шаг, и посмотрел на часы, хотя время его абсолютно не волновало.

— На сегодня всё.

* * *

Леон долго не мог зашнуровать кеды. Эва стояла у вешалки, обхватив себя руками, и смотрела на свои носки. Он наконец справился со шнурками, выпрямился, взял уже традиционный свёрток с выпечкой и, положив руку на ручку двери, обернулся.

— Запомни это ощущение в теле, — сказал он. — Оно должно тебе понравиться, чтобы захотелось идти дальше.

Эва подняла на него глаза. Он вышел и закрыл за собой дверь.

На последний автобус он успел. Как, он не помнил.

* * *

Леон включил воду и не стал ждать, пока она нагреется. Потом, подумав, повернул кран в другую сторону до упора, и вода стала ледяной.

Он стоял под ней, упершись ладонью в кафель, и ждал, когда отпустит. Не отпускало. Вода била по плечам, по затылку, стекала по лицу, а он всё ещё стоял на её кухне, в полушаге от неё, и слышал её дыхание. И свой собственный голос, ровный, учительский, перечисляющий: олеандр, ваниль, уголь, шерсть, бумага. Лимон. Он гадал, каким гелем она моется. Он стоял у её шеи и гадал, каким гелем она моется по утрам. Кто ему дал такое право?

Он описал её запах так подробно, будто давно его знал. Будто не сегодня вдохнул его впервые, а ловил неделями, на кухне, на диване, в коридоре университета, сам того не замечая.

Леон опустил глаза. На полке у раковины стоял флакон гостиничного геля для душа. Мята. Он взял его, повертел в руках и поставил обратно. Потом повернул кран ещё раз, хотя дальше он уже не поворачивался.

Глава 12. Всё включено

В ноябре Кастельмар переставал быть курортом и становился просто городом. Туристы разъезжались, шезлонги на пляжах складывали стопками под навесы, кафе на набережной убирали столики с улицы, а океан, всё лето притворявшийся ручным, по утрам начинал ворчать и подкатывать к парапету тяжёлые серые волны. Для «Сагас Империал» межсезонье означало только смену публики. Место туристов в шортах занимали люди в пиджаках и с бейджами на шее: с ноября по март отель жил конференциями и форумами, залы на первом этаже никогда не пустовали.

Обитатель углового люкса «Сагас Империал» не думал ни о конференциях, ни о межсезонье, он просто спал, уткнувшись лицом в подушку, и снилось ему что-то мокрое, жаркое и неприличное. Там были булочки с ванильным кремом, тёплые и мягкие. Была Эва, которая кормила его с рук и беззвучно смеялась. Был белый сладкий крем, оказавшийся на её шее, и Леон наклонился к нему и слизнул его прямо с тёплой кожи, пахнущей лимоном, и в эту же секунду булочка в девичьих руках начала расти, заполнила весь кабинет и придавила его к дивану так, что стало нечем дышать. Мякиш начал превращаться в липкое сырое тесто, заливая глаза, рот, нос…

В дверь постучали. Леон резко перевернулся на спину и открыл глаза. В теле пульсировала гремучая смесь страха и возбуждения. Леон постарался восстановить дыхание и сел. Стук повторился, три коротких удара, ровных и уверенных. Леон застонал — так стучал только один человек в этом отеле.

— Мам? — Голос хрипел после сна.

— Открой, пожалуйста.

Он открыл в футболке и пижамных штанах, с отпечатком подушки на щеке, ещё наполовину во сне, и первую секунду смотрел на мать, не понимая, откуда она взялась. Инес стояла в коридоре в тёмно-зелёном брючном костюме, с телефоном в руке, и огненно-рыжие волосы были забраны в небрежный пучок. Леон вспомнил, что, вернувшись вчера от Эвы, столкнулся в холле с рабочими, которые расставляли стенды и натягивали над стойкой регистрации баннер. В отель съезжались книгоиздатели со всей страны и из-за границы. Значит, мать уже с утра была в работе, несмотря на воскресенье.

— Я ненадолго, — сказала она и вошла.

Леон отступил, пропуская её. Инес остановилась посередине гостиной и медленно огляделась. Так она осматривала номера своих отелей, когда приезжала с проверкой. Сон как рукой сняло, Леон почувствовал, как от нервов предательски закрутило живот, и, проследив за взглядом матери, попытался представить своё жилище со стороны. Письменный стол у окна был завален учебниками, административное право лежало раскрытым, корешком вверх, на нём громоздилась статистика, а сверху — распечатки с таблицами, исчёрканные зелёным маркером. На подоконнике стояли три чашки из-под кофе. На журнальном столике белела тарелка, накрытая салфеткой, под которой лежали вчерашние булочки с ванильным кремом: вечером ему было не до них. И всё. Ни бутылок, ни бокалов, ни женского бюстгальтера между диванными подушками, ни второго полотенца в ванной, ни запаха сладких духов, которые раньше выветривались из этого номера только ко вторнику.

Взгляд Инес задержался на столе. Между учебниками лежал Фромм с загнутыми уголками страниц, и Инес смотрела на него ровно столько, сколько требовалось, чтобы прочитать название. Потом она обернулась к двери, к огромному зеркалу в золотой раме, мимо которого прошла, не взглянув. За раму был заткнут лист плотной бумаги, и на нём углём, быстрыми короткими штрихами, кое-где смазанными пальцем, был нарисован человек у кафедры. Мать

заходила к нему раз в сезон, отец не заходил никогда. Они не признавали это место его домом. Леону не приходило в голову, что на этот рисунок будет смотреть кто-то, кроме него.

Инес смотрела долго. Потом перевела взгляд на сына и снова на рисунок. Лицо у неё при этом не выражало ничего, и это пугало больше всего: Леон знал, какой мать бывает, когда сердится, когда смеётся, когда собирается его обнять и когда собирается швырнуть в него вазой, но такого лица у неё он не помнил.

В дверь снова постучали. Леон вздрогнул, Инес даже не повернула головы.

— Войдите.

Официант вкатил тележку и расставил на журнальном столике кофейник, две чашки, сливочник, корзинку с тостами и омлет под серебряной крышкой. Тарелку с булочками он аккуратно сдвинул на край, пожелал приятного аппетита, отдельно поклонился Инес и исчез. С той секунды, как Леон открыл дверь, прошло минуты две, не больше. Значит, завтрак мать заказала ещё внизу. Значит, «ненадолго» означало как минимум омлет. Значит, будет разговор.

Он сел на диван и приготовился. Сейчас начнётся: мирандские ругательства, «паршивый лис», вопросы, на которые нет хороших ответов. Инес села в кресло напротив, налила кофе себе и ему, добавила себе сливок и сделала глоток.

— Ешь, — сказала она. — Остынет.

Он ел. Она пила кофе и молчала. По стеклу за её спиной ползли длинные дождевые капли, океан за ними был серым, и Леон успел съесть половину омлета, прежде чем понял, что больше не выдержит.

— Я учусь, — сказал он.

— Я вижу.

— У меня сессия через неделю.

— Я знаю.

— Административное право. У Ламбер. Помнишь Ламбер? Я ей три раза сдавал. В этот раз сдам. Мы прошли всё от начала до конца, все билеты, у меня есть таблица, там зелёные квадратики, если отвечаю без ошибок, и зелёных уже больше половины.

Инес поставила чашку на блюдце, беззвучно. Леон услышал собственное «мы» и заговорил быстрее.

— С репетитором. Мы с репетитором прошли. Она строгая. Очень. Ты бы видела. Гоняет меня хуже Ламбер, ни одной поблажки.

— Где ты её нашёл?

Вопрос прозвучал так спокойно, что Леон чуть не сказал правду. Это было бы проще всего. В университете, мам, на моём потоке, она сидит в первом ряду и не умеет смотреть людям в глаза. Он открыл рот и сказал:

— На остановке.

— Объявление, — объяснил Леон, увидев, как у матери приподнялись брови. — На остановке у набережной. «Репетитор по экономике и праву. Строго. Результат гарантирован». Знаешь, такие, с бахромой внизу, где телефоны на отрывных листочках. Я перед защитой у Кайера был в таком отчаянии, что позвонил. — Надо было остановиться, и он не остановился. — Я оторвал последний листок, мам. Последний. Значит, она хорошая. У всех остальных объявлений листочки висели нетронутые. А её объявление потом сорвали, я проверял. Там теперь реклама фитнес-клуба.

Он замолчал. Про фитнес-клуб было лишнее, про «проверял» тоже. Инес смотрела на него поверх чашки, и Леону захотелось добавить что-нибудь убедительное, что-нибудь про возраст репетиторши, про её очки и пучок, про кошку и вязание. Он с усилием закрыл рот.

Инес отставила чашку, потянулась к краю стола и сняла салфетку с тарелки. Сахарная пудра на булочках за ночь отсырела и легла на крем тонкой корочкой. Леон посмотрел на булочки и подумал, что было бы легче, если бы мать застала его с очередной голой красоткой

в кровати. Инес взяла одну, отломила кусочек и прожевала, медленно и сосредоточенно, с тем лицом, с каким пробовала блюда перед открытием нового ресторана. Леон смотрел, как она жуёт, и изо всех сил старался не думать о том, что ему снилось.

— Масло настоящее, — сказала она. — И ваниль не из пузырька. — Она посмотрела на булочку, потом на сына. — И это не с нашей кухни.

— Это из пекарни. — Леон почувствовал, что у него горят уши, и разозлился. — Там рядом пекарня. Рядом с домом репетитора. Я после занятий захожу.

— Хороший у них кондитер, — сказала Инес и отломила ещё кусочек.

Потом она откинулась в кресле, и глаза у неё заблестели привычной насмешкой, которую Леон знал с детства.

— Объявление на остановке, — задумчиво повторила она. — Как интересно. Сейчас так уже никто не делает. Строгая, говоришь?

— Очень.

— Это хорошо. — Инес кивнула. — Тебе всегда не хватало строгой женщины рядом.

Она допила кофе, поднялась, одёрнула пиджак и, проходя мимо, на секунду положила ладонь ему на макушку, как делала, когда ему было лет десять. Леон замер. От ладони пахло кофе и её духами.

— Мне пора, — сказала Инес, взглянув на телефон. — Через полчаса приезжает первая делегация. — И уже у двери добавила: — Передай своему репетитору, что отец доволен. Он, конечно, никогда этого не скажет. И я тоже.

— Передам.

— И доешь булочки. Женщины не любят, когда их стряпню оставляют засыхать.

Дверь закрылась. Леон долго сидел на диване, глядя на недоеденный омлет. Мать ни о чём не спросила: ни как зовут репетитора, ни сколько ей лет, ни почему он теперь ночует дома, ни что за книга лежит у него на столе. Про рисунок, на который она смотрела дольше, чем на всё остальное, она тоже ничего не сказала. Она съела булочку и ушла, и он так и не понял, поверила ли она хоть одному его слову. Но лисья чуйка подсказывала, что ни слову.

Он посмотрел на зеркало у двери. Человек на рисунке стоял у кафедры, рассказывал про фонарь и не знал, что его рисуют. Мать видела то же, что видел сейчас он, и, может быть, ещё что-то, о чём он пока не догадывался. Леон доел булочки, все три, и пудру с тарелки собрал пальцем.

* * *

В понедельник Кастельмар утонул ещё до рассвета. Дождь начался ночью и к утру превратил улицы в мелкие быстрые реки, которые неслись вниз, к океану, унося с собой листья олеандров, яркие обёртки и чей-то синий мяч. От отеля до университета было десять минут пешком, и Леон, посмотрев в окно, решил, что десять минут — ерунда, и взял зонт. Зонт продержался до первого перекрёстка, где ветер с океана вывернул его наизнанку, и дальше Леон шёл, зажав под мышкой бесполезный комок спиц и ткани.

Остановка у поворота на университетскую улицу стояла без навеса. Леон проходил мимо неё каждое утро и ни разу не заметил, что навеса нет: летом здесь толпились туристы с мороженым, а по утрам он думал о чём угодно, кроме остановок. Сейчас на ней жались под зонтами человек десять, и у бордюра разлилась широкая мутная лужа, такая глубокая, что пожилая женщина в резиновых сапогах стояла в ней по щиколотку и, кажется, давно смирилась с тем, что мир несправедлив. Леон успел подумать, что сапоги — это не решение, и в эту секунду к остановке подошёл автобус.

Водитель затормозил ровно посередине лужи. Волна поднялась такая красивая, что позавидовал бы сам океан. Леон стоял мокрый от карманов джинс до самого низа. Женщина в сапогах сочувственно покачала головой и шагнула в автобус, не замочив ничего, кроме сапог.

Леон постоял, чувствуя, как холодная вода затекает в кеды. Потом достал телефон и сфотографировал остановку: лужу, людей под зонтами и пустое место там, где должен был стоять навес. Снимок вышел злободневный, и Леон, сам не зная зачем, сохранил его в папку «Кастельмар».

* * *

В университет он вошёл, оставляя на мраморе мокрые следы. Джинсы потемнели почти до самого ремня и липли к ногам, в кедах при каждом шаге хлюпало, и охранник на входе проводил его таким взглядом, что Леон понял: к обеду эту историю будет знать весь корпус.

Кайер стоял в конце коридора, у расписания, в белой водолазке под гавайской рубашкой с синими цветами, и говорил с кем-то по телефону. Увидев Леона, он попрощался с собеседником, убрал телефон и снял очки.

— Доброе утро, Ренар, — сказал он, протирая стёкла краем рубашки. — Вижу, вы решили не ждать лета и открыли купальный сезон.

Чуть дальше, у окна, стояли Эва и Тео. Тео что-то ей объяснял, активно жестикулируя, а Эва слушала, чуть наклонив голову набок, но на голос Кайера она обернулась.

— Подумываю написать заявление в мэрию, профессор, — сказал Леон. Он был так зол, что ему было всё равно, что коридор полон людей. — Хочу узнать, кто у них решает, на какой остановке ставить навес, а на какой нет. У меня есть версия. Решают бараны. Только баран может думать, что люди под дождём не мокнут, а лужа у бордюра — это ландшафтный дизайн.

Кайер молчал. Он дотёр очки, посмотрел их на свет, надел и с интересом оглядел Леона с головы до мокрых кед.

— Заявление — жанр для обиженных, Ренар, — вежливо сказал он. — Для умных есть проекты.

Он кивнул и пошёл по коридору, оставив Леона стоять в луже, которая медленно натекала с его джинсов. Леон смотрел ему вслед и не мог решить, что это было: выговор, совет или очередная шутка, смысл которой дойдёт до него только к выпускному.

У окна Тео сочувственно цокнул языком. Эва посмотрела на мокрые джинсы, на хлюпающие кеды, на сломанный зонт под мышкой и в притворном «ужасе» прикрыла рот ладонью. Потом отвернулась к окну и о чём-то спросила Тео, и Тео с готовностью начал объяснять сначала, но Леон заметил, как её плечи подозрительно вздрагивали.

Алекс и Даниэль нашли его в аудитории, на самом верхнем ярусе. Кеды стояли под столом, носки были разложены сушиться на спинке пустого стула в ряду перед ним, а Леон сидел босиком и мрачно смотрел в окно.

— Восемьдесят процентов, — сказал Даниэль, садясь рядом. Он достал из кармана кубик и, не глядя, повернул грань. — Что тебя обрызгала машина или автобус на повороте. Там огромная лужа каждый ноябрь.

— А остальные двадцать?

— Что ты решил в ней утопиться, лишь бы не сдавать Ламбер.

— Говорят, ты объявил войну мэрии, — сказал Алекс. Он сел с другой стороны и по очереди оглядел кеды, носки, мокрые джинсы и наконец самого Леона.

— Уже говорят?

— Аспирантка Кайера рассказала девушке из деканата. — Даниэль ловко поставил на места ещё пару цветов, даже не глядя на кубик. — Девушка из деканата — всем остальным. Ты назвал мэрию баранами при декане. По моим подсчётам, это лучшее, что ты сделал за три года.

— Сын мэра, — сказал Алекс задумчиво, ни к кому не обращаясь. — Пишет в мэрию. Про баранов.

— Я его не узнаю, — сказал Даниэль. — В прошлом месяце он не знал, где висит расписание. Теперь пишет заявления. Следующая стадия — галстук?

— Как у Тео, — сказал Алекс.

Леон схватил со спинки стула мокрый носок и запустил в него. Алекс поймал его не глядя и аккуратно повесил обратно.

* * *

В среду Леон шёл к Эве с твёрдым планом. Он составил его ещё в воскресенье, когда ушла мать и он наконец смог спокойно подумать о прошедшей субботе. В субботу он зашёл слишком далеко. Он стоял у её шеи, рассказывал про запах секса и смотрел, как у неё горят уши, и всё это вроде бы было по программе, было правильно, но потом он полчаса стоял под ледяной водой. Ей нужно было время. Не давить, сесть подальше, говорить побольше и не подходить ближе, чем на вытянутую руку. Тем более что урок был про слова, а словам расстояние не мешает.

Эва открыла дверь, и план покачнулся. На ней было платье, тёмно-серое, трикотажное, чуть ниже колена, того же мышиного цвета, что и все её свитера, и Леон почти успокоился, пока не заметил вырез. Небольшой, совершенно приличный, V-образный, в таком можно пойти и на защиту, и на обед к бабушке. Но Эва, которую он знал в свитерах с горлом до подбородка, вдруг оказалась девушкой с ключицами, с тонкой шеей и, как выяснилось, с пышной красивой грудью. Серые свитера прятали её так надёжно, что Леон ни разу об этом не задумывался, и теперь не мог понять, как ему это удавалось.

— Привет, — сказала Эва и голос её прозвучал ниже, чем обычно. — Ты вовремя.

— Четырнадцатый пришёл вовремя. — Леон смотрел ей в лицо, очень старательно в лицо. — Чудо.

На кухне пахло маком. Леон съел два куска макового рулета, пока они разбирали статистику, и ни разу не посмотрел ниже её подбородка. Это было трудно. Эва объясняла доверительные интервалы, наклоняясь над тетрадью, и каждый раз, когда она наклонялась, Леон находил что-нибудь очень интересное на потолке.

В кабинете он сел не на диван. Он взял стул на колёсиках от письменного стола, поставил его напротив, в двух шагах, и сел, положив ногу на ногу. Эва посмотрела на стул, потом на него, ничего не сказала и устроилась на диване с розовым блокнотом.

— Сегодня слова, — сказал Леон.

Эва написала: «Урок 4. Слова». Подчеркнула и подняла глаза.

— Мы уже говорили про тело, — начал он. — Тело выдаёт, тело обещает, тело врёт плохо. Но есть люди, которые влюбляются ушами. С ними можно сколько угодно стоять рядом, разворачиваться корпусом и поправлять воротник, они не заметят. А скажешь одно правильное слово, и человек твой. Таких много. Больше, чем кажется. И начинается всё с комплимента.

— Комплимент, — повторила Эва. — Похвала, лестный отзыв.

— Только не лестный. Лесть — это когда ты говоришь «ты красивая». Это ничего не значит. Это говорят всем, и все это слышали тысячу раз. «Красивая», «умная», «у тебя красивые глаза». Пусто. Человек слышит, что ты вместо него видишь усреднённое пятно.

Он достал из рюкзака сложенный вчетверо лист. Распечатал его в воскресенье вечером в бизнес-центре отеля, чувствуя себя при этом немного идиотом.

— Это Шекспир, — сказал он. — Сонет. Его все ругают за то, что он оскорбляет женщину. Послушай. — И прочитал медленно, давая каждой строке осесть: — «Её глаза на солнце не похожи, коралл краснее, чем её уста, снег с грудью милой не одно и то же, из чёрных проволок её коса…»

На слове «коса» Эва машинально коснулась своей, лежавшей на плече, и тут же убрала руку. Леон сделал вид, что не заметил, и дочитал до конца, до последних двух строк:

— «И всё-таки, клянусь, она милее, чем лучшая из смертных рядом с нею».

— Он же её и правда оскорбляет, — сказала Эва, помолчав. — Глаза не как солнце, губы не красные, волосы — проволока. Это опись недостатков.

— А теперь представь, сколько ей писали про солнце и кораллы, — сказал Леон. — Все поэты того времени. Глаза как звёзды, губы как розы, кожа как снег. Она это слышала сто раз

и знала, что это неправда, потому что видела себя в зеркале. А этот единственный сказал: я вижу тебя. Настоящую. Волосы у тебя жёсткие, походка тяжёлая, и я всё равно никого лучше не знаю. Ему можно верить. Он не врёт. Понимаешь? Хороший комплимент — то, что видел только ты. Деталь, которую никто, кроме тебя, не заметил.

Эва записывала. Она подчеркнула «видел только ты», а потом, не поднимая головы, пересела на другой край дивана. Ближе к его стулу. Леон постарался сделать вид, что не заметил этого. Он продолжал говорить про голос. Про то, что одну и ту же фразу можно сказать так, что она будет значить три разных вещи, и показал: «Ты сегодня поздно» — с упрёком, с заботой и наконец низким медленным голосом, после которого фраза перестаёт быть про время. Эва покраснела на третьем варианте и развернулась к нему всем корпусом, коленями к его стулу. Леон тут же отметил этот разворот. Эва явно решила использовать на нём им же рассказанную теорию.

Дальше он говорил про паузы. Про то, что пауза в нужном месте говорит больше любых слов, потому что в неё человек вкладывает свои истинные намерения. В этот момент Эва положила ногу на ногу, точно так же, как сидел он. Отзеркаливание. Леон поменял позу, и через минуту, не поднимая глаз от блокнота, поменяла позу и она.

Леон всеми силами пытался не сбиваться с намеченного плана. Он начал говорить про имя. Про самое главное слово, которое человек хочет слышать из уст любимого, и про то, что, произнесённое в нужный момент и с чувством, будто для тебя во всём мире существует только один человек, оно действует сильнее любого комплимента.

— Попробуй, — сказал он.

— Леон, — сказала Эва, подняв на него глаза.

Ровно, без нажима, как отвечают у доски. А потом, после паузы, ещё раз, тише и медленнее, и последний звук в его имени она чуть задержала, и Леон почувствовал, как у него на затылке поднимаются волоски. Он кашлянул и откатил стул на полметра назад.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо. Дальше. Подколка.

Эва, не вставая, подвинулась на самый край дивана, туда, куда только что уехал его стул. Потом едва заметно провела кончиками пальцев по вырезу платья. Что это — прихорашивание или пытка? Он смотрел на её пальцы у ключицы и не мог вспомнить, что хотел сказать про подколки.

— Подколка, — напомнила Эва.

— Подколка, — сказал Леон. — Это когда ты чуть-чуть задираешь человека. Легко, со смехом. Флирт без подколок пресный, это как... — он поискал и махнул рукой, — пресный, и всё. Но есть граница. Подколка — это когда смеются вместе. Издевательство — когда смеёшься над тем, что человеку больно.

— Как продвигается заявление в мэрию? — спросила Эва, невинно хлопнув ресницами.

Леон уставился на неё. Она смотрела на него совершенно серьёзно, слишком серьёзно.

— Это подколка или издевательство?

— Ты мне скажи. Ты учитель.

— Подколка, — сказал он не очень уверенно. — Мне не больно. Но мне было очень мокро и холодно. Поэтому на грани.

Эва медленно улыбнулась. И Леон был готов поклясться, что за толстыми стёклами очков плясал незнакомый ему огонь. Его план окончательно превратился в пепел.

* * *

Домашнее задание он придумал заранее, и оно ему очень нравилось. Леон даже немного им гордился. И, самое главное, оно было безопасным.

— Завтра будешь писать мне, — сказал он. — Весь день. Флиртовать в переписке. Без голоса, без тела, без лица, одними словами. Это проще. Когда не видишь человека, легче ска-

зать то, что вслух не скажешь. Можешь пробовать что угодно, я буду подыгрывать. И вечером поставлю тебе оценку. — Он хитро подмигнул.

— Что угодно? — переспросила Эва.

— В рамках урока.

Она кивнула и записала. Потом, не поднимая глаз от блокнота, спросила:

— А с кем-то ещё мне нужно флиртовать?

Леон открыл рот, чтобы сказать «нет», и закрыл. «Нет» было неправильным ответом. Он сам учил её, что практика нужна с разными людьми, сам в прошлый четверг устроил спектакль на полуниверситета, и если сейчас сказать «нет», это будет глупо, мелочно и совсем не поучительски. Он был взрослым человеком и её учителем, и в данный момент у учителя не было причин говорить ученице «нет».

— Можешь потренироваться, — сказал он ровно. — Только не трогай бедного Тео. Иначе он умрёт от счастья.

Эва подняла на него глаза. Долго смотрела, потом опустила их обратно в блокнот и что-то дописала. Леон дорого бы дал, чтобы узнать что.

* * *

Под конец он поставил ей фильм. Ноутбук Эвы стоял на столе, и Леон, отъехав на стуле к столу, нашёл нужную сцену почти сразу: вечеринка, маскарад, аквариум во всю стену, и сквозь воду и рыб двое впервые видят друг друга. Мальчик с одной стороны, девочка в крылышках ангела с другой. Они смотрят друг на друга через стекло, прячутся, снова находят друг друга, и между ними плывут рыбы.

— «Ромео и Джульетта», — сказала Эва. — Лурман. Девяносто шестой год.

— Ты видела?

— Нет. Читала оригинал.

— Тогда ты знаешь, что дальше. — Он остановил фильм и достал из рюкзака второй лист. — В пьесе, когда они наконец встречаются, они говорят сонетом. Одним на двоих. Он начинает, она подхватывает, он отвечает, и вместе у них получается четырнадцать строк, как будто они сочинили их вдвоём. Это самый известный флирт в литературе. Почитаем по ролям. Я Ромео, ты Джульетта. — Он протянул ей лист и встал. — И попробуй не читать, а говорить. Голосом, как мы сегодня учили.

Эва взяла лист и пробежала глазами. Он видел, как у неё порозовели уши, когда она дошла до конца страницы.

— Тут поцелуй. — Голос Эвы едва заметно дрогнул.

— Это ремарка, — успокаивающе ответил Леон. — До ремарки мы не дойдём. — Правда, он не был уверен, кого на самом деле успокаивает, Эву или себя.

Эва поднялась с дивана и встала напротив него. Он начал и сразу понял, что читает плохо, слишком громко и очень по-школьному.

— «Руки коснулся грешною рукой, — на искупленье право мне даруй. Вот губы — пилигримы: грех такой сейчас готов смыть нежный поцелуй».

Эва посмотрела в лист, потом на него. Начала она тоже как у доски, ровно и правильно, а потом что-то в ней переключилось, и голос стал другим, ниже и медленнее, с паузами, о которых они сегодня говорили.

— «Вы слишком строги, милый пилигрим, к рукам своим. Как грех ваш ни толкуй, в таком касании мы свято чтим безгрешный пилигрима поцелуй».

На слове «касании» она подняла раскрытую ладонь. Леон посмотрел на её ладонь и протянул к ней руку, но навстречу шага не сделал. Её ладонь была прохладная и чуть влажная. Они стояли посреди комнаты, соприкоснувшись руками, и Леон чувствовал, как она дышит, через это касание, через ладонь.

— «Нет губ у пилигрима и святой?» — Голос у него сел.

— «Есть, пилигрим, но только для псалмов».

— «Губам, святая, счастье то открой, что есть у рук. Извериться готов».

Эва не отводила глаз. За толстыми стёклами её очков он видел, как расширились зрачки, и подумал, что это от полумрака, в кабинете горела одна настольная лампа, и что надо было включить верхний свет, и что сейчас уже поздно.

— «Не движутся святые в знак согласья», — сказала она очень тихо.

И не двинулась. Она стояла совершенно неподвижно, с поднятой ладонью, прижатой к его ладони, и смотрела на него, и ждала следующей строки. Леон знал следующую строку. «Недвижны будьте — уж достиг я счастья». А за ней ремарка, два слова в скобках, и до них оставалась одна строка.

— Дальше ремарка, — сказал он и опустил руку. Голос прозвучал почти нормально. — На сегодня всё.

Эва медленно опустила ладонь. Посмотрела на неё, сжала, разжала и снова посмотрела на Леона.

— Ты не дочитал, — сказала она.

— Знаю.

Он отвернулся от неё, задвинул стул к столу и пошёл в прихожую. Кеды он зашнуровал с первого раза. Это было единственное, что за весь вечер получилось у него по плану.

* * *

В четверг Эва пришла в университет в сером свитере с высоким горлом, и Леон, увидев её на первом ряду, испытал одновременно облегчение и острое, глупое разочарование. Первое сообщение пришло посреди лекции по политологии.

«Задание начато. Время 9:12».

Леон посмотрел на её затылок через всю аудиторию. Эва сидела прямо и писала конспект, будто телефона у неё не было вовсе.

«Это отчёт. Где флирт?» — написал он.

«Я разминаюсь».

Он улыбнулся в экран. Подумав, написал то, о чём думал со вчерашнего вечера:

«Вчерашний вырез мне нравился больше, чем сегодняшний свитер».

Ответ пришёл через минуту. Эва так и не обернулась.

«Это комплимент? Недостаточно конкретный. См. сонет».

Леон тихо засмеялся, и Мира, сидевшая впереди, обернулась. Он сделал серьёзное лицо, дождался, пока она отвернётся, и долго смотрел на экран. Потом написал то, что, с достаточно большой вероятностью, видел только он:

«У тебя на левой ключице маленькая родинка. Я вчера весь урок старался на неё не смотреть».

Отправил и сразу пожалел. Перевернул телефон экраном вниз. Через ряды он видел, как Эва перестала писать конспект. Она сидела неподвижно, и ручка у неё в пальцах не двигалась. Пять секунд. Десять. Двадцать. Леон перевернул телефон обратно.

«Когда ты злишься, у тебя краснеют уши и темнеют веснушки. В понедельник у Кайера это было видно с другого конца коридора. Мне понравилось».

Он перечитал это трижды. Это было сказано неуклюже, как протокол наблюдения, без единой подколки, без паузы, без голоса, всего того, чему он её вчера учил. Но удивительным образом это попало точнее всего, что он когда-либо слышал от девушек. Леон почувствовал, что уши у него горят, и понял, что если Эва сейчас обернётся, то увидит это с первого ряда. Хорошо, что она не обернулась.

К обеду переписка стала легче. Эва сообщила, что девушка в зелёной рубашке у кофейного автомата смотрит на него уже третий раз и что, по её наблюдениям, соски у девушки развёрнуты к нему. Леон спросил, не перепутала ли она слово или, возможно, это T9 исправил

«носки». Но Эва отказалась признать ошибку. На следующей лекции Леон заметил, что Кайер всё время смотрит на неё и, может быть, хочет от неё чуть большего, чем только правильный конспект. «Он хочет, чтобы я перестала переписываться у него на лекции», — пришло в ответ. Леон поднял глаза и наткнулся на взгляд Кайера, вежливый и холодный, и спрятал телефон под стол. После лекции Тео остановил Эву в коридоре и минут пять что-то объяснял ей про консультации. Леон наблюдал издалека: «Тео жив?» — «Пока да. Я его не трогала», — ответила Эва, и он фыркнул так громко, что Даниэль посмотрел на него поверх ноутбука, но, заметив раздражение на лице рыжего товарища, ничего не сказал.

* * *

Ночью Леон лежал в номере без сна. Учебник по институциональной экономике покоился у него на груди, раскрытый на одной и той же странице уже полчаса. До первого экзамена оставалось четыре дня. Он должен был учить. Он открыл переписку.

Задание было выполнено. Задание было перевыполнено. Он должен был написать что-нибудь учительское, коротко и сухо, поставить оценку и закончить. Он написал: «Засчитано». Посмотрел на это слово и стёр. Написал: «Для переписки неплохо. Для урока четыре с плюсом». Стёр тоже. Написал наконец: «Как тебе роль Джульетты?» — и отправил, пока не передумал.

Ответа не было долго. Он успел перечитать абзац про институциональные ловушки, не понять в нём ни слова, сходить за водой и вернуться. Телефон лежал на одеяле экраном вверх и молчал. Леон уже решил, что она спит, когда экран засветился.

«Святые не движутся. Но я ведь не святая».

Леон смотрел на эти слова очень долго. Что это? Продолжение задания? Цитата? Шутка? Или то, о чём он запретил себе думать с субботы, с той минуты, когда стоял у её шеи. Он понимал только одно: если он сейчас ответит так, как хочется, утром ему будет нечего сказать ни ей, ни себе. Пора было заканчивать.

Он написал и стёр. Потом написал снова и отправил, не перечитывая:

«Ты и вправду хорошая ученица. Жаль, я не выбрал вариант „всё включено“».

Глава 13. Приемлемо

Утро пятницы выдалось ясным. Где-то далеко внизу, над пляжем, орали чайки, и солнце, по-ноябрьски низкое, било прямо в окно углового люкса на одиннадцатом этаже «Сагас Империал», туда, где на смятой подушке лежал телефон экраном вверх. Леон заснул под утро и спал плохо. Последнее, что он видел перед тем, как провалиться в сон, было собственное сообщение про «всё включено», под которым так и не появилось ни одной галочки.

Телефон звякнул в семь сорок. Леон нащупал его, не открывая глаз, потом приоткрыл один глаз и прочитал: «The gentleman doth protest too much, methinks».

Он перечитал строчку дважды. Альбийский у него был хороший, но эта фраза звучала так, словно её выдернули из какого-то учебника по литературе, и он полез искать. Поиск выдал «Гамлета» и строчку, которую, судя по всему, знали все, кроме него: «The lady doth protest too much, methinks». Дама, по-моему, слишком усердно возражает. Королева смотрит пьесу и говорит это про актрису, которая клянётся в вечной любви чересчур горячо.

Леон лежал на спине и смотрел в потолок. Она не обиделась, не испугалась и не сделала вид, что ничего не было. Эва ответила каламбуром, прочитав его «жаль» и не поверив в него. Ответила словами человека, который умер четыреста лет назад, но которому это не помешало соединить их ладони на целую минуту. Ответила в семь сорок утра. Леон рассмеялся вслух, один, в пустом номере, и чайки за окном ему ответили.

Он долго думал, что написать. И в итоге ответил просто и по делу, чтобы немного разрядить обстановку: «Билеты по административному праву с 14 по 20 мы так и не повторили». Ответ пришёл через минуту: «Завтра. В шесть. Не опаздывай».

И всё. Ни слова о «Гамлете», ни слова о его ночных словах. Леон знал, что это и есть главный ответ.

* * *

В субботу у Эвы пахло крепким кофе, а на столе вместо выпечки лежали билеты. Сорок восемь билетов по административному праву, разложенные веером, как карты у гадалки, и рядом таблица, в которой зелёного было уже больше, чем белого.

— Ламбер в пятницу, — сказала Эва вместо приветствия. — Последней. Это хорошо, у нас есть неделя. Это плохо, потому что к пятнице ты устанешь. Садись.

На ней была бледно-жёлтая кофта на молнии, привычно застёгнутая до самого подбородка, и короткие домашние шорты. Леон посмотрел на кофту, потом на шорты, открывавшие стройные ноги, такие белые, точно их никогда не касалось солнце. И тут же в голове мелькнула мысль, вызвавшая в теле опасный отклик. Молочная кожа словно намекала, что редко показывалась кому-либо на глаза. Он сел и уставился на билеты.

Эва гоняла его три часа. Билет за билетом, вразнобой, с конца, с середины, с вопросами, которых в билетах не было. Она не давала ему смотреть в конспект и не давала молчать дольше пяти секунд. Когда он сбивался, она не поправляла, а смотрела на него, ждала, и он под этим взглядом вытаскивал из головы то, о существовании чего не подозревал.

— Своими словами, — повторяла Эва. — Ламбер ненавидит, когда пересказывают учебник. Ей слишком много лет, любой человек устанет годами слушать одно и то же. Да и ты не учебник.

— А кто я?

— Человек, который в прошлом году сдал на тройку на третий раз. Ей будет интересно, что изменилось.

К девяти Леон охрип. Эва закрасила последний квадратик в строке «Муниципальная служба» и откинулась на стуле. За окном давно стемнело, и в стекле отражалась кухня: медный

чайник, банки с подписями, двое за столом над ворохом бумаг. Закрытый розовый блокнот лежал на подоконнике.

— Урока сегодня не будет. — Она убрала билеты в папку, ровно, уголок к уголку. — Перенесём на после сессии, если ты не против. Думаю, сейчас нам обоим нужно, чтобы голова была светлой к понедельнику.

Он был не против. Если честно, он был рад, что можно выдохнуть. После запаха лимона, после среды и касания их ладоней, после ночной переписки и «Гамлета» ему нужно было время, чтобы понять, что он, собственно, делает. И как вести следующие занятия так, чтобы «голова оставалась светлой» и к понедельнику, и ко всем последующим дням. Неделя сессии выглядела как законная отсрочка.

Но уйти просто так он тоже не мог. По договору суббота была днём урока, и Леон знал Эву уже достаточно, чтобы понимать: пропущенный урок она запишет ему в долг, а потом потребует с процентами. Нужно было дать ей что-нибудь сейчас. Что-нибудь короткое и безопасное, без ладоней, без Шекспира и без всяких «касаний». Он перебрал в голове темы, как перебирают ключи на связке, и остановился на той, которая казалась самой невинной. Одежда. Чистая теория. Про одежду можно говорить так же спокойно, как про машины или погоду, и ни к чему это не обязывает.

— Тогда давай хотя бы теорию, — сказал он. — Пять минут. Можешь не записывать.

Эва кивнула. Через секунду блокнот лежал перед ней, раскрытый на новой странице.

— Про что?

— Про одежду.

Она вывела наверху страницы «Одежда» и, как обычно, подчеркнула. Леон подумал, что начало выходит слишком торжественным для пяти минут, и решил начать с самого очевидного.

— В среду ты была в платье, — сказал он и тут же понял, что очевидное было не самым удачным выбором, потому что Эва замерла и в её неподвижности было что-то, отчего ему захотелось смотреть куда угодно, только не на неё. Он посмотрел на медный чайник. — Это сработало. Ты сама видела. Но вот что важно. Одно платье раз в год ничего не меняет. Человек его видит, удивляется, а на следующий день ты снова в сером свитере, и он решает, что ему показалось. Одежда — это то, что ты каждый день говоришь людям, прежде чем открыть рот. А твои свитера говорят: «Не подходите. Меня здесь нет».

— Они и должны так говорить, — тихо сказала Эва.

— В апреле тоже?

Она промолчала. Потом посмотрела на свой рукав, натянутый до самых пальцев, и разгладила его.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Теория. Пример. Практика. Что именно говорит одежда? По пунктам.

Пять минут, напомнил Леон себе, и начал загибать пальцы.

— Первое — размер. Когда вещь тебе велика, ты словно извиняешься за то, что занимаешь место. Люди это считывают раньше, чем лицо. Когда вещь по размеру, ты говоришь: «Да, я здесь, и мне нормально». Даже если тебе ненормально. Второе — цвет. Серый, бежевый, всё вот это. — Он кивнул куда-то в сторону спальни, как бы намекая на её университетский гардероб. — Это цвет стен. Ты сливаешься с ними, и в результате на тебя никто не смотрит. Иногда это удобно. Но тогда не удивляйся, что с тобой разговаривают, как со стеной. Третье — ткань.

Он запнулся. Про ткань он собирался сказать, что одни вещи хочется потрогать, а другие нет, и что это работает на людях точно так же, как в магазине, и только сейчас, на полуслове, понял, как это прозвучит. Эва ждала. Ручка висела над страницей.

— Ткань, — повторила она.

— Ткань бывает разная, — сказал Леон очень серьёзно. — Мягкая и жёсткая. Это всё, что тебе нужно знать про ткань.

— Ты что-то пропустил.

— Ничего я не пропустил.

— Ты замолчал на середине предложения. Ты так делаешь, когда врёшь. — Она постучала ручкой по блокноту. — Мягкая — это что? Что она говорит?

Леон посмотрел на неё, на жёлтую кофту, застёгнутую до подбородка, на мягкий трикотаж, на рукава, натянутые до пальцев, и понял, что безопасная тема закончилась на третьем пункте.

— Мягкая говорит: «Ко мне можно прикоснуться», — сказал он и сделал усилие, чтобы не отвести глаз от её внимательного взгляда. В конце концов, с каких пор Леон Ренар начал так стесняться таких простых тем? — Поэтому вязаные свитера, кстати, неплохо работают, если они по размеру. Или в них есть пикантная деталь: вырез, спущенное плечо, почти прозрачная вязка. Люди к ним тянутся. Просто тянутся, как к котам.

— Как к котам, — повторила Эва и записала слово в слово.

— Четвёртое, — сказал Леон, пока она не задала следующий вопрос. — Всё, что открыто. Шея, руки, ключицы…

— Ноги, — подсказала Эва.

Он посмотрел на неё. Она не улыбалась, смотрела на него так же, как час назад, когда он путал муниципальную службу с государственной.

— Ноги, — согласился он осторожно.

— Ты три раза посмотрел на мои шорты, пока мы шли по билетам. — Эва перевернула страницу. — Это пример?

Леону стало жарко. Он собирался возразить, что смотрел на билеты, что билеты лежали как раз на этом уровне, что это вообще вышло случайно, и понял, что каждое из этих объяснений хуже предыдущего.

— Да, это отличный пример того, что работает, — вздохнул он, понимая, что окончательно запутался в происходящем. — Но в университете я бы с этого не начинал. С ног начинают, когда хотят, чтобы на тебя смотрели. А тебе пока нужно, чтобы тебя просто видели. Это разные вещи. Если в понедельник ты придёшь в шортах, на тебя будут пялиться все, от первокурсников до Кайера, и к среде ты спрячешься обратно в свитер: психика не выдержит такого скачка. Начинать надо с того, что открыто чуть-чуть. С рук. С запястий.

Он кивнул на её рукава. Эва посмотрела на них с недоверием.

— С запястий, — сказала она без всякого выражения.

— Знаю, звучит странно. Но запястья — это самое безопасное, что у человека есть. Их видно, когда ты пишешь, когда держишь чашку, когда поправляешь очки. Ничего неприличного. Но человек сразу выглядит живым. Не мешком с конспектами. Подвернула рукава — и всё, ты уже не прячешься. Ты просто работаешь.

Эва долго ничего не писала. Потом медленно, проверяя, что будет, подтянула рукав кофты, совсем немного, до косточки на запястье. Посмотрела на него. Опустила обратно.

— Пятое, — сказала она.

— Пятого нет.

— У тебя на руке ещё палец.

Леон посмотрел на свою ладонь. Действительно, один палец остался незагнутым.

— Пятое — это то, как ты в ней себя ведёшь, — сказал он. — Можно надеть самую лучшую вещь и всё испортить, если весь день её одёргивать. Вот как ты сейчас с рукавом. Одежда должна быть такой, чтобы ты про неё забыла. Тогда про неё забудут и все остальные, а запомнят тебя.

Эва записала. Потом подняла голову и посмотрела на него, на этот раз внимательно, сверху вниз, так, как он обычно смотрел на девушек, оценивая. Взгляд прошёлся по его лицу, задержался на воротнике рубашки, расстёгнутом на две пуговицы, на закатанных рукавах, на

руках, лежавших на столе, ушёл вниз, к джинсам, и вернулся обратно. Леону вдруг захотелось застегнуть верхнюю пуговицу.

— А твоя одежда что говорит? — спросила она.

— Что мне всё равно.

— Тебе не всё равно, — сказала Эва. — Иначе ты бы не закатывал рукава каждый раз ровно на два оборота. И ещё ты никогда не бываешь два дня в одном и том же. Те, кому всё равно, могут неделю ходить в одной футболке.

Она снова опустила глаза в блокнот и написала что-то короткое, в две строчки. Леон вытянул шею, но Эва прикрыла страницу ладонью.

— Что ты там написала?

— Не сейчас, — сказала она и закрыла блокнот.

— Это мой урок.

— Это моя тетрадь.

Он хотел поспорить, но Эва уже встала и пошла ставить чайник, и спорить с её спиной не было никакого смысла. Леон сидел и смотрел, как она достаёт чашки, как тянется к верхней полке, и кофта задирается, открывая полоску кожи над поясом шорт, и думал, что всё-таки у него проблема с оценкой тем. Одежда однозначно была одной из самых опасных.

— Я не говорю, что надо ходить в университет с глубоким декольте. — Леон тут же пожалел о слове «декольте», представив родинку на ключице, но нужно было закончить мысль. — Начни с малого. С вещей по размеру. Свитер, в котором тебя видно. Рубашка, которая не на три размера больше.

— Рубашка, — повторила Эва, не оборачиваясь. Потом вернулась к столу, снова открыла блокнот и, прикрывая от него первые две строчки, дописала внизу одно слово. Леон видел, как она дважды его подчеркнула.

— Сорок минут, — сказала она, взглянув на часы.

— Что?

— Твои пять минут — сорок минут. — Эва поставила перед ним чашку.

* * *

Сессия началась в понедельник и сразу пошла быстрее, чем Леон рассчитывал. Четыре экзамена за пять дней, и между ними он успевал только спать и повторять билеты.

Статистику сдавали письменно, в большой аудитории на втором этаже, и за двадцать минут до начала Алекс и Даниэль уже сидели на ступеньках у входа и спорили. Даниэль крутил в руках кубик, собирая и разбирая одну и ту же грань, и называл цифры.

— Тройка, — сказал он. — Шестьдесят процентов. Двадцать пять на четвёрку. Остальное — пересдача.

— Четыре, — сказал Алекс.

— На что?

— На кофе. Нормальный. — Алекс скривился, точно снова пил кофе из автомата. — Из «Мокко» на углу.

— Принято, — сказал Даниэль и убрал кубик в карман.

Леон прошёл мимо них, сделав вид, что не слышит, и сел в третьем ряду. Эва сидела в первом и не обернулась. Когда раздали задания, он прочитал первую задачу, и перед глазами всплыли колокола, которые Эва рисовала на полях, когда объясняла ему дисперсию. Он нарисовал такой же колокол в углу листа, на удачу, и начал решать.

В среду в списках напротив его фамилии стояла четвёрка, и Даниэль молча принёс Алексу большой кофе с корицей из «Мокко», самой дорогой кофейни в округе.

Политологию принимал Кайер. Он сидел за столом в гавайской рубашке с зелёными попугаями, протирал очки и выслушивал каждого так внимательно, будто от ответа зависела судьба

кафедры. Перед аудиторией собралась вся компания, и Мира, которая до этого только закатывала глаза, слушая про кофе, вдруг сказала:

— Четыре. Кайер не ставит пятёрок тем, кто ещё месяц назад пришёл к нему без единого слайда.

— Пять, — упёрся Алекс.

— Четыре, — согласился с Мирой Даниэль.

— На обед, — сказала Мира. — Проигравший ведёт всех в «Синюю чайку». Нормальный обед, с горячим.

Кайер слушал Леона, не перебивая, и только один раз снял очки, когда Леон сбился с учебной формулировки и привёл пример из жизни. Потом надел их и поставил четыре.

— Пятёрки я ставлю за проекты, Ренар, — сказал он вежливо. — А у вас пока только заявление.

Обед в «Синей чайке» оплачивал Алекс. И был, на удивление, в несвойственном ему приподнятом настроении.

* * *

Институциональную экономику Леон боялся больше всего. Он до сих пор не очень понимал, чем институт отличается от организации, а правило от нормы. Эва потратила на неё три субботы и исписала два блокнота схемами, и всё равно в четверг утром, стоя у дверей аудитории, Леон чувствовал, как всё выученное медленно утекает из головы.

— Ставки, — объявил Даниэль. — Сдаст или пересдача. Пересдача — шестьдесят пять процентов.

— Спасибо, — сказал Леон.

— Это статистика. Ничего личного.

— Сдаст, — сказал Алекс.

— Сдаст, — сказала Элиза. Все повернулись к ней. Она до этого держалась в стороне, с видом взрослого человека, которого не интересуют детские игры. Теперь она смотрела на Даниэля с вызовом. — Я тоже ставлю. Что, нельзя?

— Можно, — сказал Даниэль. — На что?

Элиза окинула Леона медленным взглядом, от кед до воротника, и улыбнулась так, что Леону стало не по себе.

— Если я выиграю, — сказала она, — я дарю ему галстук. Сама выберу. И он его наденет.

— Как у Тео, — сказал Алекс.

— Хуже, — пообещала Элиза.

Экзамен Леон помнил плохо. Помнил, что вытащил билет про права собственности, тот самый, который они разбирали в первую субботу, и что минут десять просто смотрел на него, пока буквы не сложились в смысл. Помнил, что сухой усталый преподаватель слушал его с выражением человека, который за сегодня не слышал ничего хорошего. Помнил, что на дополнительном вопросе начал тонуть и еле-еле выплыл. И помнил, как в зачётке появилась тройка. Тройка, без пересдачи.

Он вышел в коридор, и друзья поднялись ему навстречу, и Леон молча показал им зачётку. Элиза взвизгнула. Алекс хлопнул его по плечу так, что зачётка чуть не улетела. Даниэль посмотрел на тройку, потом на Леона, потом снова на тройку.

— Это тройка, — сказал он.

— Это тройка, — согласился Леон.

— По экономике. С первого раза.

— Да.

Даниэль помолчал, а потом протянул ему руку. Рукопожатие было крепким, процентов на восемьдесят.

Вечером Элиза заехала в «Сагас Империал» с бумажным пакетом. Галстук оказался тёмно-зелёным, шёлковым, одновременно хорошим и совершенно чудовищным: по зелёному полю бежали крошечные рыжие лисы, десятки лис, с хвостами и острыми мордами.

— Это что? — спросил Леон.

— Это ты, — сказала Элиза. — Много раз. Наденешь к родителям.

Леон хохотал так, что на них оборачивались постояльцы в холле.

* * *

Ламбер в пятницу принимала в старой аудитории на третьем этаже, где на окнах до сих пор висели тяжёлые бордовые шторы, а парты были исцарапаны поколениями студентов. Экзамен был устный и открытый: Ламбер вызывала по одному к своему столу, а остальные сидели в рядах и ждали очереди, и каждое слово у стола было слышно до последней парты. Она делала так всегда, все пятьдесят лет преподавания. Говорила, что страх публичного провала лучше всего дисциплинирует ум.

Утром, ещё до университета, пришло сообщение.

«Даниэль даёт тебе шестьдесят процентов. Я с ним не согласна: у меня таблица, и в ней зелёного больше. Не смей меня позорить».

Леон прочитал его, когда выходил из отеля, потом ещё раз на ступеньках и ещё раз в аудитории. Каждый раз его злило «не смей меня позорить», как будто экзамен собиралась сдавать её таблица, а не он, и всё равно каждый раз ему становилось чуть спокойнее.

Мадлен Ламбер была очень маленькой. За огромным старым столом она казалась ещё меньше: строгий тёмный костюм, старомодная брошь с потемневшим камнем на лацкане, и поверх всего этого тёплая шерстяная шаль, в которую она куталась, хотя в аудитории было достаточно душно. Ей было почти восемьдесят, и выглядела она так, будто её можно сдуть со стула одним вздохом, но под её взглядом замолкали даже самые дерзкие.

Эва сдавала первой. Леон смотрел, как она садится у стола, прямая и сосредоточенная, как раскладывает перед собой листок с планом ответа и начинает говорить, и как Ламбер слушает её, не поднимая глаз. Эва говорила минут семь, ровно и подробно, ни разу не сбившись. Ламбер задала один вопрос, Эва ответила. Тогда Ламбер взяла красную ручку, открыла зачётку и сказала:

— Приемлемо.

По аудитории прошёл шёпот. Леон знал, что значит это слово у Ламбер. «Приемлемо» было её «блестяще», её «превосходно», её высшей похвалой, и за три попытки он ни разу не слышал, чтобы она сказала его кому-то вслух. Эва кивнула, взяла зачётку и вышла, не взглянув ни на кого. Дверь за ней закрылась.

Алекс и Элиза сдали одними из первых, Элиза на пять, Алекс на четыре, и теперь ждали снаружи, у двери, а Мира и Даниэль сидели рядом с Леоном на последнем ряду и ждали своей очереди.

— Последняя ставка, — шёпотом сказал Даниэль. — Три, если повезёт. Шестьдесят процентов.

— Четыре, — шепнула Мира.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась красная голова Элизы. «Пять», — беззвучно сказала она, и из-за её плеча показались пять растопыренных пальцев Алекса.

— На что? — одними губами спросил Леон.

— На бутылку, — сказал Даниэль. — Хорошую. Проигравшие скидываются.

— Ренар, — сказала Ламбер.

Леон встал. Пока он спускался по ступенькам между рядами, ему казалось, что аудитория стала вдвое больше, а стол Ламбер отъезжает от него всё дальше. Подошёл. Сел. Вытянул билет. «Органы местного самоуправления: структура, компетенция, ответственность». Он прочитал

это и вдруг вспомнил, как Эва однажды сказала: «Это ты должен знать лучше всех. Ты двадцать лет живёшь с этой структурой за одним столом».

Он начал говорить. Своими словами, как она учила, без всяких «в соответствии с положением о», просто рассказывал, как это всё устроено на самом деле: кто решает, где ставить навес на остановке, кто за это отвечает и почему в итоге нет ни одного ответственного. Он говорил про мэрию, про отделы, про то, как бумага идёт по кабинетам, и пару раз ловил себя на том, что говорит про отца, и не останавливался. Ламбер слушала, глядя в стол. Её пальцы, сухие и тонкие, придерживали край шали.

Когда он закончил, она подняла голову.

— По существу вопроса, — сказала она. — Пункт второй. Ответственность органа перед населением. Вы утверждаете, что её нет. Обоснуйте.

Это был вопрос, на который можно было ответить, только понимая суть процессов. Он знал это, и она знала это, и, кажется, вся аудитория тоже знала это. Леон помолчал. Потом сказал, что ответственность есть, но она будто в анабиозе, потому что внутри системы нет движения, и энергия затухает. Что жители не знают, к кому идти, а чиновники знают, что к ним никто не придёт. Что закон написан, но его не читают ни те, ни другие. И что жители, если бы знали, на какую статью сослаться, действовали бы совсем по-другому. И мэрия не смогла бы отделываться отписками: каждая обходилась бы ей куда дороже испорченной бумаги.

Ламбер долго смотрела на него. Потом взяла красную ручку. Леон смотрел, как она медленно, аккуратно выводит в зачётке цифру. Потом она отложила ручку, сложила руки на столе и сказала:

— Отлично.

По рядам снова прошёл шёпот, громче, чем в первый раз. Леон потянулся за зачёткой, но Ламбер её не отдала. Она смотрела на него снизу вверх, маленькая, в своей шали, и лицо у неё вдруг стало совсем другим. Таким Леон его никогда не видел.

— Я преподаю пятьдесят лет, Ренар, — сказала она, и голос у неё вдруг потеплел и начал слегка дрожать от волнения. — Ваш отец сидел на этом месте. Двадцать пять лет назад. Ваш дед сидел на этом месте. Так давно, что неприлично об этом говорить. Но я отлично помню их горящие глаза, помню, как они отвечали. — Она помолчала. — В прошлом году я не смогла добиться от вас похожей искры, но я надеялась, что этот день настанет. Вы не хотели. Могли, но не хотели. А я продолжала в вас верить, Леон! И теперь вижу, что не зря.

Леон сидел перед ней и не знал, куда девать взгляд. За его спиной сидели сорок человек, и все они это слышали. Он, который мог ответить на любой флирт, на любую колкость, на любую выходку девиц вроде Шанталь, сидел перед восьмидесятилетней женщиной в шали и чувствовал, как у него горят уши, шея и, кажется, даже ладони.

— Спасибо, — сказал он. Голос сел. — Спасибо. Профессор.

Ламбер отдала ему зачётку и снова стала Ламбер.

— Следующий, — сказала она сухо. — Маро.

Даниэль поднимался со своего места с лицом человека, у которого только что рухнула вся теория вероятностей.

* * *

В коридоре Леон прислонился к стене и закрыл глаза. Потом достал телефон и, не думая, написал: «Ламбер. Отлично». Отправил. Посмотрел на экран. Ответа не было.

— Я не поняла, — сказала Элиза, отлипая от подоконника. — Это что сейчас было? Мы через дверь всё слышали. Она тебе в любви призналась?

Леон снова посмотрел на телефон. Пусто. Он не знал, почему его так задевает это молчание. Эва сдала первой, она ушла, у неё, может, дела. Может, она не видит. Может, ей всё равно.

— Леон, ты меня вообще слушаешь? — Элиза притворно-обиженно надулась.

— Оставь его, Лизи, — усмехнулся Алекс. — Не видишь, он в шоке.

Леон посмотрел на друзей, и оба прыснули, увидев его растерянный взгляд.

— Ренар! — По коридору шёл высокий загорелый парень с параллельного потока, в чёрной шёлковой рубашке, с которым Леон за последние два года выпил столько, что хватило бы на небольшой бар. Он подошёл, хлопнул Леона по плечу и широко улыбнулся всей компании сразу. — Отстрелялись? Всё, свобода! Сегодня у Ромеро, на крыше. Отмечаем конец сессии. Будут девочки с факультета искусств. Ты же знаешь, какие они, эти творческие натуры. — Парень заговорщически поиграл бровями. — Начинаем в девять. Ты же с нами?

Раньше Леон даже не стал бы думать. Он бы просто кивнул и спросил, что брать: сессия сдана, повод лучше не придумаешь, все его знают, все его ждут. Но он стоял у стены с зачёткой в руке, всё ещё не пришедший в себя после похвалы Ламбер, и ему было так хорошо, как не бывало ни на одной крыше Кастельмара. Добавить к этому было нечего. Разве что сообщение, которого всё не приходило.

— Нет, — сказал он.

Парень моргнул.

— В смысле?

— Не пойду.

— Ты заболел?

— Нет. Просто не пойду. Повеселитесь.

Парень постоял ещё немного, переводя взгляд с Леона на Алекса и обратно, словно ждал, что кто-то из них объяснит ему шутку. Никто не объяснил. Он пожал плечами, сказал «ну как знаешь» и ушёл по коридору, оглянувшись дважды.

— Он что, сейчас отказал Лукасу? — спросила Мира, вышедшая с Даниэлем из аудитории. — Сначала пятёрка у Ламбер. А теперь это?

Вопрос повис в воздухе, и в коридоре воцарилось молчание. Мира смотрела на Леона так, словно впервые его видела. Даниэль смотрел на Леона, как на феномен, ломающий все расчёты. Алекс смотрел на Леона как человек, никогда и не сомневавшийся в его способностях. Элиза просто пыталась прийти в себя.

— Мы выиграли, — первым вышел из оцепенения Алекс, явно довольный таким раскладом.

— Так, — сказала Элиза. — Надеюсь, ты не дал обет воздержания своей стрёмной Госпоже Изюм? Потому что через неделю, в пятницу, у меня день рождения. Празднуем у родителей. И ты явишься. Без отговорок, без репетиторов и без своих загадочных суббот. Понял?

— Понял, — сказал Леон.

— Галстук наденешь.

— Не надену.

— Наденешь, — сказала Элиза тоном, не допускающим возражений, и в этот момент у Леона в руке звякнул телефон.

«Слышала. Весь третий этаж слышал. Ты что, флиртовал? Бедная Ламбер, в её возрасте».

Леон засмеялся. Громко, неожиданно для себя, прямо посреди коридора, и смеялся, пока на глаза не навернулись слёзы. Элиза посмотрела на него, потом на телефон в его руке, потом на Алекса. Алекс пожал плечами. Элиза прищурилась и ничего не сказала, но Леон знал этот её прищур. Элиза запоминала.

* * *

В субботу Леон ехал в поместье на двух автобусах. Последние пятнадцать минут от остановки он шёл пешком вдоль высокой стены, по которой карабкалась бугенвиллея, уже не такая лиловая, как летом, но всё ещё упрямо цветущая. Океан внизу был тихим и серым, с небольшим отблеском красного на линии горизонта. Солнце уже почти село.

Он не стал надевать пиджак. Галстук он повязал поверх бледно-розовой рубашки. Просто завязал узел, подвернул рукава на два оборота, посмотрел на себя в зеркало и рассмеялся: на него смотрел кто-то, кто уже не был прежним Леоном Ренаром, но новым пока не стал.

Последний раз он был дома почти месяц назад, в тот четверг, когда отец забрал ключи от машины. С тех пор он пропускал субботние ужины, ссылаясь на репетиторшу, и Инес каждый раз вздыхала в трубку так, что было слышно, как она закатывает глаза. Сегодня он не стал звонить матери с предупреждением, просто приехал.

Инес открыла ему сама. Она стояла в дверях, в шёлковом платье цвета граната, и смотрела на расстёгнутую куртку, из-под которой виднелся галстук. Лисы на галстуке смотрели на неё.

— Mare de Déu, — сказала Инес.

— Это ставка, — объяснил Леон. — Я выиграл. То есть Элиза выиграла. То есть я сдал.

Инес молча обняла его, крепко, обеими руками, и Леон почувствовал запах её духов и цветов из сада. Потом она отстранилась, поправила рыжую прядь, выбившуюся из небрежного пучка, оглядела сына с ног до головы, когда тот снял куртку.

— Ты поправился, — прищурилась она с подозрением. — Немножко. Вот тут. — Она ткнула его пальцем в бок. — Кто тебя кормит?

— Отель, — сказал Леон. — Твой.

— Мой отель кормит тебя третий год, и все три года ты был похож на вешалку. — Инес ещё раз смерила его взглядом, но, видимо, решила, что допрос подождёт. — Лисёнок ты мой. Пойдём, утка стынет.

Леон прошёл за матерью через холл и остановился на пороге столовой. Стол был накрыт на троих, у окна, откуда в сумерках был виден океан. Отец стоял у окна. И смотрел на огни Кастельмара, подсвечивающие половину побережья. Элерон повернулся и улыбнулся сыну. Улыбка не была широкой, не была радостной, но в ней чувствовалось одобрение и гордость. Леон почувствовал, как его плечи расслабились. И он ответил отцу приветственным кивком. Взгляд Ренара-старшего упал на галстук и задержался на нём буквально на несколько секунд.

— Ну, все в сборе. Наконец-то можно поесть. — Отец занял своё место. — Мать была уверена, что ты сегодня приедешь, и морила меня голодом в ожидании.

Ужинали они долго. Инес знала обо всех оценках, Леон написал ей ещё в пятницу, но было ясно, что он был не единственным её источником. И, несмотря на это, она заставила сына пересказать каждый экзамен, с самого начала, с понедельника. На статистике она кивала. На Кайере смеялась, а когда Леон в лицах изобразил, как тот протирает очки, сказала, что Адриан не меняется лет двадцать, а отец хмыкнул в подтверждение её слов. На экономике мать выразительно посмотрела на мужа. Тройка без пересдачи по самому страшному предмету в её картине мира означала победу в небольшой войне. Элерон ничего не комментировал, но, кажется, был согласен с женой.

На Ламбер отец отложил приборы, взял бутылку и налил сыну вина. Леон смотрел, как тёмное вино поднимается в бокале, и не мог вспомнить, когда отец в последний раз наливал ему сам.

— Она всё так же мёрзнет? — спросил Элерон.

— Сидит в шали, — сказал Леон. — Батареи жарят, а она в шали.

Отец кивнул и снова взялся за вилку, но есть не стал.

— Она сказала тебе что-нибудь? — спросил он, не поднимая глаз от тарелки. — Кроме оценки.

Леон помедлил. Пересказывать речь Ламбер при отце было неловко, почти так же неловко, как слушать её при сорока свидетелях. Он покрутил бокал за ножку.

— Сказала, что ты когда-то вот так же сидел перед ней, а до тебя был дед, — ответил он наконец. — И что она до сих пор помнит, как вы оба отвечали.

Инес смотрела на мужа, и Леон увидел, как она под столом накрыла его руку своей.

— Она поставила мне «приемлемо», — сказал отец. — На первом курсе. Я тогда решил, что хуже оценки в моей жизни не будет. Неделю ходил оскорблённый. Потом мне объяснили.

Он поднял глаза на сына, и в них было что-то, чего Леон раньше в отце не замечал.

— Тебе она что поставила?

— «Отлично». — Леон пожал плечами. — Просто «отлично».

За столом повисло молчание. Инес изумлённо посмотрела на сына, и тут неожиданно для всех Элерон торжественно произнёс:

— Значит, ты ещё просто не дорос до «приемлемо».

После чего хитро улыбнулся сыну и подмигнул, сразу же приняв серьёзный вид. Инес фыркнула и что-то произнесла по-мирандски про старых лисиц. А Леон так и не донёс вилку до рта. Он давно не видел отца в таком хорошем настроении.

— Я всегда говорила твоему отцу, что тебе нужна строгость, — сказала она. — И твой отец был прав, когда…

— Мам.

— Что «мам»? Был прав. Ты злился, я знаю. Я бы тоже злилась. Но посмотри на себя. — Она кивнула на галстук. — Ты сдал Ламбер. В этом году — с первого раза! И, что удивительно, после этого ты трезвый, дома и в галстуке! Я двадцать лет ждала этого вечера.

Леон хотел огрызнуться, но не стал. Месяц назад он бы огрызнулся. Но сейчас казалось, что что-то безвозвратно в нём изменилось. Мать была права, и на удивление это не было обидно.

— Кстати, пап, — сказал Леон, накалывая на вилку кусок утки. — Твой четырнадцатый маршрут — лучший читальный зал в городе. Особенно с тех пор, как его пустили по набережной. Двадцать лишних минут на подготовку каждый день. Я бы без него не сдал.

Инес прыснула в бокал. Элерон посмотрел на сына. Пауза была такой долгой, что Леон уже решил, что перегнул, но отец ответил в тон ему:

— Рад, что моя транспортная политика служит на благо образования.

Инес засмеялась в голос, по-настоящему, откинув голову, и Леон засмеялся следом, а отец взял вилку и снова принялся за утку. Остаток ужина говорили о пустяках. Мать рассказывала про конференцию книгоиздателей, которая съела у отеля половину ноября, и про одного издателя, который потребовал в номер живую черепаху. Отец рассказал, что на развязке у старого порта опять просел асфальт. Леон слушал, ел и ловил себя на том, что ему не хочется посмотреть на часы. Раньше на этих ужинах он считал минуты до десерта, а после десерта до той секунды, когда можно встать, поцеловать мать, сесть в машину и уехать туда, где шумно и весело. Сейчас он сидел, подперев щёку кулаком, слушал про черепаху и никуда не торопился.

После ужина Инес ушла в сад говорить по телефону с отелем, а Леон поднялся из-за стола. Он уже стоял на лестнице, когда отец его окликнул.

— Леон.

Он обернулся. Элерон стоял внизу, у подножия лестницы, в свете люстры, и смотрел на него снизу вверх.

— Галстук тебе идёт.

Больше отец ничего не сказал и ушёл в кабинет. Леон постоял на лестнице, держась за перила, послушал, как в кабинете зашуршали бумаги, и пошёл наверх.

Его комната на третьем этаже была такой же, какой он оставил её месяц назад, и такой же, какой она была, когда ему исполнилось шестнадцать. На полке стояли кубки за кудо, два больших и пять маленьких, и между ними фотография в рамке: Леон, Алекс и Элиза лет в пятнадцать, мокрые, на пляже с досками, все трое корчили рожи. Выше были книги, которые ему когда-то дарили на дни рождения и которые он ни разу не открыл. На стене висела доска

с приколотыми билетами на концерты, браслетами с вечеринок и чьими-то записками с номерами телефонов, имён на которых он уже не помнил.

Леон стянул галстук, бросил его на кровать и подошёл к доске. Он смотрел на неё долго. Здесь была вся его жизнь лет с семнадцати: яхта Ромеро, клуб на Портовой, фестиваль, на котором он потерял телефон и полтора дня жизни, из которых мало что помнил. Фотография с какой-то вечеринки, где он, загорелый, с бутылкой шампанского, обнимает двух девушек сразу, и все трое смеются в камеру. Ему тогда казалось, что это лучшая ночь в его жизни. Он смотрел на фотографию и не мог вспомнить, как звали девушек и что было смешного.

Он открыл шкаф. Там висели рубашки, которые покупала мать, и пиджак с выпускного, и ещё несколько пиджаков, которые он ни разу не надевал. Леон провёл рукой по рядам вешалок и вдруг подумал, что вся эта одежда тоже о чём-то говорит. Но сейчас ему не хотелось об этом думать.

У окна он остановился. Отсюда, с третьего этажа, было видно всё побережье: тёмный океан, огни отелей, старый порт и длинную светлую дугу новой набережной. По набережной медленно полз маленький автобус, освещённый изнутри, как ёлочная игрушка. Леон не мог разглядеть номер, но знал, что это четырнадцатый. Последний рейс. Раньше он никогда не замечал отсюда автобусов. Ему и в голову не приходило, что кто-то усталый едет в них сейчас с работы и смотрит в тёмное окно на огни поместья на холме.

Он сел на подоконник, как сидел подростком, когда хотелось сбежать из дома, и достал телефон. От Эвы ничего не было. Леон открыл переписку, долистал до «Гамлета» и перечитал его. Потом до «Не смей меня позорить». Потом до «Бедной Ламбер». Он подумал, что можно написать ей сейчас, рассказать про отца, про «приемлемо» на первом курсе, и что она, наверное, ответит что-нибудь такое, от чего он снова будет смеяться. Он не написал. Он просто сидел на подоконнике в доме, из которого месяц назад уехал злой, как чёрт, и смотрел, как четырнадцатый автобус заворачивает за мыс и пропадает.

Месяц, подумал Леон. Всего месяц. Ему казалось, что за это время сменился год.

* * *

После сессии, как обычно, было несколько лишних выходных, и Леон их почти не заметил. Он отсыпался, читал Лоуэна, ходил с Алексом в зал, а во вторник вечером вся компания распила в «Синей чайке» бутылку, выигранную Алексом и Элизой, пока Даниэль доказывал, что тройку по экономике следует считать статистическим выбросом. Эве Леон не писал, она ему тоже. Уроки по договору должны были возобновиться в субботу, и Леон делал вид, что ожидание его совершенно не тяготит.

В первый учебный день он пришёл в университет раньше обычного. Аудитория была почти пустой, только несколько человек сидели по углам, уткнувшись в телефоны. На первом ряду, у самой кафедры, сидела Эва.

Леон остановился в дверях.

На ней была рубашка. Белая, хлопковая, самая простая рубашка, какую только можно себе представить, без кружев и без выреза, застёгнутая на все пуговицы, кроме верхней. Но она была её размера. Впервые за всё время, что Леон её знал, на Эве была вещь, которая не висела мешком, не скрывала плеч и не заканчивалась где-то на кончиках пальцев. Рукава были подвёрнуты до локтя, и Леон увидел её запястья, тонкие, с выступающими косточками. Она вдруг показалась ему почти обнажённой, сидя вот так с оголёнными до локтя руками посреди аудитории, где минут через пятнадцать будет сидеть больше двадцати человек. Леон заставил себя сдвинуться с места.

Эва что-то писала в тетради, ровно и аккуратно, и только когда Леон прошёл мимо и поднялся на свой предпоследний ряд, она на секунду подняла руку и, не глядя, поправила подвёрнутый рукав.

Глава 14. Госпожа Изюм разрешает

Леон набрал сообщение в третий раз и снова стёр его. Автобус мучительно медленно полз по набережной, застряв в пробке из-за дорожных работ. За окном виднелся белый лес мачт. Марина Кастельмара, яркая и оживлённая в летний сезон, с ноября впадала в спячку. Маленькие яхты и катера, укрытые чехлами, рядами стояли вдоль берега. Яхты побольше плавно покачивались на волнах, обвязанные со всех сторон надувными кранцами так плотно, что соприкасались друг с другом. Леон смотрел на это уснувшее царство веселья и красивой жизни и впервые за долгие годы не клял сезон дождей за то, что тот лишал его половины удовольствий в жизни. Яхты, серфинг, вечеринки на пляже, загорелые красотки. Всё это казалось бесконечно далёким и не особо важным на данный момент. Он вздохнул, и женщина на соседнем сиденье покосилась на него. В конце концов, Леон написал и отправил самый короткий вариант из возможных: «В субботу урока не будет. У Элизы день рождения. Прости, что так поздно».

Он перевернул телефон экраном вниз, положил его на колено и стал смотреть, как за окном видавший жизнь маринеро шёл по пустому пирсу и проверял канаты, регулировал кранцы и, кажется, радовался спокойному дню после затяжной непогоды. Небо было ясным, океан — спокойным. И вдруг Леон подумал, что жизнь его в последние годы напоминала один непрекращающийся шторм, он так к нему привык, что считал это нормой. Теперь, после долгих лет качки, он неожиданно оказался на тихой воде. С виду скучнее, зато жизнь не пыталась пустить его на дно каждый Божий день.

По договору он мог отменить урок, если что-то случится, и день рождения лучшей подруги считался случаем вполне уважительным. И всё же он сидел в автобусе, смотрел на океан и чувствовал себя виноватым, и к тому же немного разочарованным тем, что урок не состоится. Хотя, возможно, тут Леон лукавил, потому что был разочарован намного сильнее, чем мог сам себе признаться.

Телефон завибрировал раньше, чем автобус доехал до следующей остановки.

«Я знаю. Я тоже буду».

Леон выпрямился и перечитал сообщение. Женщина рядом снова на него покосилась. Он хотел спросить «как», потом «почему», потом «с кем», и все три вопроса показались ему одинаково глупыми. Единственным вариантом было приглашение от Элизы. Скорее всего, как благодарность за концерт «Вэгэбондс». Он давно заметил, что после этого девчонки стали больше общаться с Эвой. Их явно интриговала её связь с самой известной группой страны.

«Тогда до субботы», — написал Леон и почувствовал, как внутри стало спокойнее. И возможно, он даже был рад, что они всё-таки встретятся в эту субботу.

* * *

Дом Сангре стоял на холме над старой частью города, и по вечерам его было видно с набережной: белый, длинный, с плоской крышей и террасой в несколько ярусов, спускающейся в роскошный сад. В детстве Леон проводил здесь достаточно времени, чтобы до сих пор помнить, на какой ступеньке лестницы в сад можно споткнуться и в каком углу веранды лучше всего прятаться от посторонних глаз.

В субботу дом был при полном параде. Огромную стеклянную стену гостиной раздвинули до упора, и гостиная плавно перетекала прямо в террасу, так что было непонятно, где кончается дом и начинается улица. На террасе горели газовые фонари-обогреватели, похожие на высокие железные грибы, и под каждым грелась своя кучка гостей. Вдоль перил тянулись гирлянды из маленьких тёплых лампочек, в гостиной был организован бар с напитками, вдоль стен стояли полные закусок столы, а в углу гостиной, хотя до праздников оставалось больше месяца, уже красовалась огромная ёлка. Мать Элизы всегда начинала украшать дом первой на всём холме. Новогодние праздники были её любимым сезоном.

Хозяева дома, Петро и Оливия Сангре, встречали гостей у входа, уже одетые для выхода. Отец Элизы, высокий, с аккуратной седой бородой и в бархатном пиджаке, жал руки всем проходящим мимо него молодым людям. Рукопожатие его было энергичным и размашистым, словно после удачной сделки. Мама, маленькая и круглая, с серебряной прядью в тёмных волосах, целовала всех подряд и делала маленькие, но приятные комплименты.

— Леон! — Оливия поймала его за щёки обеими руками и посмотрела снизу вверх. — Как я рада тебя видеть, мой мальчик. Какой нарядный. Галстук… это что, лисы?

— Это подарок, — улыбнулся Леон.

— Элиза выбирала, — уверенно сказал господин Сангре и подмигнул. — У неё всегда был ужасный вкус на мужские аксессуары. Так что я бы на твоём месте радовался, что у вас ничего не получилось. Бедный Алекс.

Мужчина громко расхохотался от своей собственной шутки, но тут же замолк под гневным взглядом жены.

— Петро, как ты…

— Оливия, не беспокойтесь. — Леон улыбнулся ещё шире и поймал себя на мысли, что тоже рад, что у них с Элизой так ничего и не вышло. — Дела минувших дней. И я абсолютно согласен с господином Сангре. Мне и правда жаль Алекса.

Петро снова расхохотался.

— О, я рада, дорогой. Я так рада, что вы все до сих пор дружите, несмотря ни на что. А тебе пора бы уже найти себе девушку. — Леон в очередной раз отметил, как же похожи мать и дочь, и снова порадовался, что Оливия — будущая тёща Алекса, а не его. — Элиза говорит, ты страшный сердцеед. Да ещё и гуляешь много. Конечно, для твоего возраста это нормально, но знай…

Тут уже включился господин Сангре. Он взял жену под руку, мягко оборвав её спич.

— Дорогая, нам пора. Нравоучения подождут до завтра. — Петро весело подмигнул Леону, который слушал Оливию с вежливой улыбкой. — А сегодня пусть веселится.

— О, ты прав. Леон, извини, если меня занесло. — Госпожа Сангре мягко сжала его руку.

— Ничего страшного, Оливия. Вы абсолютно правы. Я уже взялся за ум.

— О, Элиза рассказала, что ты…

Тут господин Сангре протянул Леону руку для рукопожатия.

— Всё, мы уходим. Столик на девять, и я не намерен его упускать. Веселитесь. — Петро пожал Леону руку и повёл жену к машине.

— До свидания, Леон. Повеселитесь. — Госпожа Сангре чмокнула его и послушно двинулась за мужем.

— Не сожгите дом. Ковёр в гостиной — свадебный подарок её бабушки, помните это, иначе не миновать вам Божьей кары! — крикнул на прощание отец Элизы и, открыв дверь машины, помог супруге сесть.

Леон смотрел, как они усаживаются и уезжают. Чета Сангре всегда ему нравилась.

Элиза стояла посреди гостиной в чёрном платье с открытой спиной и отдавала последние распоряжения к празднику. Красные волосы были высоко собраны, на шее блестело тонкое ожерелье с россыпью драгоценных камней, а на руке мерцал браслет, который выглядел не менее шикарно, но был явно из другого комплекта. Леон узнал подарок Алекса, который тот выбирал так долго и внимательно, что Леон с Даниэлем могли его узнать с первого взгляда. Элиза выглядела счастливой. Алекс явно делал успехи в третьем языке любви.

Увидев Леона, Сангре замолчала на полуслове. Посмотрела на галстук. Потом посмотрела ему в лицо. Она не сказала «я же говорила», только чуть приподняла подбородок, довольная, и Леон понял, что выиграл себе вечер без назиданий.

— С днём рождения, — сказал он и протянул ей небольшую коробку.

Элиза развязала её и замерла. Внутри, в гнезде из папиросной бумаги, сидел медвежонок. Старый, светло-коричневый, с пуговичными глазами и потёртыми ушами, а на левой задней лапе у него было вышито «17».

Элиза коллекционировала этих медведей с девяти лет. У неё было тридцать шесть номеров из сорока, и она помнила о них всё: кто где куплен, кто кем подарен, кто нашёлся на блошином рынке в Центрополе, а кто приехал по почте из какой-то деревни, где хозяйка лавки сама не знала, что продаёт. Семнадцатого она искала несколько лет. Леон нашёл его в начале лета, у коллекционера на другом конце страны, торговался три недели по переписке и заплатил столько, что сейчас, без машины и с урезанными деньгами, вспоминать об этом было неловко.

Элиза медленно достала медвежонка из коробки. Повернула, посмотрела на лапу. Потом прижала его к себе обеими руками, совсем как девочка, и уткнулась носом в потёртую макушку.

— Ренар, — сказала она глухо, в медведя. — Я тебя ненавижу.

— Ты знаешь, это взаимно.

— Где ты его взял?

— Секрет фирмы.

Элиза подняла на него глаза, и они были подозрительно блестящими. Потом она развернулась к официанту и голосом, в котором не осталось и следа слёз, велела унести коробку наверх, в её комнату, а медведя не трогать, потому что медведя она понесёт сама.

* * *

Компания собралась у дальнего фонаря, на углу террасы, откуда был виден весь город. Алекс в тёмном свитере стоял, прислонившись к перилам, и держал два бокала, свой и Элизы, хотя именинница, общаясь с гостями, к своему ещё ни разу не притронулась. Мира в ярко-жёлтом платье, со своими пышными кудрями похожая на подсолнух, рассказывала что-то, размахивая руками, а Даниэль слушал её с внимательным и слегка недоверчивым выражением лица.

— Сок, — сказала Элиза, вернувшись к ним и забрав свой бокал у Алекса. Она смотрела на стакан в руке Леона. — Ты пьёшь апельсиновый сок. На моём дне рождения. Может, нам стоит вызвать экзорциста?

— К сожалению, ты не права, — сказал Леон. — Сок мандариновый.

— Что с тобой?

— Оставь его, — мягко сказала Мира. Она посмотрела на Леона внимательно, наклонив голову. — Ты, кстати, хорошо выглядишь. Как человек, который высыпается. Это очень подозрительно.

— Кажется, Госпожа Изюм в десять укладывает нашего мальчика спать, — сказала Элиза. — С книжкой и стаканом тёплого молока.

— По всей видимости, к молоку дают ещё и пирог, — улыбнулся Даниэль, и все повернулись к нему. — Что? Он явно поправился. Хотя возможно он пухнет от новых знаний.

— Человек влюбился в учёбу, — сказала Мира и улыбнулась в свой бокал. — Бывает. Я читала, что это лечится.

— Не лечится, — ухмыльнулся Алекс. — Судя по такому длительному эффекту.

Леон улыбался, но глаза его смотрели на друзей изучающе: ему кажется или в их словах слишком много опасного для него подтекста?

* * *

Лукас появился на террасе около девяти, и не один. В очередной шёлковой рубашке и кричаще-ярком пиджаке Лукас больше походил на сутенёра в одном из кварталов на краю Кастельмара, чем на сына одного из самых крупных судостроителей страны. Рядом с ним шла Шанталь, в светлом шёлковом платье на тонких бретельках и меховой накидке, с гладкими светлыми волосами, украшенными тонким ободком с камнями. По всей видимости, не простыми.

Лукас увидел Леона и направился прямиком к нему, широко улыбаясь и ведя за собой Шанталь, как выигранный приз. Подойдя, он хлопнул Леона по плечу так, что сок чуть не выплеснулся из стакана.

— Ренар! — сказал он. — Спасибо, что не пришёл тогда на крышу. Мне больше досталось.

Шанталь улыбнулась. Улыбка у неё была красивая и ровная, но взгляд, которым она скользнула по Леону, по его галстуку и стакану с соком, Леону не понравился. Он сразу вспомнил своё «Скоро» и то, что так и не написал. Вспомнил и понял, почему она здесь. Она пришла на крышу у Ромеро ради него, его там не оказалось, и она ушла оттуда с тем, кто хоть как-то мог потешить её самолюбие. С Лукасом, который был знаком с половиной города и вхож во многие семьи. Элиза, конечно, не могла его не пригласить: их отцы часто пересекались по работе.

— Привет, Леон, — сказала Шанталь сладким голосом. — Как диета?

— Строго, — сказал он.

— Вижу. — Она посмотрела на стакан. Потом перевела взгляд на Элизу, медленно, с ног до головы, задержалась на открытой спине. — Элиза, с днём рождения. Какое платье. Это то самое, в котором ты была на приёме у Фруа? Или у тебя их несколько одинаковых?

— У меня их несколько, — спокойно ответила Элиза. — Разных. Возьми канапе, Шанталь. Они с икрой. Тебе понравится.

Лукас почувствовал лишнее напряжение. Несмотря на внешнюю угловатость, он вырос в высшем обществе и знал, когда надо переключить тему в светской беседе, чтобы не случилось драки, особенно если дело касалось женщин. Он достал небольшую коробку из кармана и протянул Элизе.

— Элиза, с днём рождения. Рад тебя видеть. Родители просили передать самые лучшие пожелания, а подарок мы выбирали вместе с мамой.

Элиза улыбнулась и открыла коробку, в которой лежали изящные и очень дорогие часы.

— Спасибо, Лукас. И передай мою благодарность господину и госпоже Лоран.

Шанталь кинула взгляд на коробку и улыбнулась ещё шире, видимо, намереваясь что-то сказать, но Лукас взял её под руку и повёл в сторону бара. Леон видел, как она оглянулась через плечо. Не на Элизу. На него.

* * *

Эва приехала, когда Леон уже начал думать, что она над ним пошутила и её не будет. Он стоял у раздвинутой стеклянной стены, на границе тёплого света гостиной и прохладного вечера, и спорил с Даниэлем о том, можно ли считать пятёрку Даниэля у Ламбер закономерностью, если у самого Даниэля была выборка всего из двух экзаменов. Леон как раз пытался доказать товарищу, что тот лукавит и подстраивает статистику под себя, когда поднял глаза и замолчал на полуслове.

Эва стояла у входа и оглядывала толпу гостей. Во взгляде была привычная тревожность, но сегодня она словно стала меньше, смешавшись с ещё робкой, но всё же уверенностью. Осанка стала прямее, и плечи выглядели расслабленнее, чем обычно. И эти плечи заставили Леона замолчать. На Эве было платье. Тёмно-зелёное, глубокого бутылочного цвета, из мягкого тонкого трикотажа в мелкий рубчик, с длинными рукавами и длиной ниже колена. Оно не облегало, но и не висело, просто мягко ложилось по фигуре. Ворот у платья был асимметричным: справа он поднимался почти до самой шеи, а слева уходил вниз и открывал одно плечо, только одно, и ключицу. Ту самую, левую. С маленькой родинкой. Леону показалось нечестным, что она открыла именно её, будто Эва собиралась рассказать их общий секрет всей гостиной разом.

Волосы Эва переплела. Вместо привычной тяжёлой косы по спине через правое плечо на грудь спускался колосок, сложный, с вплетёнными тонкими прядями, и от этого коса казалась

короче и легче. Прежними остались только очки, и Леон не мог объяснить себе, почему рад этому.

Он смотрел, как она идёт через гостиную, обходя гостей, как часто обходила большие компании на университетской площади, вдоль стены, не задевая никого. Но если в университете её никто не замечал, то теперь вслед ей обернулось несколько человек. Какой-то парень у бара проводил её взглядом и что-то сказал приятелю, и Леону захотелось подойти и узнать, что именно.

«Пикантная деталь», вспомнил он собственный голос на её кухне. «Вырез, спущенное плечо, почти прозрачная вязка». «Мягкая говорит: ко мне можно прикоснуться».

Она выбрала из его списка одну деталь. Одно плечо. Всё остальное было закрыто так строго, что взгляд сам шёл туда, куда ему позволили, останавливался там и не мог уйти.

— Ренар, — сказал Даниэль. — Ты не договорил. Выборка из двух…

— Да, — сказал Леон. — Конечно.

Даниэль проследил его взгляд, помолчал и ничего не сказал. Только достал из кармана кубик и повертел его в пальцах.

Эва нашла Элизу у ёлки. Леон видел их издалека: Элиза всё ещё в обнимку с медведем, Эва с плоским свёртком в крафтовой бумаге. Элиза развернула свёрток и замерла второй раз за вечер. Это была книга, новенькая, в тёмно-синей суперобложке с тиснёными буквами, и Леон даже отсюда разглядел, как у Элизы вытянулось лицо.

— Где ты это взяла? — услышал Леон голос Элизы, когда подошёл ближе. Голос звучал благоговейно, будто в руках у неё была святыня святынь. — Пилотный тираж был всего триста пятьдесят экземпляров. И писали, что он разлетелся прямо на презентации. Даже некоторым критикам не досталось.

— Найджел помог, — сказала Эва просто. — Он знаком с Венерой Менье. Я попросила, он попросил, и вот неделю назад книга пришла ко мне. — Эва засмущалась и отвела глаза. — Открой. Там ещё на первой странице.

Элиза раскрыла книгу и увидела автограф, выведенный размашистым почерком: «Дорогой Элизе в День её Рождения! Ты должно быть очень хороший человек, раз у тебя такие друзья…». Она выдохнула и на пару секунд застыла. Потом подняла глаза на Эву и посмотрела на неё с фирменным прищуром Сангре, словно в очередной раз не понимала, кто же перед ней. Леон даже забеспокоился за Эву, Элиза выглядела так, точно сейчас же устроит допрос с пристрастием. Он отлично знал этот взгляд. Но к его удивлению, Элиза только широко улыбнулась и прижала книгу к груди рядом с медведем.

— Спасибо, — сказала она. — Правда. Я… спасибо.

* * *

Как они оказались рядом, Леон не заметил. Он отошёл к бару за новым стаканом, Эва отошла туда же за шампанским, и их на минуту прижали друг к другу у стойки, где толпились человек десять. Её плечо, открытое, оказалось в нескольких сантиметрах от его руки. Он почувствовал её тепло, и ему захотелось сделать случайный шаг вбок, чтобы их руки соприкоснулись. Но Леон знал, что нельзя. И усилием воли отодвинулся ровно настолько, чтобы прикосновения не случилось, но тепло не пропало.

Мира вынырнула из толпы с бокалом в руке, раскрасневшаяся и счастливая, и уже явно не после первого бокала. Она посмотрела на Эву. Потом на Леона. Потом снова на Эву и всплеснула свободной рукой так, что шампанское чудом не вылилось.

— Эва! — сказала она звонко. — Ты сегодня шикарная. Нет, правда. Я тебя не узнала сначала. Слушай, а вы что, сговорились? Ты же один в один под его галстук!

Несколько человек вокруг обернулись. Прозвучало это очень двусмысленно. Леон посмотрел на свой галстук, на тёмно-зелёное шёлковое поле с рыжими лисами, потом на её платье. Цвет был почти точь-в-точь.

— Если что, это не я, — сказал он быстро. — Я тут ни при чём. Я просто лис.

Это было глупо. Но мозг как специально отказывался выдавать что-то адекватное и по-настоящему смешное. Леон почувствовал себя маленьким мальчиком, которого чуть не спалили на краже конфет. Мира рассмеялась, кто-то рядом хмыкнул, Эва отвернулась и сделала небольшой глоток шампанского. Леон видел, что щёки у неё порозовели. Хотя в тусклом свете гирлянд трудно было сказать наверняка. У ёлки Элиза снова прищурилась.

А за плечом Миры неожиданно вынырнула Шанталь, которая, судя по её лицу, слышала и реплику Миры, и дурацкий ответ Леона, и сделала выводы, которые ей совершенно не нужно было делать. Она смотрела на Эву так, как смотрят на пятно на дорогом платье, с брезгливым удивлением, и пальцы сжались на ножке бокала так, что норовили её сломать.

— О, — сказала Шанталь. — А я тебя знаю. Ты же та, что носит Ренару конспекты, да? Лупоглазая мышь в вечно растянутых свитерах. — Она шагнула ближе, мимо Миры, и Мира растерянно посторонилась. — Милое платье. Зелёный тебе идёт. Цвет надежды.

— Спасибо, — сказала Эва.

Голос у неё был ровным. Она не подняла плечи, не опустила глаза, не стала тянуть рукав. Она просто стояла у стойки с бокалом шампанского и смотрела на Шанталь, спокойно, чуть снизу, потому что Шанталь была выше на полголовы и на каблуках.

— Нет, правда, — продолжила Шанталь, и сладость в её голосе стала густой, как сироп. — Ты так старалась. Платье, причёска. Это всё для кого, интересно? — Она быстро глянула на Леона и снова на Эву. — Думаешь, если надеть платье, он на тебя посмотрит? Милая, он на таких, как ты, не смотрит. Ему интересно, пока ты пишешь за него конспекты. А потом…

— Ты слишком много говоришь для человека, которого никто ни о чём не спрашивал, — отчеканила Эва.

Слова были сказаны негромко, но голос Эвы прозвучал так резко и холодно, что Мира невольно поёжилась, а гости вокруг удивлённо начали оборачиваться. Шанталь на секунду растерялась. Потом лицо её пошло красными пятнами, она открыла рот, и Леон шагнул вперёд. Он не знал, что собирается сделать. Встать между ними, увести Шанталь, сказать что-нибудь такое, после чего она заткнётся. Что угодно.

Эва, не глядя на него, чуть заметно качнула головой. Коротко, из стороны в сторону. Леон остановился. Движение было странным. Слишком спокойным, не подразумевающим возражений. Он захлопнул рот и не произнёс ни слова, но понять, что произошло, не успел.

— Да что ты о себе возомнила, — прошипела Шанталь. — В Золушку решила поиграть? Тебя сюда из жалости позвали. Тебя везде зовут из жалости, ты разве не…

Эва подняла свой бокал. Движение было лёгким, почти элегантным, без размаха и злости. И на лице у неё не дрогнуло ничего.

Шампанское ударило Шанталь в лицо. Плеснуло на светлые гладкие волосы, на шёлковое платье, на тонкие бретельки, и стекло с подбородка на пол.

Стало очень тихо. Даже диджей, кажется, на секунду сбился.

Эва поставила пустой бокал на поднос проходившего мимо официанта. Официант посмотрел на бокал, потом на Шанталь, потом на Эву и, видимо, решил, что лучшее, что он может сделать в этой жизни, — просто идти дальше, и пошёл. Эва повернулась к Элизе, которая уже стояла рядом, успев пересечь полгостиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.